

Лейла Мирзоева

Публицистические тенденции в прозе и поэзии Древнего Рима

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

БАКИНСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лейла Экрем Мирзоева

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ТЕНДЕНЦИИ
В ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ
ДРЕВНЕГО РИМА**

(Учебное пособие)

*Утверждено решением Ученого совета
Бакинского славянского университета
от 27 октября 2017 г. (протокол № 02).*

Баку – Мугарджим – 2018

Научный редактор:

А.Ч.Агамиров

доктор философии по филологии, доцент

Рецензенты:

Т.А.Халилова

доктор филологических наук, профессор

С.А.Магеррамова

доктор филологических наук, профессор

Р.М.Новрузов

доктор филологических наук, профессор

Э.А.Бабаев

*доктор философии по искусствоведению, профессор,
заслуженный журналист*

**Мирзоева Л.Э. Публицистические тенденции в прозе и поэзии
Древнего Рима. Учебное пособие для ВУЗов.**

– Баку: Мутарджим, 2018. – 200 стр.

М $\frac{4306020000}{026}$ 210-18

© Л.Э.Мирзоева, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
«Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря – публицистическое произведение. Покоренные, но непокорные. Галльский герой	
Верцингеторикс	8
Плутарх о Галльской войне	23
Галльский герой. Амбиорикс	24
Галльский герой. Индутиомар.....	31
Устная публицистика. Ораторское искусство	32
Под толщей веков. Непроверенное «СМИ».....	42
Галлы и германцы. Особенности мировоззрения глазами римского завоевателя. Юлий Цезарь об образе жизни британцев.....	46
Информативности нет предела. О принципах боевой тактики	54
Краткий экскурс. Гней Помпей, Марк Красс, Юлий Цезарь.....	59
Ораторство решает все. Плутарх о Юлии Цезаре	61
Краткий экскурс. Марк Туллий Цицерон.....	67
Публицистика политических деятелей эпохи I триумvirата, его крушения и гражданской войны (Марк Цицерон, Юлий Цезарь, Марк Целлий).....	72
«Развлекательная» публицистика. Афоризм как форма лаконичного выражения злободневной проблемы. Цицерон	83
Категория нравственности в мировоззрении древних.	
Платон о нравственности.....	86
Аристотель о категории этики.....	89
Особенности публицистического жанра в древнеримской литературе. Диалог М. Цицерона «О старости (Катон Старший)».	
Индивидуально – эсхатологическая доктрина.....	92
Публицистические тенденции в диалоге «О дружбе (Лелий)».	
Афоризм как форма лаконичного выражения злободневной проблемы	101
Публицистические тенденции в трактате «Об обязанностях».	
Афоризм как форма лаконичного выражения злободневной проблемы. Книга I	108
Трактат «Об обязанностях». Книга II	117

Трактат «Об обязанностях». Книга III.....	121
Публицистические тенденции в сочинении Гая Саллюстия Криспа «Заговор Катилины».....	126
Тит Лукреций Кар. Поэма «О природе вещей». Публицистические тенденции	129
Поэзия Гая Валерия Катулла. Публицистические тенденции.....	131
Басни Федре. Публицистические тенденции	133
Сатиры Децима Юния Ювенала. Публицистические тенденции ...	134
Публицистические тенденции в древнеримской историографии (Светоний Транквилл, Корнелий Тацит).....	137
Божественный Юлий.....	143
Божественный Август	148
Тиберий	155
Парадокс преемственности. Гай Калигула.....	161
Сарказм рока. Почему именно он?! Божественный Клавдий	165
Парадокс преемственности. Нерон	168
Гальба	175
Отон	177
Вителлий.....	178
Глоток воздуха. Божественный Веспасиан	181
Еще один глоток воздуха. Божественный Тит. (Парадокс амбивалентности)	183
Парадокс амбивалентности. Домициан	186
Заключение.....	189
Список использованной литературы	192

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие «Публицистические тенденции в прозе и поэзии Древнего Рима» предназначено для студентов бакалавриата и магистратуры факультетов филологии и журналистики, осваивающих дисциплины «История зарубежной журналистики», «История и методология журналистики», «Публицистика», «История зарубежной литературы», а также может быть использовано в качестве важного информативного материала для спецкурсов по вышеназванным дисциплинам.

Из предлагаемого учебного пособия студенты могут почерпнуть обширные знания об особенностях древнеримской публицистики, которая явилась мощной предтечей к дальнейшему развитию публицистического жанра.

В учебном пособии представлены наиболее яркие примеры публицистической литературы Древнего Рима – «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, уникальные письма Марка Туллия Цицерона к друзьям, его диалоги «О старости (Катон Старший)», «О дружбе (Лелий)», трактат «Об обязанностях», произведения Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей», «Анналы» Корнелия Тацита, «Заговор Катилины» Гая Саллюстия Криспа, поэтическое творчество Тита Лукреция Кара, Гая Валерия Катутла, Децима Юния Ювенала, басни Федра.

В учебном пособии вниманию читателей предложены разные, порой, полярно противоположные точки зрения писателей – публицистов на видных политических деятелей (Цицерон и Светоний о Юлии Цезаре, Светоний и Тацит о Нероне), что позволяет составить полное и объективное представление об этих незаурядных личностях.

Идейно – художественный анализ дошедших до нас произведений позволяет со всей яркостью представить особенности, колорит и специфику образа жизни, мировоззрения древнеримского общества, а выявление в данных текстах публицистических тенденций раскрывает перед читателем все разнообразие политических и социальных проблем того времени.

Анализ публицистических особенностей произведений осуществляется в контексте исторических реалий эпохи, что помогает уяснить причинно – следственные связи между актуальными проблемами, особенностями психологии общества и принципами их отражения в литературе изучаемого периода.

Имея целью представить к изучению как можно более обширный материал, мы обогатили его содержание, помещенной в подстрочнике, специальной разъяснительной информацией о древнеримских государственных деятелях и полководцах, философских течениях, особенностях законодательства, специфической терминологии.

Особое внимание в работе уделяется ораторской прозе. Мастерами красноречия представлены Гай Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Германик, сын Друза Старшего и др. Говоря о преимуществах обладания талантом красноречия, мы назвали «саркастической словесной фигурой» – способность ораторов молниеносно реагировать «острым словом» на соответствующую реплику или ситуацию.

«Приемом информационной тавтологии» мы определили, встречающиеся в текстах древнеримских авторов (Юлий Цезарь, Цицерон) явные повторы одной и той же информации. Мы объяснили этот феномен не невнимательностью публицистов, а тем, что они таким образом стремились подчеркнуть, на их взгляд, важные, сообщаемые ими сведения.

Также приводятся, имеющие место в древнеримской прозе, афоризмы публицистического характера, а также, разоблачающие актуальные проблемы времени, политические народные («безымянные») стихи в древнеримской историографии, которые в данном жанре мы определили «народной публицистикой».

В учебном пособии исследование древнеримской публицистической литературы проводится в определенной взаимосвязи с предшествующей ей древнегреческой прозой. (Демосфен, Платон, Аристотель и др.) С целью более опосредованного понимания анализируемых произведений привлечен исторический труд Плутарха «Избранные жизнеописания».

В учебном пособии представлена информация об особенностях публицистической литературы, исторических реалий Древнего Рима, усвоение которой будет способствовать расширению кругозора студентов, повышению их эрудиции. Именно сила и уникальность древнеримской литературы, искрометность публицистической мысли творцов этой литературы обусловили дальнейшее развитие публицистического жанра в Средние века, в эпоху Ренессанса,¹ в Новое время.

Информативность содержания данного учебного пособия способствует созданию глубокого научно – познавательного, историко – мировоззренческого фона к всестороннему и качественному изучению студентами публицистических тенденций в прозе и поэзии Древнего Рима.

АВТОР

¹См. учебник Л.Э. Мирзоевой «История журналистики зарубежных стран». Баку., Мутарджим., 2018.

**«ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ»
ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ – ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ.**

**ПОКОРЕННЫЕ, НО НЕПОКОРНЫЕ.
ГАЛЛЬСКИЙ ГЕРОЙ ВЕРЦИНГЕТОРИКС**

Имя Гая Юлия Цезаря известно всем – память об этом выдающемся государственном деятеле победила века, он – главный герой исторических трудов Античности, Средневековья и Возрождения, а в наши дни продолжает покорять сердца людей через популярные романы и кинематограф.

За двадцать с лишним веков об удивительной личности Юлия Цезаря сказано немало... Исследуя его фундаментальный труд «Записки Юлия Цезаря о Галльской войне»² с точки зрения имеющих место в нем публицистических тенденций, мы переносим акцент нашего анализа на персонажи заклятых врагов автора произведения – галльских воинов. Однако образ самого Юлия Цезаря все равно явственно «проступает» в нашем исследовании, так как все изображенные Цезарем, реально существовавшие галльские герои не могут не рассматриваться нами через призму его психологии и мировосприятия.

Гай Юлий Цезарь до своего наместничества в Иллирии и Цизальпинской Галлии занимал должности военного трибуна³,

² Юлий Цезарь также являлся автором произведения «Записки о гражданских войнах». (Прим. авт.)

³ Военный трибун – командная должность в древнеримской армии. (Прим. авт.)

затем квестора⁴, после эдила⁵ и первосвященника. В 59 году до н. э. он был избран консулом.

Галлия располагалась на территориях современных Франции, Бельгии, Швейцарии, Германии, Северной Италии, Западной Испании, Чехии, Австрии. В те давние времена, на рубеже двух эр, Галлия разделялась на Цельтийскую, Аквитанскую, Бельгийскую. В эти земли Цезарь предпринял восемь походов, а также совершил по два вторжения в Британию и Германию. В начале военного предприятия в распоряжении Цезаря было шесть легионов, число которых в ходе войны возросло до двенадцати.

«Они («Записки Юлия Цезаря») встретили такое единодушное одобрение, что, кажется, не столько дают, сколько отнимают материал у историков». (Гирций о «Записках Гая Юлия Цезаря») (37, 26-27).

В «Записках...» Юлий Цезарь описывает современную ему ойкумену, а также населяющий ее удивительный мир многочисленных галльских племен во всем их разнообразии – их обычаи, традиции, верования, особенности мышления. В этом великолепном памятнике древнеримской публицистики содержится актуальная текущему времени, детальная этнографическая, историографическая, географическая информация.

Однако в своем оперативном отражении действительности Юлий Цезарь не всегда мог подняться до уровня полной журналистской объективности – он жил, воевал, творил почти за две тысячи лет до принятия Софийской декларации ЮНЕСКО в

⁴ Квестор – должностное лицо, в обязанности которого входила поддержка консулов в судебных и финансовых делах. Консулы – в Древнем Риме два высших должностных лица, избиравшиеся сроком на один год. (Прим. авт.)

⁵ Эдил – должностное лицо, контролирующее проведение общественных игр, строительство храмов, акведуков и т.д. (Прим. авт.)

1997 году. «Цезарь тенденциозно описывает свои походы в Галлию, стараясь оправдать не только себя, но и всю захватническую политику Рима» (1, 191). Объяснить этот факт можно тем, что, будучи сыном своего времени и отечества, Юлий Цезарь думал и творил в рамках своего мировоззрения. И все же, по большей части, в описании событий, военных действий, реальных галльских и римских героев и т. д. мы получили вполне достоверную информацию об одном из самых тяжелых и кровопролитных периодов в истории Древнего Рима.

В данной части нашей книги мы ставим целью выявить объективные и тенденциозные суждения автора «Записок о Галльской войне» относительно описываемых им событий.

Юлий Цезарь воевал в Галлии с племенами: Нервиями, Моринами, Эссуйями, Ремами, Белгами, Эбуронами, Карнугами, Белловаками, Битуригами, Арвернами, Сантонами, Венетами, Эдуями, Гельветами, Ретами, Свевами, Убиями, Верцеллами, Ванионами, Сугамбрами, Узипетами, Тенктерами, Фризами, Менапами, Тунграми и др.⁶

Война галлов с римской армией в период наместничества Цезаря шла с переменным успехом, и сам автор «Записок...» был достаточно достоверен в описании, выпавших на долю римлян, тягот и трудностей. Беспрестанное сопротивление, не желавших покориться захватчикам, галльских племен ослабляло римские войска, истощая солдат и физически, и духовно.

⁶ Мы пишем названия племен с заглавной буквой так же, как они обозначены в произведении Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне». Исключение составят названия целых народов – галлов, германцев и др.

Мы пишем титул «Цезаря» с заглавной буквой также, как он обозначен у древнеримских историков (Светоний Транквилл, Корнелий Тацит). (Прим. авт.)

При всей естественной и нескрываемой неприязни к врагу, мудрый политик Юлий Цезарь явно руководствовался девизом «Легкая победа не прославит победителя». Характеризуя галлов как достойных противников, он, тем самым, возвеличивал военную мощь собственной армии.

Цезарь пишет, что из всех галльских племен особенной «храбростью отличаются преимущественно Белги» (6, 8). Римлянин Цезарь так объясняет этот факт: «...Причина в том, что по отдаленности их (Белгов) от Римской Провинции они чужды влияния ее образованности». То есть «... изнеженность нравов не могла еще найти к ним доступа» (6, 8).

Описывая битву с Нервиями, Цезарь говорит о них: «Неприятель, уже отчаявшись в спасении, не только не терял мужества, но действовал с удивительной храбростью» (6, 66) Но, несмотря на это, «в этой битве племя Нервиев было истреблено совершенно» (6, 66). На фоне подобной, весьма лестной характеристики неприятеля римская армия под командованием Юлия Цезаря выглядела еще более непобедимой.

Вместе с тем, автор произведения характеризует здесь себя как гуманного, великодушного завоевателя⁷: «Цезарь⁸ показал милосердие и снисходительность к просьбе побежденных (Нервиев) (...); он обошелся с ними чрезвычайно ласково, велел спокойно жить в их землях и городах; а соседям их строго приказал не причинять им никакой обиды, ни притеснения» (6, 67). С племенем Атуатуков Цезарь, по его словам, поступает также милосердно, «обещает безопасность (...), если они поко-

⁷ Звучит как оксюморон. Как и все завоеватели, Цезарь был жесток, и далее в своем произведении этого не скрывал. (Прим. авт.)

⁸ В своем произведении Цезарь говорит о себе в III лице. Приводит речи галльских военачальников также в III лице. (Прим. авт.)

рятся ему прежде, чем его машины начнут бить стену» (6, 69). Более того, Цезарь даже повелел своим войнам покинуть ночью захваченный город, «опасаясь, как бы они (...) не нанесли какой обиды его жителям» (6, 69). Однако покоренные, но не покорные Атуатуки совершили очередную попытку освободить свой город: воспользовавшись отсутствием римлян, они вышли из города и напали на врага. Вот, что пишет автор «Записок...» о неприятеле: «Тот сражался с отчаянным мужеством, как и следовало храбрым людям, вся надежда на спасение которых оставалась в доблести» (6, 70). Далее Цезарь со всей справедливостью доносит до нашего сведения: «...Местность была против них (Атуатуков), с нашего вала и башен они были осыпаны стрелами»... (6, 70)

Попытка Атуатуков восстать против завоевателей окончилась для них плачевно. Цезарь сменил милосердие и снисходительность на жестокость и непреклонность. Он «приказал всех жителей и их имущество продать с аукциона» (6, 70).

В третьем походе римской армии под предводительством Юлия Цезаря против галлов состоялась морская битва с племенем Венетов. Автор снова в характеристике противника несколько не умоляет его мощь: «В стычках наших судов с судами Венетов первые превосходили быстротой и легкостью движения; последние же, более приспособленные к местным условиям, к силе бурь, во всех отношениях были удобнее и лучше наших (6, 78). И далее: «...Стрелы Римлян могли мало навредить Венетам, тогда как их стрелы, падая с высоты, били тем пагубнее» (6, 78). Вместе с тем Цезарь не скрывает гордость за своих солдат: «...Дело (...) зависело от личного мужества, а им наши войны превосходили неприятелей» (6, 79). Поэтому «этой

битвой была решена судьба Венетов и всех приморских племен Галлии» (6, 79).

Когда Цезарь описывает битву римской армии под предводительством Марка Красса⁹ с племенами Вокациев и Тарузатов, он отмечает, что «численность неприятелей умножалась с каждым днем» (6, 83). Битва была трудной, но закончилась она бегством врага, несмотря на то, что «сопротивлялся враг упорно и без робости» (6, 84).

В четвертом походе против галлов, в промежутке между галло – германскими войнами Цезарь вторгается в Британию. В продолжение морского боя стало понятно, что римляне имеют достойного противника. «Вообще наше положение было затруднительно; по своим размерам наши суда не могли остановиться на мелком месте...» (6, 102). Воины Цезаря были тяжело вооружены, а британцы «свободны в движениях» (6, 102). Цезарь пытается быть объективным в описании настроения своих солдат: «Наши воины, непривычные к сражению такого рода, чувствовали робость и сражались с британцами с меньшим жаром и усердием, чем обыкновенно в битвах на сухом пути» (6, 102). Далее Цезарь изображает ситуацию, призванную исправить его нелестную характеристику своих отчаявшихся солдат. Короткая ораторская речь знаменосца десятого легиона (автор не счел обязательным донести до нас его имя) буквально спасла положение: «Товарищи, устремитесь вперед, если не хотите оставить вашего орла в руках врагов; по крайней мере я исполню долг мой отечеству и моему начальнику!

⁹Марк Красс (115 – 53 до н.э.) – полководец, государственный деятель, один из членов триумvirата. (См. подробнее ниже). Триумvirат в Древнем Риме – союз трех (tres (лат.) – три) полководцев или политиков в период гражданской войны. Цель – захват власти. В данном случае триумvirат государственных деятелей – Марка Красса, Гнея Помпея, Юлия Цезаря. (Прим. авт.)

Сказав это громким голосом, он спрыгнул с корабля и с орлом бросился в середину неприятелей» (6, 102).

Речь знаменосца хотя и была лаконичной, но своим глубоким впечатляющим содержанием возымела небывалый массовый эффект. Солдаты возобновили бой, а их примеру, как по цепной реакции, последовали воины на других, находящихся на более дальнем расстоянии, судах. Цезарь подытоживает – благодаря этому знаменосцу легион был «спасен от посрамления» (6, 103). «Бой был упорный с обеих сторон» (6, 103).

Несмотря на силу и мощь противника, римляне в этом бою победили.

Достойный враг – достойный противник, в очередной раз подчеркивает Цезарь, рассказывая о неприятеле: «Галлы хотели лучше погибнуть с оружием в руках, чем утратить и вольность, и древнюю воинскую славу, завещанную им предками» (6, 174). Тем более велика слава римлян, покорявших древний кельтский народ. «Удивительна храбрость наших воинов встречала себе противодействие в разного рода мерах со стороны Галлов... (...) Народ этот отличается смышленостью и изобретательностью, а более всего способностью подражать тому, чему научился от других» (6, 188).

Цезарь, то ли искренне восхищаясь храбростью и стойкостью врага, то ли гордясь мужеством и непобедимостью собственных воинов, описывает вполне типичной эпизод из галльского сопротивления: «Я сам видел особенность, достойную памяти, которую спешу здесь записать»... Цезарь рассказывает о галле, который метал «куски сала и смолы» (6, 190) под дождем вражеских стрел в сторону римского лагеря. Когда он, сраженный одной из стрел, пал, на его место бесстрашно заступил другой. А после него третий, четвертый, и так далее.

Описывая очередную битву, Цезарь часто повторяет: «бой был самый упорный с обеих сторон» (6, 214).

Являясь автором фундаментального журналистского произведения «Записки о Галльской войне» (труды присущи оперативность, своевременность, актуальность, достоверность, по большей части объективность), Гай Юлий Цезарь, как известно, проявил также себя не только как блестящий полководец, но и как выдающийся политический деятель и талантливый оратор. (См. ниже).

Автор «Записок...» достоверно описывает галльских предводителей сопротивления римской колониальной политике – Верцингеторикса, Индутиомара, Амбиорикса и других. Мы, говоря буквально, читаем «детальный отчет» о стратегических способностях этих героев, их ораторском искусстве, особенностях внешности и характера.

Верцингеторикс был вождем кельтского племени Арвернов, он пользовался уважением соотечественников не только за именитое происхождение (Цезарь пишет, что его отец Целтилл имел право старейшинства во всех племенах Галлии) (См. 6, 175), но за отвагу и многочисленные подвиги. Этот галл не собирался покоряться римским захватчикам и стал набирать армию сопротивления. Цезарь, описывая этот факт, не смог остаться до конца беспристрастным. Он с одобрением отзывается о дяде Верцингеторикса – Гобанитионе и других старейшинах, которые лишили поддержки «непокорного» и даже выслали его из города Герговии: «Гобанитион (...) и (...) старейшины народа не разделяли образа мыслей Верцингеторикса и считали его намерение безрассудным». Более того, Цезарь называет Верцингеторикса и его приверженцев «шайкой» (6, 176).

С большой армией Верцингеторикс возвращается в Герговию и изгоняет оттуда, смирившихся с римским владычеством старейшин.

За отвагу и мужество Верцингеторикс был провозглашен галлами царем, и это «самовольное» действие шло вразрез с имперской политикой Рима. «Он получил от своих приверженцев наименование царя» (6, 176), – пишет Цезарь. «В короткое время примкнули к нему Пиктоны, Сеноны, Паризии, Кадурки, Туроны, Авлерки, Лемовики, Анды и прочие племена, земли которых доходят до Океана» (6, 176).

Мы не можем сейчас судить, до конца ли был объективен автор «Записок...», когда описывал особенности правления своего непримиримого врага Верцингеторикса. Предстает он перед нами кровожадным вождем, не знавшим пощады ни к врагам, ни к собственным соотечественникам. «...Колеблющихся в верности он (Верцингеторикс) устрашал строгими казнями: за большое преступление предавал смерти огнем... (...). За менее важную вину он приказывает отрубать уши или выкалывать один глаз...» (6, 176). Цезарь отказывает непокорным галлам в сознательном нежелании покориться Римской Империи. Он утверждает, что именно «благодаря такой строгости» (6, 176) Верцингеторикс «в короткое время собрал значительное войско» (6, 176).

Покрытые глубокими сугробами Цевеннские горы преграждали Цезарю путь в земли Арвернов. При помощи солдат саперных подразделений¹⁰, расчищавших снег до шести футов в глубину, римские войска достигли назначения. «...Гору Це-

¹⁰ В римской армии было развито саперное дело. Саперы осуществляли работы по сооружению рвов, валов и т.д. (Прим. авт.)

веннскую они (Арверны) считали неприступным оплотом для своей земли...» (6, 179).

К непокорным Цезарь не был милосерден и снисходителен. Арверны были жестоко наказаны. Он (Цезарь) ставил целью «внушить им (Арвернам) как можно больше страха» (6, 179).

Сплоченные под предводительством Верцингеторикса галльские племена продолжали освободительную борьбу. Наконец, два лагеря – римский и галльский расположились у города Аварик.

На стратегов¹¹ ложилась чуть ли не главная ответственность за ведение и результат боя. Но также важно было, чтобы командующий войском обладал ораторским искусством. (См. ниже).

Лагерь Верцингеторикса был защищен «лесами и болотами» (6, 184). «Цезарь расположил лагерь войска с той стороны города, которая одна представляла к нему свободный доступ между рекой и болотом» (6, 185). И так как особенности ландшафта не позволяли окопать лагерь вокруг, то Цезарь ограничился насыпью и установкой осадных орудий.

Поставка римскому лагерю продовольствия была затруднена. Союзные римлянам племена (Бойи и Эдуи), на помощь которых Цезарь рассчитывал, искали способ примкнуть к повстанцам, и поэтому «весьма мало помогали» (6, 185). «Несмотря на это, ни разу не слышно было между ними (воинами) ропота, который омрачил бы славу прежних их побед и был бы недостоин величия народа Римского» (6, 185). «Скорее перенесут они всевозможные нужды и лишения, чем откажутся от

¹¹Стратег – военачальник. Во время битвы стратегов было несколько – они контролировали ведение боя по разным сторонам когорт и центуриев. (Прим. авт.)

намерения отомстить за своих сограждан (...) галлам» (6, 185). В этой ситуации безудержный пыл римских солдат «остудила» лаконичная, но очень содержательная речь Цезаря, убежденного в необходимости наличия более благоприятных обстоятельств к выступлению в бой. Приведем отрывок этой речи полководца: в случае сиюминутного нападения на врага, «победа стоила бы величайших жертвований и гибели множества храбрейших из них. Видя готовность воинов для его славы жертвовать жизнью, он (Цезарь) не согласится быть таким несправедливым, чтобы не считать жизнь воинов столь же дорогой, сколько ему дорога его собственная» (6, 186).

Верцингеторикс, в изображении Цезаря, также был не только опытным военачальником, но и одаренным оратором. Когда соплеменники вождя обвинили его в измене – якобы в неправильной стратегии в отношении к врагу и желании утвердить свою власть царя соизволением Юлия Цезаря, Верцингеторикс без труда исправил положение, прибегнув к тактике красноречия. (См. 6, 187). (Об этом ниже).

Не принижая мужество и отвагу галлов, тем самым, как мы уже не раз отмечали, возвеличивая храбрость и доблесть собственных воинов, Цезарь менее снисходителен (или менее объективен), когда описывает другие нравственные качества противника. Так, читатель чувствует легкую иронию автора, когда он говорит об отношении галлов к своему царю: «Верцингеторикса они признали превосходным полководцем, не сомневаясь в его преданности и сознались, что образ ведения войны, им избранный, есть самый лучший» (6, 188).

С некоторым упоением описывает Цезарь бездушное отношение галлов к своим домочадцам – женам и детям. Когда римляне взяли Аварик, мужское население приняло решение

спешно оставить город, а на просьбы женщин не бросать их на растерзание врага ответили решительным отказом. («...Бежать же им (женщинам и детям) невозможно было по слабости сил...» (6, 191). Характеризуя данную ситуацию, Цезарь дает волю своим негативным эмоциям: «...Чувство боязни за себя изгнало чувство жалости...» (6, 191). Или: «Одни (Галлы) побуждаемы были корыстолюбием, другие – раздражительностью и опрометчивостью, столь свойственными характеру здешних жителей...» (6, 200).

Сквозь понятную личную неприязнь Юлия Цезаря к Верцингиторику проглядывает уважение римского полководца к отважному галлу. Автор «Записок...» говорит о его незаурядном уме, военном опыте, владении искусством красноречия. «Верцингеторикс действительно употреблял все усилия, чтобы присоединить к себе прочие племена Галлии; он старался их старейшин прельстить подарками и обещаниями, а для этой цели он употреблял людей ловких, умевших и говорить красноречиво, и вкрадываться в дружбу» (6, 193).

Надо сказать, что подобная стратегия принесла немалые плоды повстанцам. Юлий Цезарь не скрывает того, что усмирение восставших галлов стоило римлянам много крови, денег и времени. «Цезарь долгое время пробыл в Аварике; найдя здесь огромные запасы хлеба и прочих припасов, он давал войску отдохнуть и опомниться от перенесенных им трудов и лишений (6, 194).

Однако далеко не все галлы сразу консолидировались под знаменем Верцингиторикса. Юлий Цезарь рассказывает о племени Эдуев (упоминали выше), которое было до поры до времени «...столь верное в союзе Римскому народу и всегда пользовалось его, Цезаря, особым расположением...» (6, 194). Це-

зарь был суров к противникам, но щедр к союзникам. Поначалу Эдуи рассчитывали на «заслуженную» награду после победы римлян (6, 195).

Противостояние армии Верцингеторикса было настолько сильным, что римскому главнокомандующему приходилось то и дело менять военную тактику, дислокацию войск, местоположение лагерей. Цезарь терял своих людей не только в битвах, но и в рекогносцировках и в вылазках за фуражом (6, 196). «Ни один день не проходил без того, чтобы по приказанию Верцингеторикса не происходило со стороны Галлов нападения...» (6, 196)

Присоединение Эдуев к армии Верцингеторикса Цезарь воспринял как «заговор» (6, 198). Он смог вернуть их к повиновению, жестоко наказав зачинщиков. (См. 6, 200).

Инсургентное движение объединенных галльских племен набирало силу. «Цезарь, видя, что бой невыгоден по условиям местности и что силы неприятельские все прибавляются, стал опасаться за своих» (6, 203); «Битва была рукопашная и упорная: неприятель полагался на выгодную позицию и численное превосходство, а наши – на свое мужество»; «Наши, теснимые со всех сторон, потеряв 46 сотников, были сброшены с занятой ими позиции...» (6, 204). Чтобы грамотно вести войну на чужой земле, Юлий Цезарь был вынужден прибегать к различным стратегическим уловкам, тактическим маневрам, военным хитростям. «Нужно было стараться во что бы то ни стало навести мосты и принудить неприятеля к сражению, не дав сосредоточиться всем его силам» (6, 206).

Галлы не обладали столь профессиональной военной подготовкой и сплоченностью, как римляне, но они смогли отбросить противника далеко от своего города Герговии и снова склонить на свою сторону Эдуев (Теперь Цезарь называет этот

факт не «заговором», а «изменой»). (См. 6, 207). Римский военачальник Тит Лабиен «старался об одном только, как бы войско без потерь привести в Агендик»¹² (6, 208). Положение было отчаянное, легионы оказались в окружении восставших объединенных племен. Цезарь в своих «Записках...» оправдывает бедственное положение своего войска и пораженческие настроения в его рядах тем, что оно было отрезано неприятелем от резерва и обозов с пищей. Полководец, несмотря на очевидное фиаско римской армии, находит способ подчеркнуть стойкость и выносливость своих воинов путем лестной характеристики врага – «народ этот (Белловаки) был храбрейшим в Галлии», «сильным и готовым к бою войском» (6, 208).

Автор «Записок...» пишет, что в Галльской войне ему помогали союзные германские¹³ и лишь некоторые галльские племена. Финальное сражение объединенных галльских племен с римскими легионами, решившее судьбу Галлии, состоялось у города Мандубиев – Алезия. Стратегически город был расположен для римлян невыгодно, «на вершине холма, на весьма высоком месте» (6, 213). Цезарь не скупится на подробности, заключающиеся в перечислении выступивших против римлян галльских племен и уточнении общего количества вражеских воинов. (См. 6, 216).

Битва была долгой и кровопролитной. Римляне одержали победу.

Непокоренный в душе вождь Верцингеторикс, готовясь мужественно принять смерть, сказал: «Войну я начал не по собственной надобности, но в защиту общей свободы; теперь,

¹² Агендик – занятый римлянами город. (Прим. авт.)

¹³ Некоторые германские племена довольно часто выступали союзниками римлян. (Прим. авт.)

когда надлежит покориться судьбе, я готов на все: или умереть в угоду Римлян, или быть выдан живым» (6, 225).

Пленные Арверны¹⁴ и Эдуи были «распределены Цезарем своим воинам в виде воинской добычи» (6, 225). Сам Верцингеторикс был доставлен в Рим вместе с триумфальной процессией и затем жестоко казнен. (См. 36, 205).

* * *

По историческим данным, галльская конница была сильнее кавалерии Цезаря. Римская гегемония в Галлии была сохранена лишь потому, что полководец опирался на конницу союзных германских племен.

Объединенные войска римлян и германцев, с переменным успехом, теснили галльскую армию. Тем не менее, Верцингеторикс смог освободить крепость Герговию, а не прекращающиеся партизанские вылазки галлов, прекрасно ориентировавшихся в родных лесах и болотах, ощутимо подрывали силы противника. Этот харизматический человек, Верцингеторикс, объединивший под своим командованием галльские народы, умело вел борьбу с римским захватчиком (52 г. до н. э.). Его тактика была виртуозна – он «отрезал» римские легионы от обозов с провиантом, выжигал, лежавшие на пути измученных врагов, поля и деревни.

В Бургундии (Франция), в окрестностях Ализ – Сент – Рена, на высоком холме Мон – Аксуа стоит памятник национальному герою Верцингеториксу, возглавившему освободительную борьбу против Римской Империи.

¹⁴ Верцингеторикс был из племени Арвернов. (Прим. авт.)

ПЛУТАРХ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

Верцингеторикс был великим тактиком. «Он рассчитывал поднять всю Галлию, в то время как в самом Риме начали объединяться противники Цезаря» (35, 458).

Цезарь был непревзойденным стратегом. Он, «как никто другой, умел использовать на войне любое преимущество и прежде всего – благоприятное стечение обстоятельств...» (35, 458).

Выносливость и молниеносность римской армии психологически подорвали стойкость галльских воинов. «...Большое пространство, которое он (Цезарь) прошел в короткое время, быстрота и стремительность передвижения по зимнему бездорожью показали варварам, что на них движется непреодолимая и непобедимая сила» (35, 458).

Цезарю пришлось также «очистить»¹⁵ (35, 458) и земли восставших Эдуев, и все, лежавшие на его пути, города и селения. Кровавопролитное сражение с варварами он выдержал с трудом, но, в конце концов, одолел их и разбил (35, 459). «Вначале, однако, он, по-видимому, терпел урон, – по крайней мере арверны и ныне показывают висящий в храме меч Цезаря...» (35, 459).

О битве под Алезией – заключительном этапе войны римлян с армией Верцингеторикса, Плутарх такого мнения: «Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов» (35, 459). Плутарх подробно описывает победоносное сражение римлян, которое было настолько тихим, что не

¹⁵Плутарх здесь так именуется действия Цезаря – «опустошить», «уничтожить». (Прим. авт.)

только осажденные пребывали в неведении о нем, но даже и римляне, охранявшие стену. (См. 35, 459).

«Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила...» (Речь идет о галлах) (35, 459).

Однако Плутарх признает (с ощутимой долей тенденциозности), что варвары «причинили немало хлопот» «не только себе», но и Цезарю» (35, 459).

ГАЛЛЬСКИЙ ГЕРОЙ. АМБИОРИКС

Галлы испытали все тяготы иноземного ига – их унижали, убивали, продавали в рабство, отдавали в заложники. Жестокие репрессии римлян все больше провоцировали образование очагов сопротивления. Руководители галльских инсургентных движений, безусловно, были людьми неординарными – обладали харизмой, отвагой, организаторским, стратегическим, ораторским талантами.

Одним из таких борцов за свободу своего народа был Амбиорикс, вождь племени Эбуронов, которое занимало территорию между реками Моза и Рейн.

Началось все с того, что Амбиорикс и его сопративитель Кативолк ступили (в естественном восприятии Юлия Цезаря) на путь измены. (См. 6, 129). Подобные действия против «римского народа» были вызваны, по мнению автора «Записок...», злостными наущениями галльского смутьяна – Тревира Индутиомара. Эта, пока что, локальная вспышка восстания потерпела неудачу. Интересно довольно эмоциональное высказывание

Цезаря: «Тогда неприятель, отчаявшись открытой силой овладеть нашим лагерем, стал по своему обычаю кричать, чтобы кто-нибудь из наших явился для переговоров, что «они имеют сообщить нечто важное о делах, касающихся и их и нас, и надеются окончить к взаимному удовольствию» (6, 128).

Читая обращение Амбиорикса к римским послам (в передаче оратора¹⁶ Юлия Цезаря), убеждаешься, каким прекрасным даром красноречия обладал этот варвар. «...– Власть его, Амбиорикса, над народом такова, что скорее он бывает должен исполнять волю народа, чем его волю – народ. Народ же его потому начал войну, что был увлечен всеобщим восстанием в Галлии; иначе понятно, что при своем бессилии мог ли он надеяться получить верх в борьбе с народом Римским?..» (6, 128 – 129).

Своей ораторской речью Амбиориксу удалось склонить римлян к тому, чтобы они покинули зимние квартиры и, пока не подошли союзные германские племена, а также не узнали о восстании другие галльские народы, воссоединились с войсками Лабиена или Цицерона.¹⁷ Причем Амбиорикс гарантировал безопасный проход римлянам, и обусловлено подобное действие было, якобы, прежними «благоденствиями к нему Цезаря» (6, 128).

Римляне, ввиду отсутствия Цезаря, который пребывал в Италии по важным делам (См. 6, 130), поверили. Только легат Титурий Сабин, усомнившись, сказал на военном совете: «Поздно будет тогда принимать меры к спасению, когда они

¹⁶ Мы судим о фактах только с передачи событий Юлием Цезарем. Возможно. Цезарь просто не мог или не хотел изъясняться более низким слогом. (Прим. авт.)

¹⁷ Квинт Цицерон – брат известного политического деятеля, публициста и оратора Марка Цицерона. (Прим. авт.)

будут окружены многочисленнейшими войсками Галлов в соединении с Германцами... (...)». И: «Может ли быть, чтобы Амбиорикс решился на восстание, не имея ничего верного в виду?» (6, 130). Однако переубедить легата Аврункулия Котту и сотников первых рядов Сабину не удалось. Цезарь передает его негодующие слова: «Пусть будет по-вашему, когда вы так этого хотите! Конечно, изо всех вас не я больше всех страшусь смерти...» (6, 131). Сабин уступил.

Как и следовало ожидать, римляне подверглись нападению. Причем стратегия Амбиорикса заключалась в том, чтобы его лучники стреляли издали, а в случае наступления римлян отступали. При отступлении же врага, вновь его преследовали. (См. 6, 132). Цезарь так характеризует действия Эбуронов: «При их легком вооружении и опытности в войне этого рода никакого вреда им не будет...» (6, 132).

Цезарь с гордостью говорит о духовной мощи своей армии: «Наши не уступали неприятелю ни в числе, ни в мужестве, и несмотря на измену счастья (...) видели свое спасение исключительно в храбрости» (6, 132); «...Наши не обнаруживали признаков робости, а показывали себя достойными своей славы» (6, 133). А на самом деле, после многочисленных потерь, Титурий Сабин вынужден был отправиться вместе с военными трибунами и сотниками первых рядов к Амбиориксу на переговоры, в сущности, сводившиеся к просьбе о пощаде его и оставшегося войска. В ходе переговоров Сабин и сопровождавшие его солдаты были убиты.

После победы над римлянами Амбиорикс начинает склонять на свою сторону все больше галльских племен. Он был одержим объединенными силами уничтожить остальные, обосновавшиеся на территории Галлии, римские легионы. Вос-

ставшие действовали грамотно, даже перехватывали письма Квинта Цицерона Юлию Цезарю в Италию с просьбами о помощи.

Постепенно восстание переросло в широкомасштабную войну. Причем галлы частенько прибегали к использованию исконно римской техники ведения боя, обучились которой в процессе частых столкновений с врагом. (См. 6, 136).

Когда старейшины Нервиев, союзников Амбиорикса, попытались вторично применить хитрую тактику вождя, обещав римлянам обеспечить безопасный проход «с зимних квартир, в какую сторону они пожелают» (6, 136), то на этот раз все закончилось для галлов длительной осадой их лагеря и кровопролитным боем.

Снова приведем хвалебные речи автора «Записок» о своих воинах: «...Но таковы были доблесть и присутствие духа наших воинов, что, несмотря на окружавшие их потоки пламени, несмотря на осыпавший их град неприятельских стрел, несмотря на потерю всего своего имущества, пожираемого огнем, не только ни один не оставил своего поста (...), но даже не поглядел назад, а каждый сражался с усиленным жаром» (6, 136-137).

В процессе подробного описания этого сражения Цезарь особое внимание уделяет двум сотникам «отличной храбрости» – Т. Пульффиону и Л. Варену. (См. 6, 137).

Военачальник Т. Лабием находит возможность сообщить Цезарю о критическом положении на зимних квартирах. Положение тем было хуже, что союзные Амбиориксу войска Тревиоров подошли к его лагерю. По мере того, как Цезарь с двумя легионами двигался по направлению к военным очагам, он узнал об опасном положении, в каком также оказались войска Квинта Цицерона. (См. 6, 139).

По словам Цезаря, в одном из последующих сражений противник «так поспешно обратился в бегство, что даже и не думал о сопротивлении...» (6,141).

Однако положение римлян все равно оставляло желать лучшего. «Цезарь (...) понял, что со всех сторон ему угрожает война: Нервии, Адуатики, Менапии в соединении со всеми германцами, живущими по ту сторону Рейна» (6, 146).

Тактический маневр Юлия Цезаря на данный момент заключался в следующем: «внушить Галлам мнение о том, что силы Италии неистощимы, что они не только могут в короткое время восполнить ущерб, понесенный на войне, но и выставить гораздо большие силы» (6, 146). Автор «Записок...» однозначно дает понять, что именно с его прибытием в Галлию римской армии все больше стал сопутствовать успех. Усмирив часть галльских племен, Цезарь полностью сосредотачивается на войне с Тревирами и Эбуронами. Основной задачей полководца было «отрезать» вождя Эбуронов Амбиорикса от остальных, союзных ему племен. Это ему удается. (См. 6, 149).

Римляне прибегали к самым разным тактическим уловкам в целях наибольшего досаждения неприятелю. Так, легат Лабием виртуозно инсценировал паническое бегство своего войска, а затем, заманив противника на неблагоприятную местность, полностью его уничтожил. (См. 6, 150) Амбиорикс «разостлал по полям гонцов, приказывая всем спасаться, кто как может» (6, 163). Война угасала, Амбиорикс одного за другим терял союзников, которые снова оказывались под игом Римской Империи.

В сущности, основная стратегия Цезаря была заурядной – она сводилась к тому, чтобы «лучше Галлы подверглись опасностям войны (...), а не его легионы» (6, 165). «За свершенное (...) ими злодейство» (6, 165) он (Цезарь) поставил, путем

«умножения количества врагов для Эбуронов, искоренить самую память этого племени» (6, 165). Для этого Галльский наместник рассылает гонцов по всем германским и галльским племенам с известием, что земля Эбуронов отдается на разграбление. Можно представить, какую участь таким указом уготовил Цезарь всему племени. «Неприятель (...) был в ужасе» (6, 167).

Но праздновать победу было еще рано. «Надобно было случиться, что в это самое время пришла Германская конница» (6, 167). Цезарь терпит поражение, которое оправдывает особенностями незнакомого ему ландшафта: «Лесистая местность позволила заметить неприятеля не прежде, как когда уже он был возле... (6, 167) И здесь римский полководец изменяет обычной для него апофеозной манере изображения римской армии. Он прибегает к таким многозначительным фразам, которые решительно исключают какую-либо апологию в адрес его соотечественников. Например: «Ужасное смятение господствовало в нашем лагере»; «Наши были в ужасе»; «Лагерь был беззащитен» и т. д. (6, 167) Цезарь метко подбирает слова для описания паники, воцарившейся в римских войсках: «... У многих появились (...) и суеверные мысли: несчастье Котты и Титурия, погибших в этом же самом лагере, у всех было на уме» (6, 167). Однако автор все же пытается вернуть римлянам воинский дух, доблесть и честь. Он пишет: «Сотники, из коих некоторые за храбрость были повышены из нижних рядов прочих легионов в верхние, не желая омрачить прежнюю славу воинской доблести, пали, храбро сражаясь» (6, 170).

Наконец, римляне отстояли лагерь, а германцы «убрались на ту сторону Рейна» (6, 171). Объективность автора берет вверх, когда он пишет: «Даже после удаления неприятеля ужас

наших был так велик», что командующий кавалерией Г. Волузен не смог их убедить в прибытии Цезаря со своим войском. «Страх у всех был до того велик, что наши, как бы потеряв рассудок, уверяли, что наше войско все погибло...» (6, 171).

Цезарь восставших жестоко наказал. Он, по его же словам, «снова отправился опустошать неприятельскую землю» (6, 171). «Все деревни и строения, какие только попадались, были преданы огню; со всех сторон тащили награбленное» (6, 171).

Однако самого Амбиорикса захватить не удалось. Словно тень неуловимая, не оставляя и следа, ускользал он от преследующего его противника. Он был как ветер, всякий раз дующий в противоположную от врага сторону. Только что вроде его и видели, но в следующее мгновение его уже нигде и не было. «...Всегда Амбиорикс ускользал в ту минуту, когда наши уже полагали иметь его в своей власти...» (6, 172). По словам автора «Записок», лишь четверем людям он решился вверить свою жизнь, они служили ему и сопровождали его повсюду. Амбиорикс всегда «уходил, пользуясь оврагами и лесами, и в течение ночи бывал уже далеко, совсем на другом конце страны...» (6, 172).

Вот что пишет А. Гирций, автор 8-й книги «Записок о Галльской войне» о Цезаре и ненавистном ему Амбиориксе: «Так как Цезарь потерял надежду захватить в свои руки Амбиорикса, пораженного страхом и находившего спасение в бегстве с одного места на другое, то и признал за лучшее истреблять в его владениях жителей, строения и скот для того, чтобы Амбиорикс сделался ненавистным» соплеменникам (6, 243).

ГАЛЛЬСКИЙ ГЕРОЙ. ИНДУТИОМАР

Индутиомар принадлежал к племени Тревиоров. «Тревиоры из всех Галльских племен имеют сильнейшую конницу и весьма многочисленное пешее войско; земли их прилегают к реке Рейну» (6, 116).

Индутиомар централизовал некоторые галльские племена под своим командованием и сделал попытку объединенными силами противостоять Римской Империи. Немного пристрастен римлянин Цезарь в оценке своих врагов. Он пишет: «Соседние народы» он (Индутиомар) «к себе приманивал наградами». Эти народы же автор «Записок...» называет «изгнанниками и преступниками со всей Галлии» (6, 143).

К Индутиомару присоединились Сеноны и Карнаты, Нервии и Адуатики. Выступление вождя за пределы своей земли означало дальнейшее расширение его войска за счет других галльских племен.

Галлы под предводительством Индутиомара напали на римский лагерь под командованием легата Лабиена, но потерпели сокрушительное поражение. Настигнутый у берегов Рейна Индутиомар был убит. Римские всадники «на обратном пути преследовали и поражали неприятеля, сколько могли» (6, 144).

Хотя восстание под предводительством Индутиомара было недолгим, а его поражение – тотальным, тем не менее, войско Лабиена также понесло значительные потери. Индутиомара помнят как одного из тех галльских героев, кто отважился бросить вызов Великой Римской Империи.

УСТНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

Ораторство¹⁸ как особо профессиональный вид вербальной коммуникации берет свое начало в древнегреческой культуре. Еще за несколько сотен лет до н. э. этот вид искусства оказался необходимой формой убеждения в разных сферах демократической жизни, и достиг своего апогея в Афинах и городах Сицилии.

В Древней Греции были популярны три вида красноречия: политический, торжественный, судебный. Цель ораторского искусства – внушение окружающим правоты оратора. Ораторская речь сопровождалась декламацией и мимикой, была ритмической или нараспев.

Принципы ораторской речи специально разрабатывались ее мастерами. Большой вклад в риторiku внес древнегреческий софист¹⁹ **Горгий** (ок. 480 до н. э. – 380 до н. э.). Он разработал принцип особого построения текста, который заключался в использовании в ораторской речи звуковой тавтологии, особой симметрии двух половин фразы на фоне смыслового противопоставления их друг другу (антитетическая структура), а также метафор.

Исократ (436-338 гг. до н. э.) был учеником Горгия и обучал эпидейктическому (торжественному, чрезвычайно пышному) стилю красноречия. В его речи преобладали сложные предложения ритмического характера (так называе-

¹⁸ Ораторство – художественно обработанная, воздействующая на массовое сознание живая речь. (Прим. авт.)

¹⁹ Софисты считали себя не только ораторами, но также обладателями культурных, научных ценностей. (Прим. авт.)

мые «периоды»). Эти «периоды», их «симметричность», а также превалирование формы над содержанием делали речь оратора, на фоне ее торжественности – монотонной, скучной.

Речи политического оратора **Демосфена** (384 – 322 гг. до н. э.) характеризовались строгой сжатой структурой. Он виртуозно контролировал внимание большой аудитории конкретным, без лишних лирических отступлений, содержанием, до предела сокращая вступление и заключение. Демосфен уже в IV в. до н. э. понял секрет поддержания интереса аудитории к речи оратора, а именно: информация, которую жаждала услышать публика, озвучивалась автором интригуяюще малыми частями, и лишь в конце выдавалась полностью.

Древние античные историки сообщают, что Демосфен, при всем своем таланте красноречия, обладал неприемлемыми для оратора недостатками, которые он смог побороть при помощи собственных хитроумных изобретений. Именно Демосфену принадлежит идея отработки дикции при помощи набранных в рот камешков. В целях выработки навыка сохранения эффектной позы (столь важной при произнесении речи), он, упражняясь, укреплял над собой меч, острием касающийся его плеча.

Демосфен вошел в историю ораторского искусства своими «Филиппиками» («Разоблачающими речами» против Филиппа Македонского, отца Александра Великого).

Римляне унаследовали ораторское искусство греков также, как переняли у них философию, науку, основы религии. Острая политическая борьба в Древнем Риме обусловила необходимость публикаций политических и судебных речей: III в. до н. э. – Аппий Клавдий, II в. до н. э. – Катон Старший. Известны такие римские политики – ораторы греческого образо-

вания, как Сервий Гальба, Марк Лепид, Метелла Македонский и др. Они профессионально использовали греческие образцы риторики – периоды и риторические фигуры, их речи можно считать апогеем римского ораторского искусства на основе греческого риторического мастерства.

В Древнем Риме на рубеже II – I вв. до н. э., в период гегемонии популяров²⁰ возникло противостояние влиянию греческих риторических стилей. **Плотий Галл** основал школу «латинской риторики» и сделал попытку освободить стили речи от пространных излияний, от частого преобладания формы над содержанием, а также ввести преподавание риторики на латинском языке. Однако школа Плотия Галла авторитета не возымела, и вскоре прекратила свое существование.

* * *

«Диктатор Цезарь являлся достойным соперником лучших ораторов. Август говорил легко и свободно, как и подобает принцепсу. Тиберий владел искусством взвешивать каждое слово и вкладывал в свои выступления богатое содержание, если намеренно не придавал им двусмысленности. Даже рас-

²⁰ Популяры – партия с Г. Марием во главе. Марий – (ум. в 86 г. до н.э.) – рим. полководец, консул. Разбил войска царя Нумидии Югурты (105 г. до н. э.), племена Тевтонов и Кимвров (102, 101 гг.) Провел прогрессивную реорганизацию в римской армии. Непримирымый противник Суллы, в 87 г. до н. э. в союзе с Цинной (консулом 87, 86 гг.) произвел в Риме переворот, потопив оппозицию в крови. Сулла (138-78 г. до н. э.) – рим. полководец, гос. деятель. Диктатура Суллы в Риме была установлена предположительно в 82 г. до н. э., после завершения гражданской войны между сенатско – аристократической – с Суллой во главе и демократической (популяров) – с Марием во главе, партиями. (Прим. авт.)

строенный разум Гая Цезаря²¹ не лишал его речь силы. Да и у Клавдия, когда он говорил, когда он говорил обдуманно, не было недостатка в выразительности. (...) Нерон был первым, кто нуждался в чужом красноречии».

Корнелий Тацит (42, 225).

Когда Цезарь должен был выступить против, возглавляемых Ариовистом,²² германцев, небывалое чувство ужаса овладело римской армией. Автор «Записок...» не был тенденциозен в описании общего настроения своих соотечественников: «Робость и смущение умов» «распространялись по нашему лагерю»; «Первыми поддались чувству страха военные трибуны, префекты и другие...»; «Они искали разных предлогов просить у Цезаря позволения ехать домой»; «Везде по всему лагерю публично писались завещания»; «Такая робость не могла не подействовать и на более опытных в военном деле солдат, сотников и начальников конницы»; «Не желая показывать себя столь же трусливыми, как первые (солдаты), они (сотники и начальники конницы) говорили, что не враг внушает им опасение, а неудобство пути...» (6, 39). Так Цезарь, движимый негодованием за своих солдат, снова без излишнего апофеоза описывает их духовное состояние.

Здесь и далее в данной главе мы будем приводить, заслуживающие особого внимания, ораторские речи военачальников

²¹ Гай Цезарь Калигула. (Подробно ниже.) (Прим. авт.)

²² Ариовист – царь Германский, захватил часть плодороднейших земель Галлии – земли Секванов (которые сами его и пригласили в качестве союзника против римлян). Претензии Ариовиста на этом не заканчивались. Фактически, Цезарь воевал с германцами за Галлию. Если бы не победа Цезаря над Ариовистом, Галлия могла бы стать германской. (Прим. авт.)

– с целью понимания той их специфики, благодаря которой менялось настроение народных масс так, как это угодно было оратору.

Произнесенная речь Юлия Цезаря, по его же мнению, «совершенно изменила расположение умов; у всех появились величайшее рвение и усердие к войне» (6, 41). Отрывок:

« – ...Если он (Ариовист) в безумии и неистовстве начнет войну, то чего им (римской армии) опасаться? Зачем им сомневаться в собственном мужестве и благоразумии их полководца? Отцы наши уже имели дело с этим врагом, и поражение Кимвров и Тевтонов Г. Марием доставило равную славу и полководцу, и войску. И сами они недавно в Италии испытали военные труды в усмирении бунта рабов... (...). Из этого они сами могут видеть, сколько храбрость сама по себе представляет ручательства безопасности... (...) Притом это те же Германцы, с которыми неоднократно Гельветы²³ имели схватки не только в своей, но и в их земле и оставались по большей части победителями, тогда как сами Гельветы не могли выдержать нападения нашего войска. (...) Обнаруживать же опасение относительно затруднений пути или подвоза съестных припасов значит дерзко сомневаться в способности их полководца или присваивать себе его обязанности. Пусть они заботу обо всем этом предоставят ему одному. (...) Ослушания же воинов и отказа их поднять военные значки он не боится. Знает он, что войско теряет уважение к начальнику или в том случае, когда ему изменит счастье, или тогда, когда он будет уличен в злоупотреблениях и лихоимстве. Порукой же его невинности служит вся его прошлая жизнь, а залогом счастья – благопри-

²³ Одно из многочисленных галльских племен. (Прим. авт.)

ятный конец войны Гельветской. Итак, он поспешит выступлением, (...) желая поскорее узнать, что имеет больше власти над его воинами: чувство ли чести и долга или трусость. Если же никто за ним не последует, то он пойдет и с одним десятым легионом, в котором он не сомневается; он будет для него преторианской когортой» (6, 41).

Легионы воодушевленно последовали за Цезарем.

Надо заметить, что вождь германских племен Ариовист в переговорах с Цезарем выказывает не меньше ораторского таланта, чем его, обученный в свое время греческой школой риторики, противник:²⁴ «— Он (Ариовист) перешел Рейн не сам по себе, но по желанию и усиленной просьбе Галлов; оставив дом и родных, вправе он был льститься великими надеждами, ожидать большого вознаграждения. Если он имеет места для поселения в Галлии, то они уступлены ее жителями; равно и заложники даны ими же добровольно. Дань наложена на них по военному праву, как всегда победители поступают с побежденными. Не он начал войну с Галлами, но Галлы с ним; все племена Галлии ополчились было на него и стали против него лагерем; но он всех их в одном сражении разбил и обратил в бегство. (...) Союз народа Римского должен служить ему к чести и защите, а не приносить вред; с этой-то надеждой он и искал его. Если же народ Римский будет прощать за него дань и лишать его плодов его побед, то с не меньшим усердием готов он отречься от его приязни, с каким добивался прежде. (...) Что же Цезарю нужно? Зачем он пришел в его владения? Эта Гал-

²⁴ Надо иметь в виду, что с речью Ариовиста мы знакомимся посредством передачи ее автором «Записок о Галльской войне». Снова обратим внимание на то, что Цезарь, будучи «пленником» собственного ораторского стиля, мог произвольно ее приукрасить. (Прим. авт.)

лия по такому же праву провинция его, Ариовиста, по какому она – Провинция Римлян. Если ему, Ариовисту, Римляне не позволят сделать нападение на свои владения, то может ли он равнодушно видеть вмешательство Римлян в его право? (...) А потому он объявляет, что если он (Цезарь) не выведет войска из этих мест, то он будет с ним обращаться уже не как с другом, а как с врагом. Убийством Цезаря он, Ариовист, задобрит в свою пользу многих знатнейших Римлян, (...) он имеет возможность гибелью Цезаря снискать благосклонность и дружбу его соотечественников. Если же Цезарь отступит и предоставит ему спокойное обладание всей Галлией, то получит от него, Ариовиста, великое за то вознаграждение. Где бы и с кем бы Цезарь ни начал войну, Ариовист берется вести ее за него без всяких для него трудов и опасностей» (6, 25 – 46).

Речь Ариовиста, обращенная римским послам, также изложена грамотно, последовательно, высокопарным слогом.

«Помнит он (Ариовист) благодеяния к нему Цезаря, как тот освободил его от дани, которую он платил Адуатикам (...), и как Цезарь возвратил ему сына и племянника, бывших у Адуатиков в числе заложников в рабстве и оковах. Если же случилось нападение на Римский лагерь, то не по его совету и согласию, а по воле народа.²⁵ (...) Галлы не могли отказаться действовать единодушно, когда дело идет о возвращении общей вольности и независимости» (6, 129) и т.д.

Римляне после долгих и кровопролитных сражений одержали верх над германцами. Ариовист смог бежать, но потерял армию, своих жен и дочерей.

²⁵ Манипуляция обобщенным понятием «народ» была в правилах высокопарного ораторского слога. (Прим. авт.)

Когда в войне с галлами погиб легат Титурий Сабин, войска оказались в крайнем смятении. Цезарь снова прибег к своему ораторскому таланту, внушив воинам надежду и вернув им мужество. «...Перенести (это несчастье) должно тем великодушнее, что случилось оно по вине и неблагоприятию легата (Титурия Сабина)²⁶ и что по благоволению богов бессмертных и вследствие личного мужества воинов это несчастье заглажено, а торжество неприятеля было также недолговременно, как и наше огорчение» (6, 141).

Речь военачальника Т. Лабиена не только взбудрила войска перед сражением, но и вселила в них небывалую решимость и силу духа: «Войны, вы дождались того, чего хотели; неприятель отдался вам в руки при самых невыгодных для него условиях местности. Итак, под моим начальством покажите ту же доблесть, с какой обычно сражаетесь при Цезаре; имейте убеждение, что он здесь присутствует и все видит!» (6, 150).

Мы уже упоминали о том, как соплеменники Верцингеторикса обвинили его в предательстве (он перенес лагерь ближе к месту, где стояли римляне) и в желании получить царскую власть над Галлией именно приказом Юлия Цезаря. Речь вождя изменила настроение галльского народа в его пользу. Отрывок:

« – Если он (Верцингеторикс) и перенес лагерь, то по недостатку пастбищ и исполняя их же желание; близость Римлян была не опасна, потому что он был убежден, что самая местность будет для наших верным оплотом. (...) Римляне пришли так кстати, это угодно было судьбе; а если они призваны каким-либо изменником, то последний этим только оказал Галлам ве-

²⁶ Титурий Сабин отправился на переговоры к Амбиориксу и был убит. См. выше. Его соратник легат Аврункулий Котта на эти переговоры идти отказался. (Прим. авт.)

ликую услугу, дав им возможность и видеть малочисленность неприятелей со своей возвышенной позиции, и посмеяться над их храбростью, ибо они не дерзнули вступить в сражение и постыдно удалились в лагерь. Желать ему Верцингеториксу, власти от Цезаря, изменив своим соотечественникам, было бы безрассудно: она и так в его руках и обеспечена верной для него и всех Галлов надеждой победы. Он сейчас готов им возвратить вверенную ими ему власть, если они, быв одолжены ему своим спасением, думают ему же делать честь, сохраняя ему ее. (...) Я довел победоносное войско Римлян, не потеряв ни капли вашей крови, до того, что оно сделалось жертвой ужасного голода; а когда оно будет вынуждено позорно бежать, то вследствие принятых мною мер ни одно Галльское племя не даст ему у себя убежища» (6, 187). «Галлы отвечали на это криками и стуком оружия», – заключает автор «Записок...», – «что по их обыкновению означает одобрение (6, 188).

Когда римляне взяли город Аварик, как пишет Цезарь, легионеры его «не щадили ни дряхлых старцев, ни женщин, ни детей» (6, 192).

Верцингеторикс поддерживает отчаявшихся воинов ораторской речью. Отрывок:

« – Победу Римлян надобно приписать не их доблести и мужеству, но разным хитростям и знанию осадного искусства, в котором они, Галлы, еще не приобрели опытности. Тщетно и безрассудно было бы от войны ждать одних успехов. Что же касается его, то они сами могут быть свидетелями, что он был против намерения оборонять Аварик. А если он теперь потерял, то этому причиной неблагоразумие Битуригов и излишняя уступчивость прочих Галлов; впрочем, потерю эту он, Верцингеторикс, постарается вскоре загладить блестящими успеха-

ми...» (6, 192). И т. д. И комментарий автора «Записок...»: «Речь эта произвела на Галлов благоприятное впечатление...» (6, 192).

Когда галлы во главе с Верцингиториксом находились в их последнем пристанище – городе Алезия, многие пали духом. Был срочно созван совет, и некоторые предлагали сдать. Но ораторская речь Критогната, представителя арвернской знати, укрепила боевой дух соотечественников и вселила в них уверенность в победе.

« – Не стану и говорить о мнении тех, которые постыднейшее рабство предлагают вам, украшая его именем покорности; эти люди не достойны носить имя граждан и не должны бы иметь доступа здесь, в нашем совете. Хочу поговорить с вами о мнении тех, кто советует вылазку; все вы сознаете, что мнение это, по-видимому, внушено чувством древней нашей воинской доблести. Признак изнеженности и слабости духа – не быть в состоянии долго терпеть нужду. Скорее найдешь людей, которые добровольно подвергнутся опасности смерти, чем таких, которые в состоянии терпеливо выносить страдания в течение долгого времени. Но я одобрил бы это мнение, (...) если бы дело только шло об утрате собственно нашей жизни; но, принимая наше решение, мы должны помнить об участии всей Галлии, которую мы призвали к себе на помощь. (...) Итак, не лишайте же преждевременно вашего содействия тех, которые для спасения вашего решились сами подвергнуться опасности. Берегитесь, как бы ваши неблагоразумие и опрометчивость, с одной стороны, и слабость духа, с другой, не были причиной падения и порабощения вечного всей Галлии...» В заключении Критогнат сказал: « – Конечно, вы не ведаете о том, что происходит у отдаленных народов. Посмотрите на соседнюю вам Галлию: она об-

ращена в провинцию Римскую и получила иные права и законы; угрожаемая секирами Римлян, она угнетена постоянным рабством» (6, 118-119).

Цезарь хотя и считает, что из всего сказанного на совете именно речь Критоegnата «особенно заслуживает упоминания», тем не менее, он не может удержаться от субъективной ее оценки. Он характеризует эту речь как «дышащую каким-то диким и зверским ожесточением» (6, 217).

ПОД ТОЛЩЕЙ ВЕКОВ. НЕПРОВЕРЕННОЕ «СМИ»

На рубеже двух эр Юлий Цезарь проявил себя непревзойденным публицистом. В его хронике «Записки о Галльской войне» отражен широкий круг актуальных проблем того времени – политических, геополитических, этических и т.д. Цезарь детально передает, в то время имевшие большое военно – политическое значение, ораторские речи важных государственных деятелей. «Записки о Галльской войне» – журналистское произведение, которому присущи, как мы уже говорили выше, достоверность, своевременность, оперативность, информативность. Этот многоплановый труд Цезаря является также историографическим произведением.

Юлий Цезарь – полководец, популярный государственный деятель, публицист. Будучи наместником в Галлии и ведя войны с многочисленными местными племенами, он проявил необычайную наблюдательность и представил информативную хронику не только о ходе военных действий и судьбах римских и галльских военачальников, но и об особенностях жизни галльских

народов – их традициях, обычаях, мировоззрении – народов, свободу которых он так целенаправленно старался отнять.

Изображенные Цезарем кельтские народы²⁷ давно сгинули с лица земли, их безвозвратно поглотило время, но память о них живет благодаря его публицистическому произведению «Записки о Галльской войне».

Автор «Записок...» посвящает немало страниц описанию быта, уклада жизни племени Венетов. Об этом народе Цезарь говорит с немалой долей уважения, отводит ему «первое место среди всех прибрежных племен Галлии» (6, 75). Венеты владели флотом, посредством которого они сообщались с Британией, контролировали гавани, взыскивая дань со всех, кто эти гавани использовал. Цезарь считает, что «в характере Галлов ветренность и непостоянство». Однако автор «Записок...» не отказывает им в отваге; именно Венеты стали призывать остальные племена Галлии «не изменять вольности, завещанной им предками, и свергнуть иго рабства Римлян» (6, 75).

Интересна в этнографическом плане информация о германском племени Свевов. Цезарь говорит о нем как о многочисленном и храбром народе. Территория этого племени разделялась на сто участков, и каждый год с каждого участка на войну посылалось по тысяче солдат. Оставшиеся мужчины занимались земледелием, обеспечивали племя всем необходимым, пока на следующий год не наступал их черед отправляться на войну, а вернувшиеся не занимали их место. И так каждый год.

Удивительно, но этот древний народ еще в то далекое время смог решить проблему частной собственности, подойдя фи-

²⁷ Кельты, иначе галлы. (Прим. авт.)

лософски к положительным и отрицательным ее качествам. Свевы установили свой собственный уклад жизни, который, судя по описаниям Цезаря, устраивал всех и обеспечивал членам племени стабильное сосуществование. Да не звучит смело, но так и получается, что истоки не оправдавших себя в XX в. коммунистических идей нужно снова искать «в Германии», но без малого за две тысячи лет до теоретического оформления их Карлом Марксом. Цезарь пишет, что у Свевов не было какого бы то ни было деления земли на частные участки, и более того, закон препятствовал им оставаться на одном месте больше года. То есть, как поняли древние германские мудрецы, человеку противопоказано привыкать к тому, чем он пользуется, временность – вот залог свободы человека от материальной зависимости, и эта свобода позволяет концентрироваться на более важных обществу ценностях. У представителей этого племени была «полная свобода жизни» (6, 88) – свобода духа и тела, «с детства не знали они никакой обязанности и принуждения, следуя во всем побуждению одной своей воли...» (6, 88). Они также обладали впечатляющей внешностью, были «необыкновенно рослыми и здоровыми» (6, 88).

Мы также узнаем о Свевах, что они с детства приучали себя к суровому образу жизни – без труда переносили холод, прикрываясь зимой лишь небольшими кусками шкур, купались в ледяных реках.

Необычайная мудрость этих людей также состояла в том, что они, промышляя торговлей (то есть, торгуя награбленным, или, как дипломатично называет это Цезарь – «приобретенным войной») (6, 88) – не допускали ввоза к себе вина. Видимо, последнему факту удивлен был сам автор «Записок...», что становится очевидным по его комментарию: «по их (Свевов)

убеждению» (значит, не особенно отвечающему его собственному), «оно (вино) расслабляет человека и делает его неспособным к перенесению трудов» (6, 90).

Свевы, когда ездили на своих «малорослых и некрасивых» (6, 89) лошадях, пренебрегали седлом. Они были вполне довольны ими, и никогда не приобретали мускулистых и рослых. Использование же седла «у них считалось позором и признаком трусости» (6, 89-90), а отсутствие его не мешало Свевам атаковать любой по численности, передвигающийся на рослых, оседланных лошадях отряд.

Наивысшей гордостью Свевов, как пишет Цезарь, было то, что другие племена находились от них на огромном расстоянии. «По их мнению, это доказательство того, что ни один соседний народ не может вынести силы их оружия» (6, 90). Только Убии были близкими соседями Свевов. Мы узнаем от Цезаря, что народ Убиев был храбр, могущественен «и в положении столь цветущем, сколько то можно сказать о Германцах...» (6, 90) Цезарь даже не отказывает Убиям в некоторой образованности из-за близости реки Рейн, по которой проходили торговые пути, а также римской провинции Галлии. «...Все это содействовало смягчению их нравов» (6, 90).

Свевы смогли поработить этот «многочисленный и могущественный народ» (6, 90). А самих Свевов покорили римляне.

Мы уже говорили выше, что галлов Цезарь считает непостоянными и ветреными. Они склонны «ко всяким переменам» и «легкомысленно изменяют свои решения» (6, 91). Цезарь подтверждает свое, столь обобщенное мнение о характере многочисленных представителей всех галльских племен следующим примером: галлы имеют обыкновение получать сведения о событиях от случайно заезжих в их города путешественников

и купцов. На основе подобных, не всегда точных и субъективно интерпретируемых слухов эти наивные люди «нередко строят самые важные планы» (6, 91). Галлы «на основании пустых слухов приходят в ужас и принимают самые отчаянные решения в важнейших делах» (6, 158). Цезарь иронически заключает: «Легко можно себе представить, как скоро приходится им раскаиваться в столь опрометчиво принятых решениях на основании неопределенных слухов; а нередко те, кого они спрашивают, выдумывают такие известия, которые будут им приятны»²⁸ (6, 92). Насколько подобные ситуации имели массовый характер можно судить по тому, что, как пишет Цезарь, в Галлии, наконец, был принят закон о неразглашении случайно услышанной информации, но неперенной передачи ее правящим кругам.

ГАЛЛЫ И ГЕРМАНЦЫ. ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЛАЗАМИ РИМСКОГО ЗАВОЕВАТЕЛЯ. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ БРИТАНЦЕВ

Интересные факты сообщает Цезарь о традициях галльского племени Эдуев. Верховные сановники здесь не имели права покидать пределы своих земель, и по этой причине переговоры с представителями других племен или даже с самим Цезарем²⁹ проходили на территории Эдуев.

²⁸ Мы не можем здесь судить о степени объективности Юлия Цезаря. Создается впечатление, что в данной ситуации он не прочь был подтрунить над своими непокорными врагами. (Прим. авт.)

²⁹ Мы уже упоминали, что Эдуи часто выступали добровольными союзниками Рима. (Прим. авт.)

У Эдуев цари избирались не более чем на один год. Двум братьям одновременно обладать царской властью было запрещено, ровно как и заседать в римском сенате.

«Из Записок...» мы узнаем, что в Галлии имели место два привилегированных сословия – друидов и всадников. Представители же простого народа (чернь) к управлению племенем не допускались, положение их было ничуть не лучше рабского. Соответственно, многие из них мало что теряли, когда, чтобы спастись от бесчеловечных поборов, добровольно становились рабами. Как понятно из текста, миссия друидов носила «мистический» характер. Мы сейчас понимаем, что объявив себя посредниками между богами и людьми, они, совершая богослужения и жертвоприношения, а также «истолковывая» волю богов, ловко манипулировали сознанием соплеменников.

Конечно, Цезарь был далек от осознания всех тонкостей психологического влияния друидов на народ, так как сам находится в плену мировоззрения своего времени. Он только описывает образ жизни галлов и особенности их мироощущения. «Они (друиды) пользовались большим уважением. (...) Друиды решали почти все общественные и частные дела...» (6, 153) – разрешали имущественные споры, вершили суд над преступниками. Любое их распоряжение являлось законом для всего племени, и если кто-нибудь из его членов отходил от общепринятой системы, то подлежал отстранению от жертвоприношений,³⁰ что равнозначно было табуированию.³¹

³⁰ Видимо, истоки акта отлучения неугодных личностей от церкви в Средние века в Европе берут свое начало в друидских традициях. (Прим. авт.)

³¹ Табуированные члены племени были вне закона, соплеменники избегали общения с ними, и даже касания. Просьбы и жалобы их также оставались без внимания. (Прим. авт.)

Вся политика друидов основывалась на строгой иерархии. Должность верховного начальника была пожизненна, а в случае его смерти на его место избирался наиболее авторитетный друид. Раз в год друиды проводили собрания на территории племени Карнутов, которая находилась в самом центре Галлии. Там принимались важные решения по делам граждан и осуществлялись приговоры.

Друиды, что вполне закономерно, прекрасно позаботились о собственном благе. Они были «свободны от платежа податей, не несли военной, и вообще никаких повинностей» (6, 155). Цезарь отмечает, что подобные привилегии привлекали в ряды друидов галльскую молодежь.

Таинства своего учения друиды никогда не фиксировали письменно. Поэтому постигать науку молодым друидам приходилось в устной форме. Само же обучение длилось не менее двадцати лет. Отказ друидов от письменной фиксации мистических знаний Цезарь обосновывает так: «Во-первых, они не желают, чтобы учение их стало известно простому народу, во-вторых, дабы не ослабить память, вверяя все бумаге» (6, 156). И Цезарь высказывает простое (как все истинное) суждение: «...Вообще с распространением письменности ослабевают заучивание наизусть и возможность долго и много помнить» (6, 156).

В религии друидов имели место идеи метампсихоза³² и реинкарнации.³³ Цезарь пишет, что друиды проповедовали бессмертие души, которая «после смерти одного существа переходит

³² Метампсихоз – последовательное одушевление нескольких тел одной душой. Часто переселение души в более низшую форму жизни. (Прим. авт.)

³³ Реинкарнация – повторное воплощение души после смерти тела. Переселение душ. (Прим. авт.)

дит в другое». Интересно умозаключение Цезаря: «...Цель этого учения – внушить презрение к смерти и сделать храбрее».³⁴

Учение друидов включало в себя их понимание Вселенной вообще и окружающего мира в частности. Они передавали молодым ученикам свои представления о движении планет, об их величине, о сущности бессмертных богов, о природе вещей и т.д.

О военном сословии галльских всадников Цезарь пишет, что количество слуг и друзей у его представителей зависело от их знатности и богатства. «...В этом только заключается их и значение, и могущество» (6, 156).

Галлы практиковали человеческие жертвоприношения. «По убеждению Галлов, их боги могут быть умиловлены только тогда, когда за жизнь человека им будет принесена в жертву также жизнь человека...» (6, 156). Часто жертвы богам приносились в большом количестве – живых людей запирали в сделанных из хвороста идолов, которые поджигались.

Цезарь сообщает, что наиболее почитаемым богом у галлов был изобретатель искусств и покровитель путешественников Меркурий, идолы которого можно было в Галлии встретить повсюду. Также галлы почитали Юпитера как главного бога, Аполлона как целителя и врача, Марса как покровителя воинского искусства, Минерву считали матерью искусств.

Галлы воображали себя потомками бога Дита. Цезарь пишет, что именно поэтому они ведут отсчет времени ни в днях, а в ночах.

³⁴ Цезарь, естественно, свободный от религиозных стереотипов монотеизма последующих веков, пытается логически осмыслить тезис о бессмертии души. (Прим. авт.)

Галльские мужчины не позволяли своим сыновьям сопровождать их куда бы то ни было до той поры, пока они не возмужают и не будут приняты на военную службу. Когда же галлы вступали в брак, то муж добавлял к приданому жены равноценную долю, и этот капитал становился общим достоянием вместе с его прибылью, что позволяло обеспечить одного из супругов в случае смерти другого. Подобный, казалось бы, мудрый обычай был в равной мере настолько же и коварный. Поэтому Цезарь находит нужным упомянуть об одном законе, тесно связанном с вышеупомянутым обычаем: «Мужья имеют относительно жен, равно как и относительно детей, право жизни и смерти» (6, 158). Это означает, что если смерть отца семейства, тем более знатного рода, вызывала подозрения, то жен жестоко пытали вместе с домашними рабами. «И если откроется их виновность, то они погибают в огне и страшных мучениях» (6, 158).

Заметим здесь, что пытки, и даже угроза таковых, как известно, способны подтолкнуть человека к любым, угодным палачам, признаниям. Попавшая в беду вдова, и тем более домашние рабы часто себя оговаривали. Также, Цезарь не говорит об обратном законе (скорее всего, в силу объективной причины его отсутствия), который позволил бы поступить с подозреваемым супругом аналогично.

Автор «Записок...» описывает традиционные галльские похороны. Они были пышными и зрелищными, с покойником сжигалось все, что дорого ему было при жизни, не исключая рабов. Приговаривались к смерти через сожжение даже люди, которые, так или иначе, состояли в более или менее тесной связи с умершим при его жизни. «Еще недавно», – пишет Цезарь, – «по отправлении надлежащих похоронных обрядов вместе с

телом сжигали рабов и клиентов, наиболее приближенных к покойнику» (6, 158). Галлы, – заключает Цезарь, – «невежественны и легкомысленны» (6, 158).

Об особенностях мировоззрения германских племен автор «Записок...» говорит с большей симпатией. «Германцы многим отличаются во всех отношениях от Галлов» (6, 158). У них нет друидов – они не признают посредников между людьми и богами, также не практикуют человеческие жертвоприношения. Более того, они верят лишь в тех божеств, которых видят и от которых получают ощутимую пользу – в Солнце, Луну и Вулкан (огонь). «О прочих (божествах) они, кажется, и понятия не имеют» (6, 158).

Автор «Записок...» подробно рассказывает о нравах и образе жизни германских племен. (См. 6, 158). Много уже известно читателю из описания жизненного уклада и традиций племени Свевов. Цезарь, видимо сознательно, прибегает, как мы определили, к приему информационной тавтологии³⁵ – речь снова идет о праве германцев владеть земельными участками сроком только на один год. «В пользу этого учреждения они приводят много причин; этим они хотят предупредить, чтобы германцы, пристрастившись к земледелию, не забыли ради него войну; чтобы не старались распространять своих владений и чтобы люди могущественные не вытеснили бедных с их участков; чтобы не привыкли они строиться удобнее и защищаться от зноя и стужи; чтобы не возникла страсть к собиранию денег, служащая поводом к смутам и раздорам. Вообще в этом случае

³⁵ «Прием информационной тавтологии» – определение автора данного учебного пособия. Как мы считаем, Юлий Цезарь в своем произведении «Записки о Галльской войне» приемом, как мы назвали, «информационной тавтологии» подчеркивает, на его взгляд, важные, сообщаемые им сведения. (Прим. авт.)

цель правительства – управлять народом в духе справедливости: каждый доволен, видя, что ему достается такой же участок, как и самому могущественному» (6, 159).

По свидетельству автора «Записок...» германцы очень гостеприимны. Обидеть, оскорбить гостя считалось у них преступлением, его всячески развлекали, обильно угощали.

Однако моральные установки германцев никак не препятствовали совершению ими жестоких грабежей, но с одним условием: только за пределами племени.

Вожди в германских племенах избирались на определенной демократической основе: на сейме каждый старейшина имел право выдвинуть свою кандидатуру. Если сторонников у него оказывалось достаточно, он достигал своей цели.

Итак, в шестой книге «Записок о Галльской войне» Цезарь натуралистично описывает особенности верований, традиций, нравов, образа жизни галльского и германского народов. Девиз «Знай своего врага» во многом содействовал блистательной победе Цезаря над галльскими и германскими племенами.

В Германии римляне не задержались. У Цезаря был другой, будоражащий его безграничное честолюбие, план.

Заветной мечтой Юлия Цезаря было покорение Британии. Как мы уже отмечали выше, он совершил в Британию два вторжения (55, 54 гг.). Но покорить эту благодатную страну ему так и не удалось.

Автор «Записок...» детально, с наблюдательностью талантливое писателя описывает географию острова Британия и близлежащих к нему земель. В этом смысле он шел «первопроходцем», и зафиксированные им сведения были чрезвычайно информативны для грамотной части его современников, для

нас же они ценны как глубокий, познавательный материал о жизни древних народов.

Автор лично, как добросовестный исследователь, исчисляет в милях окружность островов. Когда Цезарь рассказывает об острове Мон, он ссылается на данные «некоторых писателей», которые утверждали, «что там зимой в течение 30 дней господствует непрерывная ночь» (6, 122). В промежутках между битвами с британцами (автор «Записок...» не называл их бриттами) Цезарь умудрился проверить эту, весьма сомнительную версию. В результате он приходит к выводу, что просто «ночи здесь короче, чем на материке...» (6, 122).

Цезарь дает нам полное представление о том, как жил народ на острове Британия, который он так настойчиво и безрезультатно стремился покорить. Автор «Записок...» пишет, что кроме коренного, живущего в глубине острова, населения собственно британцев прибрежные территории занимали бельгийцы, которые поселились здесь когда-то с целью буйных набегов на местных жителей и обосновались здесь затем как земледельцы.

Цезарь описывает особенности денежной системы этой, «чрезвычайно населенной страны» (6, 121), конкретизирует местонахождение полезных ископаемых – рудников железа и белого олова – основной причины его интереса к Британии. Автор «Записок...» рассказывает об особенностях климата, природы и растительности этого острова, даже о том, что именно входило в рацион питания местных жителей и что из этого рациона доставляло им наибольшее удовольствие.

Британия, как мы знаем, не была завоевана Юлием Цезарем, но был заключен союз с одним из вождей бриттов – Мандубракием.

ИНФОРМАТИВНОСТИ НЕТ ПРЕДЕЛА. О ПРИНЦИПАХ БОЕВОЙ ТАКТИКИ

Информативность произведения не знает границ. В нем мы находим описание различных способов сражения на колесницах, знакомимся с правилами строительства мостов и оборонительных укреплений и т. д.

Приведем примеры.

В одном из эпизодов войны с германцами, для переправы через Рейн Цезарь решил возвести мост. «Для устройства моста поступили следующим образом: были взяты два бревна толщиной фута полтора, книзу немного заостренные, и соединены друг с другом на расстоянии двух футов. С помощью машин они были опущены в реку и вбиты... (...) На расстоянии сорока футов ниже по течению реки напротив этих были опущены другие точно такие же, но поставленные против течения. На эти сваи были положены поперечные бревна в два фута толщиной, служившие для них связью...» (6, 98). И так далее, со всей компетентностью знатока военного дела.

Сражение римлян с галльским племенем Нервиев было отмечено тем, что последние использовали римский способ осады лагеря путем окружения его валом и рвом. Цезарь комментирует: «Они выучились этому в прошлогодней компании от нас и от некоторых взятых ими у нас пленных» (6, 136).

В одном из эпизодов войны с армией Верцингеторикса Цезарь отдает приказ соорудить укрепления, которые он подробно и описывает. Приведем небольшой отрывок: «...Сначала они (солдаты) провели ров в 20 футов шириной с отвесными стенками так, что он имел одинаковые размеры внизу и вверху. Прочие укрепления были проведены в 600 фу-

тах позади этого рва. Это было сделано с той целью, что поскольку при обширности укреплений трудно было на всех пунктах защищать их воинами, то и нужно было сделать преграду ночным вылазкам неприятеля против наших укреплений и воспрепятствовать ему метанием стрел вредить нашим воинам...» И т. д. (6, 214-215).

Вот как описывает Цезарь строительство оборонительной системы врага. «Стены же почти во всех Галльских городах устраиваются следующим образом: прямые бревна во всю длину кладутся на землю, на равном, два фута один от другого, расстоянии; они связываются поперечными бревнами и засыпаются землей; промежутки же спереди закладываются большими камнями. Устроив таким образом первый ряд, на него кладется точно такой же другой, с соблюдением такого же промежутка, так что бревна не соприкасаются между собой, но искусно держатся с помощью вложенных в промежутки камней...» (6, 189). И т. п.

Цезарь подробно рассказывает о правилах боевой тактики, тем самым подтверждая собственное стратегическое мастерство. (См. 6, 185, 220). Не умалчивая о достоинствах врага (напомним: «Легкая победа не прославит победителя»), Цезарь описывает принципы боевой тактики британцев. Сначала британская конница в хорошо разыгранной панике отступала. Преследующая их римская кавалерия оказывалась оторванной от основной армии. Затем британцы, побросав колесницы, атаковали римских всадников, что «делало бой неравным» (6, 123). «При этом неприятель никогда не действовал сплошной массой, а рассыпную; он располагался отрядами, куда удалялись, отступая, его войны, утомленные битвой, а на их место выходили новые со свежими силами» (6, 123).

Не забывая всякий раз подчеркивать, насколько труден путь завоевателя в войне с сильным противником, Цезарь, вместе с тем, повторяясь, часто прославляет своих боевых соотечественников. «Удивительная храбрость наших воинов встречала себе противодействие в разного рода мерах со стороны Галлов (...) Народ этот отличался смышленостью и изобретательностью...» (6, 188). «Сотники, из коих некоторые за храбрость были повышены из нижних рядов прочих легионов в верхние, не желая омрачить прежнюю славу воинской доблести, пали, храбро сражаясь. (6, 170) «...Скорее перенесут они (римляне) всевозможные нужды и лишения, чем откажутся от намерения отомстить за своих сограждан, погибших в Генабе жертвой вероломства Галлов». (6, 185). «...Несмотря на это (голод и жажду), ни разу не слышно было между ними (римлянами) ропота, который омрачил бы славу прежних их побед и был бы недостоин величия народа Римского» (6, 185). Подобный частый апофеоз римской армии вполне объясним патриотическими чувствами прозорливого главнокомандующего, уже лелеющего мечту императорской власти.

* * *

Восьмая книга «Записок о Галльской войне» посвящена восьмому походу Цезаря на Галлию. Она написана другом полководца – А. Гирцием.³⁶

В предисловии к своей книге Гирций пишет: «Я принялся за продолжение записок Цезаря о Галльской войне, но не с тем, чтобы произвести что-либо подобное его прежним и последу-

³⁶ А. Гирций был легатом в одном из легионов Юлия Цезаря. (Прим. авт.)

ющим трудам (...); я ее заключил не окончанием наших междоусобий, которым конца не предвидится, а смертью самого Цезаря» (6, 228).

«Цезарь умирил всю Галлию» (6, 229). Но не такие были галлы, чтобы, будучи покоренными, оставаться покорными. Цезарь, едва поверив в собственный успех, снова уверился в том, что радость его преждевременна. По свидетельству Гирция, Цезарь был встревожен слухами о готовящемся новом восстании в очередной раз объединившихся галльских племен.

Наученный горьким опытом непрестанного сопротивления непримиримого противника, Цезарь решает нанести упреждающий удар. Племена Битуригов достается первым. «Прибытие Цезаря было так внезапно и неожиданно, – пишет Гирций, – что, как обычно в таких случаях бывает, рассеянные по полям и безоружные жители, занимавшиеся полевыми работами, сделались добычей нашей конницы и не успели даже убежать в города» (6, 230).

За долгие годы Галльской войны Цезарь досконально изучил психологию врага. «Длинными и поспешными переходами Цезарь поспевал везде и не давал племенам Галльским времени озаботиться судьбой своих единоземцев, а заставлял думать только о своей» (6, 230).

Цезарь сталкивается с мужеством и упорством племен Карнутов и Белловаков. Гирций подробно описывает стратегическую тактику галлов, которая оказалась серьезной помехой к победе римлян: «Цезарь подивился рассудительности действий Галлов в этом случае, столь отличной от их всегдашней опрометчивости» (6, 233).

Гирций был далек от апологии своих соотечественников, не исключая и самого Цезаря. Он не умалчивает того факта,

что в победе над Карнутами и Белловаками решающую роль сыграли хитрость и коварство главнокомандующего (6, 233, 235). Возможно даже, что покушение легата Лабиена на царя племени Атребатов Коммия было совершено как минимум с молчаливого согласия Цезаря.

По свидетельству Гирция, Коммий оказался организатором заговора против Цезаря. Тогда как сам Цезарь, по его же словам, в свое время «знал его как благоразумного, храброго, неспособного к измене человека...» (6, 101).

Цезарь в очередной раз подавил восстание галлов. Гирций пишет, что «победив (...) сильнейшие племена Галлии, Цезарь достиг того, что уже ни одно из них не замышляло войны и не думало о сопротивлении» (6, 243). Но анализируя содержание «Записок...» Цезаря, а также книги А. Гирция, понимаешь, что всякий раз, когда первый был уверен, что Галлия «поставлена на колени», оказывалось, что уже происходит нечто такое, что глобальным образом угрожает всей Римской Империи. Так получилось и в этот раз. Цезарь был вынужден послать «легата Г. Фабия с двадцатью пятью когортами на противоположный конец Галлии» (6, 242). Гирций пишет, что для усмирения оставших двух уже находившихся там легионов было недостаточно. И снова началась война.

В своей книге А. Гирций затрагивает злободневную проблему своего времени – гражданских войн и их непосредственных виновников. Юлий Цезарь и Гней Помпей в амбициозных стремлениях к единоличной власти ввергли, в конце концов, страну во внутренние междоусобицы. (Подробнее ниже).

«Записки о Галльской войне» – информативное произведение, содержащее разносторонний, достоверный, многоплановый материал о жизни, мировоззрении, традициях современ-

ных Цезарю социумов. Благодаря этому фундаментальному труду, спустя две с лишним тысячи лет мы можем иметь полное представление о народах, бесследно стертых с лица земли последующими эпохами.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС. ГНЕЙ ПОМПЕЙ, МАРК КРАСС, ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

«Аристократия вынуждена была мириться с тем, что полководцы набирали собственную армию, получали полномочия на ряд лет и становились самостоятельными властителями.

Республиканский строй одно время еще держался на соперничестве между полководцами, но, в конце концов, должен был уступить место военной диктатуре» (43, 306).

Противостояние существующей власти, поддерживаемых наемными войсками, харизматических полководцев было в Риме делом обычным еще со времен политических конфликтов между Суллой и Марием.³⁷

Гней Помпей³⁸ и Марк Красс³⁹ прославились тем, что первый уничтожил сподвижников Мария в Испании, а второй усмирив восставших рабов под предводительством Спартака в Южной Италии (71 г. до н. э.). Стяжав себе таким образом популярность, Помпей и Красс были избраны консулами (70 г. до н.э.).

³⁷ Сулла и Марий – два политических противника, ввергнувших Рим в междоусобную войну. См. сноску 20. Цезарь являлся родственником Мария. (Прим. авт.)

³⁸ Гней Помпей (106 – 48 д. н.э.) – римский полководец. Был сторонником Суллы. (Прим. авт.)

³⁹ См. сноску 9.

Помпей был наделен чрезвычайными полномочиями для борьбы с препятствовавшими римской заморской торговле пиратами Средиземного моря. С 66-го года на Востоке он командовал римскими войсками в войне против Митридата VI царя Понтийского, которую победоносно завершил. К Империи были присоединены новые провинции – Понт, Вифиния и Сирия. Каппадокия и Галатия оставались независимыми лишь де-факто, де-юре же этими государствами, в политическом и экономическом плане, управлял Рим.

В это время в Риме стремился к своим честолюбивым целям Гай Юлий Цезарь. Он пропагандировал политические идеи Гракхов⁴⁰ и Мария, реанимировал партию популяров.⁴¹ В 63 г. до н. э. Цезарь получил должность претора.⁴²

После блистательной победы на Востоке Гней Помпей потребовал у сената утверждения на завоеванных им территориях его полномочий и раздачи земель его воинам. Сенат ему отказал. Тогда этот недооцененный герой Римской Империи вынужден был искать союза с двумя другими полководцами – Марком Крассом и Юлием Цезарем. Создание триумвирата⁴³ оказалось выгодным политическим маневром для всех троих; требования Помпея были удовлетворены; Цезарь был назначен консулом (59 г. до н. э.), а после окончания консульства – наместником в Иллирию и Цизальпинскую Галлию сроком на пять лет. Он также был наделен правом создания собственной армии, благодаря чему смог начать войну против Трансальпин-

⁴⁰ Братья Гракхи – представители знатного плебейского рода. См. сноску 84. (Прим. авт.)

⁴¹ См. сноску 20.

⁴² Претор – младший коллега консула. Занимался судебными делами. (Прим. авт.)

⁴³ См. сноску 9.

ской Галлии. В 55 г. до н.э. консулами становятся Красс и Помпей, а наместничество Цезаря в Галлии было продлено еще на 5 лет.

Конец триумvirата. После смерти Марка Красса в войне с парфянами, с которыми он вел борьбу как наместник Сирии (погиб в битве при Каррах), а также безвременной кончины жены Помпея Юлии (дочери Цезаря) I триумvirат (60 – 53 г. до н. э.) распался.

Помпей, опасаясь соперничества сильного оппозиционера Юлия Цезаря, через сенат пытался прекратить его наместничество в Галлии и лишить его армии. Между тем, Цезарь победоносно завершил войну с племенами Трансальпинской Галлии, а также отбросил германцев далеко за Рейн (50 г. до н. э.). В распоряжении Цезаря были тринадцать легионов, и он действительно представлял серьезную угрозу для Помпея и его соратников из нобилитета. Началом к гражданской войне послужило обращение сената к Цезарю с требованием распустить свои войска. Сторонники же Цезаря в Риме (Марк Антоний, Квинт Кассий) были высланы из столицы. У Цезаря оставался лишь один путь... Перейти Рубикон, тем самым «бросив жребий»...

ОРАТОРСТВО РЕШАЕТ ВСЕ. ПЛУТАРХ О ЮЛИИ ЦЕЗАРЕ

Риторика – важная категория информационно – коммуникационной жизни общества. Истоки выражения «журналистика – четвертая власть», вероятно, следует искать именно в риторике Древней Греции и Древнего Рима. Ибо обладание искусством ораторства означало верный успех в политической и во-

енной карьере. Были времена, когда талант красноречия мог разжечь самую кровопролитную войну, решить исход самой жестокой битвы, спасти или загубить целые народы.

Еще в юности Цезарь проявил себя прирожденным политиком. Плутарх пишет, что «...благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, он добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте» (35, 438).

Снискав всеобщее уважение, Цезарь становится настолько могущественным, что, по словам Плутарха, силе его «трудно было что-либо противопоставить» (35, 438 – 439). И, как считает историк, быстрее всех уразумел всю опасность авторитета и популярности Цезаря – Марк Туллий Цицерон. Деятельность Цезаря Плутарх характеризует как «по внешности спокойную, подобно гладкому морю». Плутарх «распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости» (35, 439). Цицерон же «во всех помыслах и образе действия Цезаря усматривал тиранические намерения» (35, 439).

Народ любил Цезаря, и первое доказательство тому – получение им наибольшего числа голосов на должность военного трибуна.

Ораторский талант – один из многих достоинств Юлия Цезаря, и он дал о себе знать впервые, когда на форуме, будучи еще молодым политиком, он произнес «блестящую похвальную речь» (35, 439) в честь умершей тетки Юлии, жены Мария. Лишь немногие недовольные голоса были заглушены одобрительными криками народа.

Цезарь впервые ввел обычай произнесения надгробной речи в честь покойных молодых женщин по случаю безвременной кончины собственной жены, и тем снискал еще большее уважение квиритов.⁴⁴ «И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава (35, 439).

Когда Цезарь одержал победу на выборах (вместе с другими «двумя известнейшими людьми» (35, 441) – Сервилием и Катупом баллотировался на должность верховного жреца), то этим он «внушил сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость» (35, 441). Плутарх также пишет, что, уходя на выборы, Цезарь сказал своей матери: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником» (35, 441).

Дар красноречия Цезаря чуть было не спас от смертной казни двух участников заговора Катилины.⁴⁵ «Он (Цезарь) (...) выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью» (35, 442).

Речь Цезаря была воспринята положительно не только сторонниками Цезаря, но и многими его противниками. Но все же оппозиция оказалась сильнее настолько (Катон, Катуп и др.), что Цезарь, по Плутарху, спасая свою жизнь, едва «унес ноги» из сената.

⁴⁴ Квирит – свободный римский гражданин. (Прим. авт.)

⁴⁵ Катилина (108 – 62 до н. э.) – претор, организовал заговор (66-63), целью которого был переворот, уничтожение не только существующей власти, но и всей общепринятой системы Римского государства. Катилину поддерживали сторонники Суллы. Обещал кассацию долгов, и тем самым привлек большое число единомышленников. (Прим. авт.)

Владение искусством красноречия, как мы уже говорили выше, в античные времена было настолько важным, что Плутарх ставит его в один ряд с принадлежностью «к старинной знати и известностью своим богатством» (35, 443).

Обладание талантом оратора обуславливало не менее важную среди римских нобилей способность молниеносного реагирования «острым словом» (или, как мы определили, «саркастической словесной фигурой») ⁴⁶ на соответствующую реплику или ситуацию. Так, когда Цезарь проезжал мимо небольшого «варварского» городка за Альпами, кто-то очень остроумный спросил его со смехом: « – Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» « – Что касается меня, – серьезно ответил им Цезарь, – то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме» (35, 445). Однажды, когда друзья Цезаря спросили его о причине его печали, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!» (35, 445)

Вступление Цезаря в триумvirат Плутарх объясняет тем, что Цезарь не признавал препятствий в достижении великих целей. Одно из доказательств тому, к примеру, выдача замуж Цезарем своей дочери Юлии за Гнея Помпея.

Плутарх более чем сдержанно относится к попытке консула Цезаря провести реформы, и называет их «более приличествовавшие какому-нибудь дерзкому народному трибуну...» (35, 447) Причину же этой попытки историк усматривает в «желании Цезаря угодить черни...» (35, 447). Это были «закон-

⁴⁶ Определение автора данного учебного пособия.

нопроекты, предлагавшие вывод колоний и раздачу земель» (35, 447). Сенат высказался против, «зато народу они очень понравились» (35, 447).

Однако Плутарх очень высокого мнения о человеческих качествах Цезаря. Историк характеризует его как обладающего «мужеством и любовью к славе» (35, 450). Но самую большую заслугу Цезаря Плутарх видит в том, что он смог щедрыми почестями и подарками воспитать эти же качества в своих солдатах. «...Он желал показать, что добытые в походах богатства копит не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях (...), но хранит их как общее достояние...» (35, 450).

Для воинов Цезарь был достойнейшим примером. «...Он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности» (35, 450). Сила воли и духа Цезаря не удивляли никого, но поражало то, что трудности и испытания, которые он проходил, не соответствовали его физическому здоровью – «ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей» (35, 450).

Плутарх утверждает, что именно Цезарю, за его занятостью, первому пришла в голову идея «беседовать с друзьями (...) посредством писем» (35, 451).

Когда Цезарь был в гостях у некоего Валерия Леона, то его спутникам не понравилось поданное блюдо. Цезарь, со свойственным ему сарказмом, сказал: «Если вам что-либо не нравится, то вполне достаточно, если вы откажетесь есть. Но если кто берется порицать подобного рода невежество, тот сам невежа» (35, 451). Его другое высказывание звучит как афоризм: «Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необхо-

димое – слабейшим» (35, 451). Во время одной из Галльских войн, когда на армию Цезаря неожиданно напали Гельветы, ему подвели коня. Цезарь спокойно сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас – вперед, на врага!» (35, 452).

Обладание Цезарем ораторским искусством помогло ему однажды объединить легионы воедино. Это случилось во время Второй Галльской войны, когда начальники его войска в одном из боев проявили куда меньше мужества, чем полагалось. На совете Цезарь объявил им, что «... те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. Я же пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее Кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария» (35, 452). Красноречие полководца возымело ожидаемый эффект: «Все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем...» (35, 452).

О Цезаре Плутарх отзывался как об отважном, прозорливом, мудром военачальнике. К примеру, в войне в Нервиями «смелость Цезаря привела к тому, что римляне бились, можно сказать, свыше своих сил... (...) Из шестидесяти тысяч варваров осталось в живых только пятьсот, а из четырехсот их сенаторов – только трое» (35, 454).

Поход Цезаря против Британцев Плутарх считает выдающимся историческим подвигом. «Ибо он (Цезарь) был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море, кто расширил римское господство за пределы известного круга земель, попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров...» (35, 456)

О событиях, последовавших за распадом I триумvirата, Плутарх пишет: «...Цезарю, если он хотел быть первым, не оставалось ничего иного, как уничтожить того, кому первенство уже принадлежало, а Помпей, чтобы не допустить такого исхода, должен был своевременно устранить того, кого он страшился» (35, 460). Историк также считает, что «...причина гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга» (35, 446).

В одном из сражений армий Цезаря и Помпея удача улыбнулась последнему, но тот почему-то проявил нерешительность и отступил. Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить» (35, 470).

Сила слова... В те далекие времена искусство красноречия имело не меньшее значение, чем обладание обоюдоострым мечом. Ораторству обучали в лучших школах того времени, именно искусство слова играло первостепенную роль в решении ключевых политических вопросов. Поэтому верно было убеждение – ораторство решает все.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС. МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

«Синтез римской и греческой культуры, подготовлявшийся длительным процессом эллинизации Рима, получил литературное воплощение в многостороннем творчестве Марка Туллия Цицерона (106 – 43 гг.)» (43, 314)

Марк Туллий Цицерон принадлежал к сословию всадников, род которого не блистал громкими именами высокопоставленных государственных деятелей. И только разоблачение Цицероном политического заговора Катилины открыло перед ним широкие возможности политической карьеры. (См. ниже).

Цицерон был талантливейшим человеком своего времени. Он был политиком, оратором, писателем и адвокатом, и в каждой из этих сфер превосходил многих образованных людей своей эпохи. До нас дошли пятьдесят восемь его речей, трактаты по риторике и философии, около восьмисот писем.

Выступая против позиции нобилитета предоставлять высшие должности исключительно представителям сенаторских семей, Цицерон произносит свою первую речь против оптиматов⁴⁷ в народном собрании в 66 г. Далее вся его политическая деятельность направлена на создание союза между сенатом и сословием всадников. В 63 г. до н.э. он избирается консулом. Раскрыв заговор Катилины и жестоко расправившись с его участниками (приговорив квинитов к смерти без суда), Цицерон приобретает широкую популярность – его провозглашают «отцом отчества». На этом фоне Цицерон добивается максимального влияния в высших эшелонах власти, пока на тревожном небосводе политической жизни Рима не появляются триумвиры – Помпей, Красс и Цезарь.

Триумвиры на какое-то время избавляются от яркого республиканца⁴⁸ Цицерона, взяв за предлог его бескомпромиссный

⁴⁷ Оптиматы – отражавшее интересы нобилитета, противостоявшее популярам (демократам) течение в Древнем Риме. (Прим. авт.)

⁴⁸ Республиканец, противник диктатуры как формы государственной власти, Цицерон большую часть своей политической карьеры был непримиримым противником Гая Юлия Цезаря. (Прим. авт.)

подход к делу о расправе над участниками катилинского заговора. В 58 г. Цицерон отправляется в изгнание. В 57 г. ему позволяют вернуться, но при условии его полного политического нейтралитета. Однако триумвиры прекрасно использовали ораторский талант Цицерона в своих интересах, назначая его защитником в нужных им судебных процессах.

В бытность проконсулом в Киликии, Цицерон снискал уважение войска своей справедливостью, а после нескольких победоносных сражений воины провозгласили его императором.⁴⁹

Цицерон вернулся в Италию к началу гражданской войны (49 – 45 гг.) и, после некоторых колебаний, взял сторону Помпея. Однако неудачный для Помпея исход Фарсальской битвы (48 г.) не оставил Цицерону выбора. Ему пришлось помириться с Юлием Цезарем.

В этот период Цицерон почти не выступает с политическими речами, он посвящает себя литературной деятельности.

В трактатах Цицерона «Брут» и «Оратор» отражена острая полемика автора с представителями одного из ораторских течений – «аттикистами» (считали обязательным для оратора владение только одним простым стилем). Цицерон, в противовес аттикистам, доказывал, что истинный оратор должен владеть всеми стилями речи (их было три – спокойный – низкий, изящный – средний, патетический – величавый. Каждому из этих стилей соответствовало предназначение речи – спокойный стиль – для убеждения, изящный – в целях доставления духовного удовольствия, патетический воздействовал на волю ауди-

⁴⁹ Символический титул «императора» полководцу присуждали сами войны за талант стратега и победы в битвах. (Прим. авт.)

тории.) Используя в процессе выступления все три стиля в зависимости от характера определенной части ораторской речи, истинный оратор должен стараться отдать наибольшее предпочтение самому замысловатому и впечатляющему – «высокому» стилю.

Новый, но недолгий расцвет политической карьеры Цицерона наступает после убийства Юлия Цезаря в 44 г.

Хотя Цицерон лично и не участвовал в коварном убийстве Цезаря, тем не менее, это событие вполне отвечало его политическим амбициям. Тирания, казалось, была задушена и, как надеялся Цицерон, с восстановлением республики его ожидал необычайный политический подъем.

Однако республиканцы не смогли грамотно воспользоваться своим политическим перевесом, и власть временно переходит к главе лагеря цезарианцев консулу Марку Антонию.⁵⁰

Цицерон возглавляет сенатскую партию и на этом посту начинает осыпать на заседаниях сената Марка Антония инвективами – речами – «Филиппиками»,⁵¹ на которые тот отвечает ему такими же диатрибами. Антоний припоминает Цицерону расправу над участниками заговора Катилины, объявляет его виновником разногласий между Помпеем и Цезарем и называет его закулисным руководителем убийства последнего.

В третьей и четвертой филиппиках Цицерон открыто призывает к вооруженной борьбе с объявившим себя преемником Цезаря Марком Антонием и выступает в поддержку внучатого

⁵⁰ После смерти Юлия Цезаря императором Великой Римской Империи становится Гай Октавиан Август.

⁵¹ Цицерон назвал свои речи против Марка Антония «Филиппиками» в честь «Филиппиков» Демосфена против Филиппа Македонского, отца Александра Великого. (Прим. авт.)

племянника убитого диктатора – Октавиана. Это, в конце концов, и сгубило, недооценившего политические приоритеты, Марка Туллия Цицерона. Вот что об этом пишет Плутарх: Цицерон, «вконец обольщенный и обманутый юношей, поддержавший его кандидатуру и сделавший сенат ему послушным, – тогда же подвергся за это обвинениям со стороны друзей, а немного позже и сам почувствовал, что погубил себя и пожертвовал свободой народа» (35, 562).

Октавиан, став при посредстве Цицерона консулом, примыкает теперь к Марку Антонию и к нарисовавшейся на политической арене, показавшейся ему более выгодной фигуре – Марку Лепиду. (II триумvirат). «Словно какую-нибудь частную собственность» (35, 562) делит с ними власть и объединяет войска. Через непродолжительное время Цицерон, по настоянию Антония, был внесен в проскрипционные списки (проскрипции – списки лиц, объявленных властью вне закона с целью расправы над ними), при чем, по Плутарху, будущий принцепс Октавиан согласился на это на третий день споров, в конце концов «...уступил и пожертвовал им» (35, 562).

Основные произведения Цицерона: трактат «О природе богов» (секуляризация сознания, отрицание существования богов); диалоги «О старости (Катон Старший)», «О дружбе (Лелий)», трактат «Об обязанностях» (этические проблемы); «О роке», «О гадании» (скепсис к сверхъестественному); диалоги «О государстве» (об особенностях римского строя), «О законах» (о римском праве), «Об ораторе» (вопросы красноречия) и др.

ПУБЛИЦИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЭПОХИ I ТРИУМВИРАТА, ЕГО КРУШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (МАРК ЦИЦЕРОН, ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, МАРК ЦЕЛЛИЙ)

Содержание писем таких важных политических деятелей, как Марк Цицерон и Юлий Цезарь отражает злободневные социально – политические и мировоззренческие проблемы современного авторов времени.

Период гегемонии I триумvirата – это канун гражданской войны. Цицерон как значимый политик оказался меж «трех огней» – Гнеем Помпеем, Марком Крассом и Юлием Цезарем. Он мешал первому, спорил со вторым, оспаривал действия третьего. Пытаясь избавиться от чересчур бдительного к себе внимания, триумвиры, как мы уже говорили, отправляют Цицерона в изгнание. Обиженный таким отношением, он сетует на время, к которому принадлежал в письме своему другу Аттику: «...Душевно желаю видеть Александрию и остальной Египет, уйти от этого пресыщения нами этих людей и, вернувшись, найти некоторые признаки сожаления; но в это время и при таких отправителях: стыжусь Троян и Троянок... (...) Что скажут наши лучшие люди, если только такие остались? Приманкой награды заставили меня переменить мнение... (...) А что история скажет обо мне через 600 лет? А мнение потомства для меня гораздо дороже всех толков людей, теперь живущих... (51, 279)

Цицерон о недостатках современного ему общества: «Предпочитаю плыть дурно, лишь бы другой управлял судном, чем быть кормчим для таких неблагодарных пассажиров» (51, 279). Или: «И до того утратил я всякую энергию среди затишья, в котором мы теперь коснеем, что предпочитаю лучше попасть

под власть тирана, чем бороться с ним, хотя бы и при самых верных надеждах» (51, 279).

Будучи в опальном положении, Цицерон остро реагирует на каждый импульс политической деятельности триумвиров. Откликаясь на их предложение отмены таможенных пошлин и разделения Кампанского поля между римским плебсом, он открыто высмеивает эту кампанию, иронизируя, что «внутренних общественных сборов» в Империи не останется вообще (51, 279-280).

Цицерон критикует любые, кажущиеся ему неверными, высказывания триумвиров. Так, в очередном письме Аттику Цицерон утверждает, что Помпей однажды заявил римским гражданам: « – Я буду вас держать подавленными войском Цезаря». На это автор письма реагирует следующим образом: « – И не только этим войском ты, Помпей, будешь держать нас в порабощении, сколько вследствие неблагодарности людей, именуемых благонамеренными, которые не только мне не принесли никакой награды, но даже и на словах выразить признательность считали для себя унизительным» (51, 280). «Обдуманно он (Помпей) готовит тиранию. Что же иное значит тесный родственный союз,⁵² раздел Кампанского поля, расточение денег? Будь это верх зла, то и в таком случае его было бы слишком много... (...) Никогда не дошли бы они (триумвиры) до этого, если бы не готовили себе путь к тому, что еще гибельнее» (51, 280). С публицистическим мастерством Цицерон передает «атмосферу» в государстве, которую создали триумвиры: «Попались мы кругом; теперь не отказываемся и рабствовать, но как самого большого опасаемся уже смерти и

⁵² Намек Цицерона на то, что, как мы говорили выше, Цезарь выгодно выдал свою дочь Юлию за Помпея. (Прим. авт.)

ссылки, а и они, по моему мнению, легче всего этого» (51, 280). «...Нет надежды никакой, чтобы не только частные лица были когда-либо свободны, но даже и должностные» (51, 280-281). Далее Цицерон рассказывает о том, что Цезарь «весьма ласково» предложил ему стать его легатом. Это «обезопасило бы» (51, 281) Цицерона, но тот бежать не желает, но «желает вести борьбу» (51, 281).

Власть трех декурионов⁵³ сильно претила Цицерону. Он пишет Аттику в своем 19 письме (кн. 2): «Знай, что еще никогда и ничто не было так позорно, так гнусно, так оскорбительно для всех сословий, родов и возрастов, как теперешнее положение дел, более, поистине, чем бы я хотел, и во всяком случае, чем я ожидал» (51, 281). Цицерон считает, что Помпей, как политик, «провалился совершенно» (51, 281). И когда в театр заходит Цезарь, его встречают лишь «глухими рукоплесканиями» (51, 281).

В 20 – м письме Аттику Цицерон обрисовывает кризисное состояние современного ему общества, к которому привел как он считает, политический крах триумвиров: «Об общественных делах напишу тебе вкратце: «... Боюсь, как бы сама бумага нас не выдала. Какой-то новый недуг овладел обществом; между тем как все то, что сделалось, не одобряют, жалуется, скорбят, разнообразия в деле нет никакого, явно говорят и уже громко стонут, а лечения никакого нет. Явно идти против невозможно без резни, да и не видим, чем могут кончиться эти уступки, кроме совершенной гибели» (51, 282). В 21 письме (2 кн.) Цицерон продолжает критиковать свое общество с триумвирами во главе: «А что о нем (об обществе) много толковать? Оно по-

⁵³Декурионы – представители высшего сословия в Древнем Риме, обычно члены сената. (Прим. авт.)

гибло окончательно, и положение тем прискорбнее, господство это (триумвиров), приятное черни, людям благонамеренным тяжело, но не губительно. Теперь же все это до того всем ненавистно, что в ужас прихожу, какой только может иметь исход» (51, 282).

Назначение Цезарем брата Цицерона – Квинта Цицерона легатом (чит. «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, кн. 5) привело к тому, что в отношениях между полководцем и опальным политиком наступила «оттепель». В следующем письме Аттику Цицерон говорит: «Полюбуйся на мое приятнейшее сближение с Цезарем (при крушении всего это для меня – единственная доска спасения). Нашего Квинта держит он в таких достоинстве, чести, милости, не иначе как если бы тот сам был бы главным вождем!» (51, 287) О походах Цезаря в Британию Цицерон высказывается не двусмысленно: «...Нет повода к опасению, да и радоваться особенно нечему»⁵⁴ (51, 288).

49 г. до н.э. – начало открытого противостояния Цезаря и Помпея. Марк Целлий – политический деятель, квестор, оратор пишет Цицирону в одном из писем: «Помпей твой открыто запрещает Цезарю и провинцию (Галльские земли) сохранить с войском, и быть консулом. Впрочем он, Помпей, высказал, что теперь еще время сенатскому на этот предмет определению. Сципион (см. сноску 100) сказал, что доклад о провинциях будет в марте...» (51, 297).

В публицистике Цицерона нашли отражение также особенности деятельности некоторых других участников политической смуты тех лет: «Я вижу, что Курион⁵⁵ хлопочет о двух

⁵⁴ Мы уже упоминали, что Британская кампания Цезаря не увенчалась успехом. (Прим. авт.)

⁵⁵ Г. Курион – также боровшийся за власть политик. (Прим. авт.)

предметах: у Цезаря что-нибудь отнять, а Помпею что-нибудь прибавить, какой бы ни было малозначительный подарок... так он теперь взялся за раздачу земель на Кампанском поле. Говорят, Цезарь о нем и не думает, а Помпей сильно беспокоится, как бы в нем не оставить Цезарю пищу щедрости к его прибытию» (51, 298).

Цицерон в своих письмах характеризует Куриона как политика, который в угоду своим амбициям способен прибегнуть к любому малодостойному способу. В этом «беспорядке умов» на политической арене, где существовало только два «полюса» – Помпей и Цезарь, Курион не мог найти себе достойного места. Целлий пишет, что Курион «с величайшей ветреностью (...) перебежал к народу и стал говорить за Цезаря...» (51, 298). Словно задавшись целью передать особенности духа своего времени, суть злободневных проблем нам, последующим поколениям, Целлий пишет: «Относительно общественных дел весь спор сосредоточился на вопросе о провинциях.⁵⁶ Помпей с сенатом настаивают по-прежнему, чтобы Цезарь оставил свои провинции прежде ноябрьских нон, а Курион решил скорее всему подвергнуться, чем это допустить. (...) Дело все в таком виде: Помпей, будто бы не имея никакой личности с Цезарем, делает вид, что домогается того, что считает и для него, Цезаря, справедливым, а Куриона винит, будто он старается вызвать ссору. В сущности же Помпей сильно не желает и очень боится, как бы Цезаря не назначили консулом прежде, чем тот передаст провинции и войско» (51, 299). Целлий, понимая всю подоплеку политических раздоров, приходит к заключению: «Курион трактует Помпея не слишком хорошо и нападает на

⁵⁶ Завоеванные Цезарем Галльские земли. (Прим. авт.)

все его второе консульство. Скажу тебе одно: если со всех сторон будут теснить Куриона, то Цезарь будет защищаем. Если они (партия Помпея и сената) опасаются вмешательства трибунов, то Цезарь останется столько времени, сколько ему будет угодно» (51, 299).

В этом кровопролитном противостоянии первым мужество теряет Помпей, о чем не без иронии пишет Цицерон: «...Помпей Великий упал до того духом, что, кажется, сам не знает, чего уже и хотеть» (51, 299).

О сложности выбора Цицерона еще до начала гражданской войны – чьей креатурой определиться, Помпея или Цезаря, читаем в его очередном письме Аттику: «Следуя твоему совету, я одним дорожил, потому что он мне оказал великую услугу, а другим, потому что он был настолько силен. (...) Я получил и от Цезаря, и от Помпея (...) письма, где (...) и тот, и другой ставят меня выше всех других своих близких» (51, 302).

Объясняя свое первоначальное решение выбрать сторону Помпея, Цицерон пишет: «Для меня лодка одна, где у руля Помпей... а самого Помпея буду склонять один на один к примирению... (...) Вижу, предстоит нам дело иметь с человеком самым смелым и на все готовым... (Имеет в виду Цезаря)» (51, 302).

Противостояние Помпея и Цезаря все усиливалось, и тяжелые последствия этого, уже вышедшего за рамки здравого смысла, политического конфликта, Цицерон не мог не предвидеть. Он пишет: «Дела общественные внушают мне все более и более опасений. И между гражданами благонамеренными нет никакого единодушия... Мир нам необходим. Победа, чья бы то ни была, много зла принесет, и во всяком случае явится нам самовластитель... Мое мнение: полезнее уступить ему (Цезарю) (...), чем вступить в бой. Поздно оказывать сопротивление

тому, кого мы в течение десяти лет вскармливали против себя...» (51, 303)

Приведем здесь также отрывок из письма, являющийся ярким примером публицистического мастерства Цицерона, снова критикующего современное ему общество, а также определившего причины разгара гражданской войны: «Да скажи мне, Атик, где это сословие благонамеренных?.. Отдельные личности есть, не более... Не сенат ли благонамеренно действует, раздавая провинции частным лицам? Курион не стал бы настаивать на вмешательстве, если бы только вступили с ним в переговоры. Но сенат этого не захотел – и Цезарь остался без преемника. Не откупщики ли? И никогда не были они слишком надежны, и теперь Цезарю величайшие приятели. Не ростовщики ли или земледельцы? Но для них желательнее всего спокойствие. Не думаешь ли ты, что те боятся быть под царской властью, кто от нее никогда не отказывался, лишь бы оставаться в покое?..» (51, 303).

Когда Цезарь перешел Рубикон, ознаменовав, тем самым, начало гражданской войны, Цицерон написал Атику: «О, несчастный и безумный человек, который никогда не прозревал и тени прекрасного! И он говорит, что все это делает во имя достоинства! (...) А честно ли держать войска без согласия властей, с оружием в руках занимать города и пролагать дорогу внутрь отечества?» (51, 306).

Когда Помпей бежал из Рима, Цицерон откликнулся на это следующими словами: «Рим остался без должностных лиц, без сената» (51, 306). И далее не без доли сарказма: «Что за война – видишь сам: она до того гражданская, что и возникла не от раздоров между гражданами, но от дерзости одного гибельного гражданина; а он силен...» Это была вполне конкрет-

ная аллюзия на Цезаря. И далее о нем: «...А чего надо опасаться от того, кто эти храмы и строения считает не отечеством, а готовой добычей? (...) А наш вождь (Помпей) как невоинствен, как чужд всякого плана действий!» (51, 307) И уже без аллюзий: «Не вижу ни пяди земли в Италии, которая не была бы во власти Цезаря» (кн. 7, письм. 21). 23 – е письмо: «Мы почти в плену, Помпей удаляется из Италии и его преследует Цезарь. (...) Чтобы убить! О, я несчастный, и мы все не сделаем ему оплота из тел наших?..»

Из писем Цицерона ясно, что спасающийся бегством Помпей предлагает ему присоединиться к нему, а Цицерон не считает правильным следовать этому призыву. (7 кн., письмо 1). Политик отказывает Помпею под тем предлогом, что там, где он (Цицерон) находится, он, якобы, может быть более полезен; сам же в письме Аттику комментирует ситуацию, в которую попал, следующим образом: «Вот я невольно попал в то дело, где никогда искренно не домогались ни мира, ни победы, а была тогда одна мысль о позорном и пагубном бегстве» (51, 310). (Кн. 8, письм. 2). «Он (Помпей) покинул город, то есть отечество» (51, 312). Чтобы оправдать свой отказ следовать за Помпеем, который считал его своим соратником, Цицерон пишет Аттику: «Я охотно умер бы за Помпея; для меня нет дороже человека; но не думаю, чтобы в нем одном была вся надежда на спасение общественного дела...» (51, 312).

Собственно, об обоих, развязавших из-за своих тщеславных амбиций гражданскую войну политиках Цицерон в равной мере невысокого мнения: «И тот, и другой ищут только господства, а вовсе не того, чтобы их отечество было счастливо и в чести» (...) «Ни тому, ни другому не нужно нашего благополучия. И тот, и другой хотят царствовать...» (51, 313).

В 8 - м письме кн. 13 - й Цицерон сравнивает Цезаря с Пизистратом.⁵⁷ Автор расстроен и озадачен тем, с каким восторгом и почестями Цезаря встречают в Риме: «И где они, эти наши лучшие люди? Полюбуйся, как они спешат навстречу Цезарю, как себя ему продают! А города считают его за бога... (...) Все, что этот Пизистрат не сделал злого, принимается с такой благодарностью, как будто он другому воспрепятствовал сделать это самое зло» (51, 314). Цицерон сетует на то, что прежний жизненный уклад безвозвратно канул в прошлое, а новая общественная система не сулит ничего хорошего: «Поверь мне, Атик, я уже вовсе не думаю и не предполагаю возможности благополучия исхода. Вполне понимаю, ни при жизни из двух (Цезаря и Помпея), ни при жизни этого одного (Цезаря) невозможно существование прежнего общественного порядка» (51, 315).

Позиция самого Юлия Цезаря кажется понятной из его письма к боевому соратнику Оппию. Приведем отрывок: «... Я по собственному побуждению решил действовать как можно мягче и снисходительнее и стараться всеми силами примириться с Помпеем. Сделаем же попытку, нельзя ли нам снискать расположение всех и пользоваться прочной победой? Прочие жестокостью не могли избежать ненависти, ни долго удерживать за собой плоды победы, кроме одного Л. Суллы, но ему я подражать не буду. Пусть будет новый способ, как побеждать, опираясь на милосердие и щедрость. (...) Захватил я Гн. Магния, Помпеева префекта; верный моему плану действия – я тотчас его выпустил. Уже два начальника кузнецов Помпея попались в мои руки и отпущены мною. Если они захотят быть

⁵⁷ Пизистрат правил в Афинах в 560 -527 гг. до н. э. Был тираном.

признательны, то должны увещевать Помпея, чтобы он был лучше моим другом, чем другом тех, кто и мне и ему был всегда враждебнейшим...» («Записки о гражданских войнах», гл. 20 – 23, кн. I») (51, 318)

Цицерону Цезарь пишет: «Правильно ты судишь обо мне – да ведь ты меня хорошо знаешь, что ничто от меня так не далеко, как жестокость. А я как в своих милосердных действиях нахожу себе истинное удовольствие, так и веселюсь, торжествую, что они заслужили твое одобрение. И нисколько меня не волнует, что отпущенные мною на свободу ушли опять, чтобы мне же нанести войну» (51, 320 – 321).

Когда Помпей был осажден в Брундизии, Цицерон писал: «От слез не могу ни сообразить ничего, ни писать... Что нам делать? Народа римского войско осаждает Гнея Помпея! Рвом и валом окруженного держит! (...) Преторы оказывают суд и расправу! Люди состоятельные берут проценты... (...) Есть ли честный исход такой бедственной жизни?.. (51, 320)

Как показала история, Цезарь не собирался проявлять гуманность к своему давнему противнику. Об этом свидетельствуют его письма к боевым соратникам – К. Оппию и к К. Педиею. «...Пришел я к Брундизию, расположился лагерем у стен Помпей в Брундизии. Прислал ко мне М. Магия о мире. Отвечал я, что мне заблагорассудилось...» (51, 320). «Помпей держится в городе, а мы стоим в лагере у ворот. Затеваем дело большое, много дней на него потребуется вследствие глубины моря (...) С обоих концов пристани ведем насыпи для того, чтобы или вынудить его оставить Брундизий с войсками, какие у него есть, или воспрепятствовать его выходу» (51, 320).

Приведем здесь отрывок из письма Цицерона уже ставшему диктатором Цезарю. Это письмо, выдержанное в почти-

тельной, даже несколько подобострастной форме – человека, которому ничего уже не остается, как быть на стороне победителя: «...Впрочем, надежда увлекала меня к той мысли, (...) что цель твоя – восстановление спокойствия, мира, согласия между гражданами, и на этот-то предмет я полагал довольно пригодными и мой характер, и личное значение. Если это действительно так, и если у тебя есть какая-либо мысль поберечь Помпея нашего и примирить его с тобой и делом общественным, то для этой цели человека более пригодного, чем я, конечно, не найдешь. Постоянно я и ему, и сенату при первой возможности толковал о мире и, когда взялись за оружие, не принимал ни малейшего участия в военных действиях. Находил я, что этой войной причиняется насилие тебе и что против почести твоей, данной тебе благодеянием народа римского, стараются действовать твои недруги и завистники...» (51, 319). И т. д.

Письма государственных деятелей – Марка Цицерона, Юлия Цезаря, Марка Целлия отражают злободневные проблемы наиболее смутного времени в истории Римской Империи. В огне гражданской войны погибает республика, а на ее смену приходит диктатура Юлия Цезаря. Под обломками республики были погребены многие достойные люди того времени, и среди них – политический деятель, оратор, адвокат, писатель и публицист Марк Туллий Цицерон.

Древнеримская публицистика несет в себе актуальную и достоверную информацию о социально – политических и социально – мировоззренческих проблемах текущего времени. Для нас же – это бесценный памятник, позволяющий понять и представить давно ушедший мир с его удивительной историей и теми великими людьми, что ее творили.

**«РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ» ПУБЛИЦИСТИКА.
АФОРИЗМ КАК ФОРМА ЛАКОНИЧНОГО
ВЫРАЖЕНИЯ ЗЛОБODНЕВНОЙ ПРОБЛЕМЫ.
ЦИЦЕРОН**

Приведем ниже, спустя две с лишним тысячи лет не утратившие актуальность, афоризмы Цицерона, нашедшие отражение в его, политического характера, публицистике (в письмах другу Аттику).

«Каково же значение того, который защищается действием другого, а не своим?» (51, 290)

«Союз, не исключивший взаимной зависти, старания исподтишка вредить друг другу...» (51, 300)

«Гражданин, пока дела еще на словах решаются, должен следовать той стороне, которая справедливее, а если дело дошло до оружия, той, которая сильнее...» (51, 300-301)

«В этой борьбе на стороне Помпея будут сенат и все, кто в состоянии обсуждать, а к Цезарю пристанут все, кому есть чего-либо опасаться или кто рассчитывает поживиться за чужой счет» (51, 301).

«И тот, и другой готов к борьбе и в душе, и войсками». Это будет «зрелище великое и приятное» (51, 301).

«...Те боятся быть под царской властью, кто от нее никогда и не отказывался, лишь бы оставаться в покое» (51, 303).

«Лучше бороться, чем рабствовать» (51, 304).

«Побежденный будет осужден на казнь, да и победителем все-таки ты будешь рабствовать» (51, 304).

«Цезарь «будет вряд ли жалостливее Цинны при избииении лучших людей и в алчности не уступит Сулле относительно захвата себе богатств людей состоятельных...» (51, 304).

«Если так дерзает говорить квестор Цезаря (М. Антоний), слабый и нищий, то каким языком заговорит Цезарь, когда в руках его будет все?» (51, 304)

«Но может ли быть достоинство там, где нет чести?» (51, 306)

«Дело общественное не в стенах» (51, 306).

«Допущено (...) нашим вождем (Помпеем) то, что мы, выйдя из пристани без руля, отдались на произвол ветрам» (51, 307).

«Самый несправедливый мир, по моему мнению, полезнее, чем самая справедливая война» (51, 308).

«Италия воспыхает войной; столько зла возбуждено частью завистливыми, частью злонамеренными гражданами!» (51, 308).

«Краткоречивым делают меня сами обстоятельства» (51, 309).

«...Позор единомыслия с тираном...» (51, 309).

«Ни бодрости, ни плана действий, ни войск, ни заботливости» (О Помпее) (51, 309).

«Трудная поистине задача правильно заведовать общественным делом» (51, 310).

«Один (Цезарь) в деле самом позорном снискивает рукоплескания, а другой (Помпей) в самом лучшем – неприятности» (51, 312).

«И тот, и другой (Помпей и Цезарь) ищут только господства, а вовсе не того, чтобы их отечество было счастливо и в чести» (51, 313). (См. выше).

«Ни тому, ни другому (ни Помпею, ни Цезарю) не нужно нашего благополучия. И тот, и другой хотят царствовать...» (51, 313).

«Если действительно он (Цезарь) будет чужд убийств и ни у кого ничего не отнимет, то он сильнее всего будет любим именно теми, кто больше всего его опасался» (51, 314).

«Опасность – в раздражении того и другого (Помпея и Цезаря), а победа до того неверна, что дело, худшее по моему мнению, даже скорее может на нее рассчитывать» (51, 314).

«Все, что этот Пизистрат (Цезарь) не сделал злого, принимается с такой благодарностью, как будто он другому воспрепятствовал сделать это самое зло» (51, 314). (См. выше).

«Скажу тебе, что когда он (Цезарь) взойдет в силу, то в Италии крыши ни одной не оставит» (51, 316).

«Сенат, законы, судьи, суды утратили свою власть, и не только чьего-либо частного, но и общественного состояния не достанет на удовлетворение страстей, издержек и нужд стольких беднейших людей» (51, 316).

«Если преступно родителям отказывать в пропитании, то каково же, если наши лучшие люди собираются изнурить голодом исконную и святейшую общую мать – отчизну» (51, 318).

«А мы еще живы, и город этот (Рим) стоит! (51, 320)

«Никогда не хотел я разделить победу с Помпеем, но бедствие его предпочел бы!» (51, 320)

«Благонамеренные граждане не пойдут, а пустые даже насмеются; алчущие переворота (...) употребят насилие» (51, 320).

Цезарь: «Пусть будет новый способ, как побеждать, опираясь на милосердие и щедрость» (51, 316).

Слово Марка Туллия Цицерона имело мощную назидательную силу. Его умные изречения читали, запоминали наизусть, цитировали в полемических беседах.

Афоризмы Цицерона не только выражают самую суть социально – политических противоречий его времени, но и своим глубоким смыслом отражают общечеловеческие проблемы каждой эпохи.

КАТЕГОРИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ В МИРОВОЗРЕНИИ ДРЕВНИХ. ПЛАТОН О ПРАВСТВЕННОСТИ

Греческую культуру можно назвать «колыбелью» как римской философии и литературы, так и римской этической мысли.

В 155 году до н. э. в составе афинского посольства в Рим прибывают стоик Диоген, перипатетик⁵⁸ Критолай и скептик⁵⁹ Карнеад. Они передали римлянам основы своих учений.

Римляне до известного предела признавали греческую гегемонию в области наук, декурiones владели греческим языком и приглашали для обучения своих сыновей греческих учителей – философов. Однако слишком сильного влияния греческой культуры римляне старались не допускать. Цицерон, к примеру, понимал категорию нравственности в теоретическом и практическом смысле. Он считал, что практическая нравственность у римлян проявляется в высшей степени качественно, более того, в этом смысле римляне во всех отношениях превосходят греков. «Я всегда был того мнения, что наши римские соотечественники во всем как сами умели делать открытия не

⁵⁸ См. ниже сноски: перипатетики – 101, стоики – 89. (Прим. авт.)

⁵⁹ Скептицизм – древнегреческое философское учение, характеризующееся некоторым релятивизмом, т. е. убеждением в относительности знаний. Скептики сомневались в существовании конкретной истины. (Прим. авт.)

хуже греков, так и заимствованное от греков умели улучшать и совершенствовать, если находили это достойным своих стараний. Наши нравы и порядки, наши домашние и семейные дела – все это налажено у нас, конечно, и лучше и пристойнее, законы и уставы, которыми наши предки устроили государство, тоже заведомо лучше; а что уж говорить о военном деле, в котором римляне всегда были сильны отвагой, но еще сильнее умением? Поистине во всем, что дается людям от природы, а не от науки, с нами не идут в сравнение ни греки и никакой другой народ...» (Цит. по 15, 197)

По Платону, источник нравственности трансцендентен, имеет божественное происхождение, но нравственные качества – они врожденны, изначально характеризуют личность, относясь к ее душе.

К врожденным нравственным качествам Платон относит различные добродетели, которые, по его мнению, соответствуют социальным классам. Основными добродетелями философ считает мудрость и мужество. Мудростью обладают правители, мужеством – защитники государства. Следующее нравственное качество Платон видит в умеренности, которой обязаны обладать представители народных масс, подчиняясь двум первым сословиям – правителей и защитников государства. На самой низшей ступени общественной иерархии находятся рабы, которые, по Платону, в виду отсутствия души – вне морали и лишены каких бы то ни было добродетелей вообще.

Наблюдения за обстоятельствами реальной жизни заставляют Платона со временем переосмыслить свою «нравственно – сословную» теорию. Он признает, что нравственные и интеллектуальные качества далеко не всегда обусловлены происхождением человека, то есть его принадлежностью к опреде-

ленному сословию. В этом случае философ предлагает правителям и мудрецам «распознавать» недостойных своего высокого происхождения людей еще в раннем возрасте (то есть с «медью» или «железом» в душе) и безжалостно «прогонять их» в народ. То же самое необходимо проделывать с детьми, рожденными в народе (если у них в душе «золото» или «серебро»), непременно «помещать» их «в высшие сословия».

О способах проведения этого «распознавания» философ не пишет.

Несмотря на утопический характер предлагаемых Платоном принципов устройства государства, они нашли теоретический отклик у философов Нового времени.⁶⁰

Моральная категория справедливости, по Платону, включает какой-либо личностный аспект, а являет собой «государственную» добродетель. Эта категория характеризуется «преданностью своему делу у всех сословий. (...) Государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело» (33, 226 – 227).

Как мы говорили, по Платону, нравственность имеет божественное происхождение. «У нас мерой всех вещей будет главным образом Бог, гораздо более, чем какой – либо человек...» (...) Поэтому, кто хочет стать любезным богу, непременно должен, насколько возможно, ему уподобиться» (33, 190).

Поиск истинной добродетели приводит Платона к ее источнику – божеству. Отрешение от всего земного, сознательная атараксия – единственный путь к «очищению души» от телесных страстей бренного мира. Тогда неведом будет человеку

⁶⁰ Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и др.

страх смерти, напротив, пребывать он будет в тихой, умиротворенной радости. «Как не испытать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь, – любил же ты разум (...)... это действительно очищение от всех страстей, а, справедливость, мужество и сам разум – средство такого очищения» (32, 21, 22, 26 – 28). Подобный скептицизм, отрешение от земных страстей, рефлексия, внутренняя чистота и свобода от мирских уз – гарантия освобождения души от бесконечного перевоплощения – метампсихоза или реинкарнации и возвращения ее в конечную обитель – мир идей.⁶¹

АРИСТОТЕЛЬ О КАТЕГОРИИ ЭТИКИ

Аристотель признавал, что вести себя в пределах нравственных законов способны далеко не все. «Невозможно, или по крайней мере нелегко, изменить под влиянием науки то, что издревле укоренилось в нравах» (4, 203).

Добродетели, по Аристотелю, не врожденные качества человека (как считает Платон) (см. выше), а приобретенные. Добродетели философ делит на две группы – дианоэтические, которые непосредственно относятся к разумной стороне души – мудрость, изобретательность, практичность и др. и этические, относящиеся к волевой стороне души (нравственные качества). Для достижения нравственных целей необходим симбиоз дианоэтических и этических добродетелей, так как действия личности должны основываться на правильных мыслях.

⁶¹ Истоки данного учения берут свое начало в древнеиндийской философии. Дальнейшее обоснование учение получит в неоплатонизме, и позже, в Средние века, в суфизме. (Прим. авт.)

Аристотель характеризует добродетель как меру, рациональное зерно, некий баланс в этическом миропонимании человека. «Добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к среднему. Сверх того, ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно) (...), а добро ограничено, верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко промахнуться, трудно попасть в цель, поэтому-то избыток и недостаток – принадлежности порока, середина – принадлежность добродетели...» (4, 31).

По Аристотелю, этическая добродетель умеренности является золотой серединой между невоздержанностью и бесстрастностью; мужество – между отважностью (безумной отвагой) и трусостью; великолепие – между чванством и мелочностью; щедрость – между расточительностью и скупостью; кротость – между гневливостью и смирением; великодушие – между тщеславием и малодушием; правдивость – между хвастовством и иронией; любезность – между слащавостью и несносностью; общительность – между шутовством и грубостью; справедливость находится между двумя разновидностями несправедливости, сущность первой – избыточное присвоение себе блага, а сущность второй – слишком тщательное ограждение себя «от всего вредного».

Аристотель определяет этическую добродетель справедливости с точки зрения ее противопоставления сущности несправедливости. «Несправедливым называют как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, и человека, не равно относящегося к другим людям. Ясно, что и справедливым называют то человека, поступающего по законам, то равно относящегося ко всем людям. (...) Не справедлив также человек, стремящийся к лишней выгоде...» (4, 83)

Категория справедливости у Аристотеля подразделяется на распределяющую и уравнивающую. Сущность распределяющей справедливости – в наделении благ не в равных пропорциях, а исключительно по достоинству: «Все люди согласны в том, что распределяющая справедливость должна руководствоваться достоинством, но мерило достоинства не все видят в одном и том же, граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели (4, 87-88).

Уравнивающую справедливость Аристотель связывает с политикой, а также с экономикой и правом.

В уравнивающей справедливости Аристотель определяет два полюса – произвольный: «купля и продажа, заем, ручательство, вклад, наемная плата» и т.д. и непроизвольный (незаконные, «скрытые» действия) – «воровство, прелюбодеяние, приготовление яда, сводничество, убийство, лжесвидетельство» и т.д. (4, 87).

Как пример уравнивающей справедливости в экономике Аристотель приводит денежную единицу – «монету как представитель нужды по всеобщему соглашению (4, 92). Добродетель справедливости имеет место тогда, когда совершающие обмен стороны не получают в итоге ни выгоды, ни ущерба.

Политическое право Аристотель разделяет на естественное и условное. «Естественное право – то, которое везде имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его. Условное право – то, которое первоначально могло быть без существенного различия таким или иным, но раз оно определено, это безразличие прекращается» (4, 96). К примеру, цена товара, раба, объем выкупа зерном и т.д.

В сфере влияния закона на поведение человека Аристотель большую роль отводит моральной категории справедливо-

сти. Он называет справедливость «совершенной добродетелью», «величайшею из добродетелей», и даже сопровождает эти определения поэтическим сравнением: справедливость «более удивительная и блестящая, чем вечерняя или утренняя звезда». Аристотель приводит также пословицу: «В справедливости заключаются все добродетели» (4, 84).

По Аристотелю, мораль основана на осмыслении поступков, то есть на разуме (конгломерат дианоэтических и этических добродетелей). Эти же поступки зависят от свободы воли индивида (произвольные или непроизвольные действия).

**ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ЖАНРА
В ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
ДИАЛОГ М. ЦИЦЕРОНА
«О СТАРОСТИ (КАТОН СТАРШИЙ)».
ИНДИВИДУАЛЬНО – ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ
ДОКТРИНА**

В диалогах «О старости», «О дружбе», в трактате «Об обязанностях» Цицерон поднимает актуальные социально – политические, философские и этические проблемы своего времени. В центре прозведений – общество, для правильного существования и развития которого необходимы и мудрость стариков, и, знаменующая политическое единомыслие дружба, и нравственный подход к государственной деятельности и гражданским обязанностям.

Диалоги были написаны в 44 г. до н. э. и были посвящены другу Цицерона – Титу Помпонию Аттику.

В диалоге «О старости» принимают участие: Марк Катон Цензорий Старший (234 – 149) – участник Пунической войны, претор (198 г.), консул (195 г.), цензор (184 г.); Гай Лелий Младший – консул (140 г.), участник Третьей Пунической войны; Публий Корнелий Сципион Младший (185 – 129 гг.) – завоеватель Карфагена, герой Третьей Пунической войны, завоеватель Нуманции, дважды консул (147, 146 гг.). Был поборником гегемонии нобилитета.

Написание диалога относится ко времени, когда Цицерону было 62 года, а адресату этого диалога – Аттику – 65 лет.

Диалог между героями происходит в доме 84-летнего Катона, которого посещают Лелий и Сципион и вызывают его на разговор о старости.

Ведь что-то должно прийти к концу и,
Подобно ягодам на кустах и земным плодам,
Вовремя созрев, увянуть и быть готовым упасть.
Мудрому надо терпеть это спокойно.

Цицерон. Диалог «О старости»

Размышления Цицерона (устами Катона) касаются, прежде всего, вопроса – почему старость кажется «жалкой» людям молодым. Автор объясняет этот факт четырьмя причинами: старость и деятельность несовместимы; старость сопутствует немощи тела; старость препятствует смолоду привычным наслаждениям; старость – преддверие смерти. Каждое из этих умозаключений Цицерон сопровождает, выражающей сомнение, частицей «будто бы» (см. 49, 11).

Первая причина – «старость отвлекает людей от дел. От каких? От тех ли, какие ведет молодость, полная сил? А разве нет дел, подлежащих ведению стариков, слабых телом, но

сильных духом?» (49, 11) И Цицерон приводит в пример популярных политиков (Квинт Максим, Луций Павел и др.),⁶² которые «мудростью своей и авторитетом защищали государство». (49, 11).

Катон не отрицает, что люди преклонных лет лишены сил и возможности совершать то, что доступно молодым, но зато своими мудростью, авторитетом и опытом они способны вершить нечто большее: политические и гражданские дела на благо отечества.

Афористично звучит высказывание Катона: «Опрометчивость свойственна цветущему возрасту, дальновидность – пожилому» (49, 12).

Катон не согласен с мнением, что у людей преклонного возраста «слабеет память»: «Пожалуй, если ты не упражняешь ее и если ты от природы не сообразителен» (49, 12). И приводит в пример Фемистокла,⁶³ который помнил имена всех сограждан. Далее не без доли иронии: «Да право же, я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь старик позабыл, в каком месте он закопал клад; все то, что их заботит, они помнят: назначенные сроки явки в суд, имена должников или займодавцев» (49, 12).

В подтверждение полноценной дееспособности людей преклонного возраста Катон (Цицерон) также вспоминает таких выдающихся личностей, как Гомер, Гесиод, Стесихор, Пифагор, Демокрит, Платон, Горгий, Софокл и др., не отказав-

⁶² Квинт Максим – консул 5 раз, герой Второй Пунической войны. Луций Павел – консул 182 и 168 гг. победитель царя Македонии Персея. (Прим. авт.)

⁶³ Фемистокл – (ок. 525 – 460 гг.) – афинский государственный деятель, в период греко – персидских войн (493 – 492) был архонтом (высшим должностным лицом) и стратегом. Один из «отцов – основателей» афинской демократии. Фемистоклу принадлежит заслуга превращения Афин в морскую державу. (Прим. авт.)

шихся в глубокой старости от умственной деятельности и обладавших блестящей памятью до конца своих дней. «Итак, вы видите, что старость не только не пребывает в бездеятельности и праздности, но даже трудоспособна и всегда что-нибудь совершает и чем-то занята» (49, 14).

Что касается немощи в старости тела (*вторая причина*), то автор диалога устами Катона приводит в пример достойных мужей римской истории – Секста Элия,⁶⁴ Публия Красса⁶⁵ – «людей, составлявших законы для граждан» (49, 14). В старости они сохранили не только ясность ума, но были известными мудрецами. Катон вспоминает стихи Солона⁶⁶ о том, что он на склоне лет каждый день познает все больше нового и интересного. Здесь же афоризм: «Упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости» (49, 14).

Катон приводит в пример «Илиаду» Гомера, в которой рассказывается о царе Пилоса Несторе. Он «видел уже третье поколение людей», но несмотря на это похвалялся «своими доблестями»⁶⁷ (49, 15). И сам Агамемнон «желал бы иметь десятерых, подобных Нестору» (49, 15) воинов. «...Если бы это ему удалось, то Троя – он не сомневается – вскоре пала бы»⁶⁸ (49, 15).

Далее Катон говорит, что он уже на 84-м году жизни. «Старость не совсем ослабила и изнурила» его именно потому, что он никогда не придерживался пословицы «стань стариком рано, если хочешь пробыть стариком долго» (49, 15). И в подтверждение своих слов: «Я работаю над седьмой книгой

⁶⁴ Консул 194 г. до н. э. (Прим. авт.)

⁶⁵ Верховный понтифик (см. сноску 71), консул 205 г. до н. э. (Прим. авт.)

⁶⁶ Афинский законодатель. Был архонтом 594, 593 гг. (Прим. авт.)

⁶⁷ См. Гомер «Илиада», I, 250; «Одиссея», III, 245. (Прим. авт.)

⁶⁸ Гомер, «Илиада», II, 370.

«Начал»;⁶⁹ собираю все воспоминания о древности, теперь особенно тщательно обрабатываю речи, произнесенные мною при защите во всех знаменитых делах; рассматриваю авгуральное,⁷⁰ понтификальное⁷¹ и гражданское право; много занимаюсь и греческой литературой...» (49, 17).

Приведем здесь мудрые слова Катона: «Жизнь течет определенным образом, и природа идет единым путем, и притом простым, и каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил у людей зрелого возраста и умудренность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые надлежит приобретать в свое время» (49, 15).

Катон не может не признать, что избежать старости тела невозможно, но дает простую рекомендацию того, как остаться юным духом навсегда: быть молодым, «в котором есть что-то стариковское», и стариком, «в котором есть что-то молодое» (49, 16-17).

Третья причина, почему старость кажется молодым «жалкой» – отсутствие у стариков каких-либо наслаждений. В оправдание такому факту Катон пишет: «Самый губительный бич, какой природа могла дать людям – плотское наслаждение...» (49, 17). Именно жажда этого чувства, по мнению автора произведения, может толкнуть самого порядочного человека на самый низкий поступок, может явиться причиной самого подлого предательства самой близкой дружбы, самой коварной

⁶⁹ Не дошедшее до нас произведение Катона «Начала» было посвящено истории Римской Империи до 149 г.

⁷⁰ авгуры – в Древнем Риме жрецы, толковавшие волю богов по ауспициям, то есть по полету птиц. (Прим. авт.)

⁷¹ Понтифик – особый титул жреца в Древнем Риме. Понтифики контролировали религиозные обряды, процессы избирания консулов и т. д. (Прим. авт.)

измены отечеству, самых абсурдных, нелепых переворотов. «...В то время как самое прекрасное, что человеку даровала природа (...) – это разум, ничто так не враждебно этому божественному дару, как плотское наслаждение...» (49, 17). «Отсутствием того, чего не желаешь, не тяготишься» (49, 19) – очередным афоризмом заключает сказанное Цицерон.

В противовес убеждению, что у людей преклонного возраста, якобы, отсутствуют наслаждения, Катон пишет, что лично для него нет ничего приятнее, чем умиротворенные занятия земледелием, которые, уж точно, ни к предательству не приведут, ни пагубно на разум не воздействуют. «Им (занятиям земледелием) никакая старость не препятствует и они, как мне кажется, наиболее соответствуют образу жизни мудреца» (49, 20).

Далее снова афоризм: «Как не всякое вино, так и не всякий нрав портится с возрастом» (49, 24). Это к тому, что согласно общепринятому мнению, старики ворчливы, капризны, неуживчивы и слишком обидчивы. Последнее качество Катон мудро связывает с комплексом старика как слабого и, как ему кажется, бесполезного человека. Оправдывая частые проявления скупости у людей преклонного возраста, Цицерон выдает еще один афоризм: «Возможно ли что-нибудь более нелепое, чем требовать для себя путевые расходы тем больше, чем меньше остается пути?» (49, 24).

Четвертая причина того, что в глазах резвой молодости старость выглядит немощной – это близость ее к смерти. Безусловно, смерть «не может быть далека от старости» (49, 24), и этот печальный факт наиболее тревожен для старых людей. И Катон с высоты своей многолетней мудрости призывает презирать смерть, называя жалкими тех стариков, что пройдя длинный жизненный путь, не научились этого делать. Афоризмы:

«Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен» (49, 24);

«Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастен, либо даже буду счастлив?» (49, 24);

«Кто даже в юности столь неразумен, что не сомневается в том, что доживет до вечера?» (49, 24);

«За что же можно упрекать старость, когда то же самое касается и юности?» (49,25)

Конечно, у юношей есть надежда на долгую жизнь, чего нет у людей преклонных лет.

«Юноша хочет долго жить, а старик долго уже прожил» (49, 25).

Но желание это более чем призрачно.

«Не может быть более нелепым, чем принимать неопределенное за определенное, ложное за истинное» (49, 25).

В защиту стариков:

«Ум, рассудок и здравый смысл свойственны именно старикам»; (49, 25)

«Не будь стариков, то и гражданских общин не было бы вообще» (49, 25);

«Сколько времени каждому дано прожить, тем он и должен быть доволен» (49, 25);

«Даже краткий срок нашей жизни достаточно долог, чтобы провести жизнь честную и нравственно – прекрасную...» (49, 25)

Увещевание слабым духом:

«...Но если она (жизнь) продлится еще, то не надо жаловаться на то, что после приятного весеннего времени пришли лето и осень...» (49, 25).

В понимании Катона, все в природе развивается естественным путем:

«Весна как бы означает юность и показывает, каков будет урожай, а остальные времена года предназначены для жатвы и для сбора плодов» (49, 25).

И философский вывод мудрого старика:

«Поистине, все то, что совершается сообразно с природой, надо относить к благам» (49, 25).

Цицерон приводит эпиграмму Энния,⁷² в которой тот завещает:

«Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным воплем» (49, 26).

«Не стоит оплакивать смерть, которая в преддверии бессмертия...» (49, 26).

«Чувство умирания», как Катон называет предсмертные муки, у человека неизбежны. «Длится оно недолго, особенно у старика; но после смерти чувство либо желательно, либо отсутствует совсем» (49, 26). То есть Цицерон в диалоге «О старости» придерживается пифагорейского учения о бессмертии человеческой души. Так, Катон обращается к своим собеседникам, к уже потерявшим своих отцов Сципиону и Лелию, увещевая их мудрыми словами: он уверен, что они, их отцы, где-то живы, «и живут той жизнью, которая одна и заслуживает названия жизни» (49, 28). Катон успокаивается сам и успокаивает своих друзей верой в загробную жизнь, которая намного совершеннее, чем земная. Эрудиция мудреца и философа позволяет Цицерону не быть голословным и опереться в своих

⁷² Энний Квинт (239 – 169 гг.) – римский поэт, автор ряда трагедий, комедий, сатир, сюжеты которых он заимствовал из греческой литературы и перерабатывал на «римский» лад. Автор исторического эпоса «Летопись». (Прим. авт.)

суждениях на индивидуально – эсхатологические воззрения одного из авторитетнейших людей Греции, историка и писателя Ксенофонта.⁷³ Один из героев его произведения⁷⁴ «Воспитание Кира» – Кир Старший говорит своим сыновьям Камбизу и Танаоксару: «Не думайте, о мои горячо любимые сыновья, что я, уйдя от вас, нигде и никак не буду существовать. Ведь вы, пока я был с вами, души моей не видели, но на основании моих деяний понимали, что она пребывает в моем теле; так верьте же, что она – та же, хотя видеть ее вы не будете» (49, 29).

Катон утешается сам и утешает других – не только бессмертны души, но вечны и знания, которые человек приобрел при жизни. «Лично я никогда не мог согласиться с тем, что души наши, пока пребывают в смертных телах, живут, а выйдя из них, умирают, как и с тем, что душа теряет свою мудрость, покинув лишненное мудрости тело» (49, 29).

Таковы индивидуально – эсхатологические представления Цицерона, помогавшие ему мужественно переносить и помогать переносить другим тяготы преклонного возраста.

Катон в своей вере в бессмертие души видит путь к морально здоровой жизни на земле, но, будучи образованным человеком, он не может с твердой уверенностью рассуждать о перспективе вечной жизни после смерти, если это только умозаключение. Поэтому он оговаривается, что в случае своего заблуждения в этом вопросе он предпочитает оставаться в этом приятном заблуждении. (См. 49, 30). Вместе с тем, Катон не жалеет о прожитых годах и решительно отказался бы «после пробега положенного расстояния» (представься ему такой удивительный шанс) снова оказаться плачущим младенцем в ко-

⁷³ Ксенофонт (430-355 гг.). (Прим. авт.)

⁷⁴ «Воспитание Кира», VIII, 7, 17. (Прим. авт.)

лыбели. Он счастлив и удовлетворен своей жизнью, которую почитает за наивысшее, истинное благо.

В диалоге «О старости» Цицерон поднимает актуальные проблемы своего времени – патриотизма, гражданского долга, нравственного отношения к своему обществу и к людям преклонного возраста в частности, здравого отношения к естественному ходу вещей, индивидуально – эсхатологических воззрений.

Цицерон завершает трактат политическим выпадом против государственной системы и основной массы ее управителей: «О, сколь прекрасен будет день, когда я отправлюсь в божественное собрание, присоединюсь к сонму душ и удалюсь от этой толпы, от этих подонков» (49, 30).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИАЛОГЕ «О ДРУЖБЕ (ЛЕЛИЙ)». АФОРИЗМ КАК ФОРМА ЛАКОНИЧНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЗЛОБОДНЕВНОЙ ПРОБЛЕМЫ

*«В политической направленности, в подчеркивании значения
гражданского долга, помимо больших литературных достоинств,
и заключается значение диалога Цицерона
«О дружбе (Лелий)» (10, 191).*

В диалоге «О дружбе» принимают участие: Гай Лелий (см. выше), Квинт Авгур – консул 117 г., Гай Фанний Страбон – консул 122 г., участник Третьей Пунической войны.

Проблема дружбы между достойными, именитыми людьми, в том контексте, в каком она решается в произведении, бы-

ла особенно актуальна в период его создания.⁷⁵ Условная дата диалога – 129 г. Разговор начинает Фанний Страбон. Он обращается к Лелию с рядом вопросов касательно предназначения дружбы.

Цицерон (устами Лелия) считает, что в дружбе решающее значение имеет нравственное начало, «дружба возможна только между честными людьми» (50, 35). Социально – политический аспект в диалоге проявляется уже тогда, когда Лелий разъясняет, что такое в его понимании честный человек. Он должен быть верный, неподкупный, беспристрастный, щедрый, целомудренный, стойкий. Люди должны следовать «природе, наилучшей наставнице в честной жизни» (50, 36). В этом заключаются нравственные требования к римскому гражданину, предъявляемые ему передовыми, образованными людьми эпохи Цицерона.

Ценность дружбы Лелий видит в доверии. «Что может быть слаще, чем иметь человека», – восклицает автор, – «с которым ты решаешься говорить, как с самим собой?» Нет пользы в радости, если нет рядом друга и нет утешения в горе, если некому его разделить. (См. 50, 36).

⁷⁵ Проблема верности дружбе с одной стороны и политических приоритетов – с другой становится особенно актуальной после убийства Гая Юлия Цезаря в 44 г. до н.э. Смерть Цезаря не уничтожила идеалов диктатуры, и сподвижники ее сконцентрировались вокруг Марка Антония. Цицерон в письме к Гаю Матию, их общему с Цезарем другу, порицает адресата за то, что тот остается сторонником убитого императора. «Если Цезарь был царем, (...) то о твоём долге можно рассуждать в двояком смысле: либо в том, (...) что твоя верность и доброта достойны похвалы, раз ты чтить друга после его смерти; либо в том, (...) что свободу отечества надо ставить выше, чем жизнь друга». На это письмо Матий отвечает, что он «не за Цезарем последовал во время гражданских раздоров, но – хотя его и оскорбляли его притязания – все-таки не покинул друга» (10, 191). (Прим. авт.)

Истинная дружба никогда не бывает несвоевременной и тягостной, но и частой такую дружбу назвать нельзя. Дружба – несметное сокровище, дает силы жить, вселяет надежду на будущее, укрепляет дух в невзгодах.

Афоризм: когда есть искренняя, настоящая дружба, «отсутствующие присутствуют, бедняки становятся богачами, слабые обретают силы, а умершие – говорить об этом труднее – продолжают жить» (50, 37).

Лелий задается вопросом – не в природной ли слабости человека скрывается секрет происхождения дружбы, не в нужде ли во взаимопомощи? Однако он больше склоняется к тому, что причина возникновения искренней дружбы – скорее «более древняя», «более прекрасная». (50, 38) Лелий находит аналогию между словами «любовь» и «дружба», напоминая, что слово «дружба» произошло от слова «любовь».⁷⁶

Социально – политический аспект диалога – в рассуждении Лелия о такой моральной категории, как доблесть. Дobleсть – наивысшее положительное качество человека, которое ценят и его современники, и потомки. Цицерон приводит ряд имен политических деятелей, о которых помнят с благодарностью – Гая Фабриция,⁷⁷ Мания Курия.⁷⁸ Он говорит о Ганнибале, память о котором переживет века. Цицерон также приводит имена Тарквиния Гордого,⁷⁹ Спурию Кассия,⁸⁰ которых помнят с ненавистью.

⁷⁶ Амог (лат.) – любовь, *amicitia* (лат.) – дружба. (Прим. авт.)

⁷⁷ Консул 282 и 278 гг. (Прим. авт.)

⁷⁸ Консул 290, 275, и 274 гг. (Прим. авт.)

⁷⁹ Последний царь Рима (по традиции). (Прим. авт.)

⁸⁰ Консул 502, 493, 486 гг. Был казнен за стремление стать единовластным правителем. (Прим. авт.)

«Если честность столь сильна, что мы почитаем ее даже и в тех, кого мы никогда не видели, и, более того, даже и во враге, то следует ли удивляться тому, что люди бывают тронуты, когда они в тех, с кем могут повседневно общаться, видят доблесть и доброту?» (50, 39).

Лелий рассуждает о том, насколько нелегко пронести искреннюю дружбу через всю свою долгую жизнь. Враги дружбы в молодости – соперничество, несовпадение политических взглядов и часто – женитьба. С годами же человек меняется, причина тому и особенности жизненных обстоятельств, и ухудшение характера в преклонном возрасте – все это также не способствует дружественным отношениям. Еще более опасны для дружбы пороки человеческие, такие, как жадность, безудержный карьеризм и т.д. В итоге дружба может превратиться в самую беспощадную вражду.

В размышлениях Цицерона о долговечности дружбы снова усматривается социально – политический аспект. Лелий приводит в пример, так или иначе совершивших политические ошибки, государственных деятелей – Кориолана,⁸¹ Вецеллину,⁸² Мелию,⁸³ Тиберия Гракха⁸⁴ и др. и задается вопросом о том, «как далеко должна в дружбе заходить привязанность» (50, 40). Цицерон убежден, что подобные политики не должны

⁸¹ Кориолана – из-за политических разногласий бежал из Рима, собрал армию и обратил ее против отечества. (Прим. авт.)

⁸² Вецеллина – стремился к единовластию. (Прим. авт.)

⁸³ Мелия – угрожал Риму тиранией. (Прим. авт.)

⁸⁴ См. сноску 40. Тиберий Гракх (162-133 гг. до н. э.) – римский народный трибун. Гай Гракх (153-121 гг. до н. э.) – римский народный трибун. Пытались провести следующие демократические реформы: земельную – с целью приостановления разорения крестьянства; о предоставлении гражданства и соответствующих прав союзникам Римской Империи. Были убиты сенатской знатью. (Прим. авт.)

иметь дружеской поддержки в их бесчестных авантюрах. Это и есть та грань в дружбе, когда долг перед своим государством становится важнее всего. Это непреложный закон.

Доблесть, мудрость и честность – вот качества, которые способны обусловить искреннюю и долгую дружбу. «В дружбе должен быть незыблем закон, – говорит Лелий, – не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам» (50, 41).

Лелий предлагает и другой, не менее важный закон дружбы – «будем просить друзей о нравственно – прекрасном, будем совершать для друзей нравственно – прекрасные поступки...» (50, 42) Не является нравственно – прекрасным поступком друзей Тиберия Гракха (который сделал неудачную попытку установить собственную диктатуру и поэтому был убит) – их месть Публию Сципиону⁸⁵ (о чем Лелий «не в силах говорить без слез») (50, 42).

Цицерон убежден, что в дружбе нужно оставить за собой право чувствовать себя свободным настолько, чтобы, в случае преступных действий друзей, без зазрения совести отказаться от них.

На первом плане в дружбе – моральный аспект, который исключает какую-либо корысть и неискренность. Потому что предумышленное использование дружеских отношений себе на пользу разрушают «приятнейшие узы дружбы» (50, 44).

Когда Лелий рассуждает об определении границ в дружбе, он приводит ряд афоризмов, но оговаривается, что ни с одним из них не согласен:

⁸⁵ Публий Корнелий Сципион Насика, консул (138 г. до н. э.). Возглавил сопротивление против Тиберия Гракха, организовал его убийство, после чего бежал из Рима. (Прим. авт.)

«Мы должны относиться к другу также как к самому себе»; (50, 45)

«Наша доброжелательность к друзьям должна быть равна их доброжелательности к нам и ей соответствовать»; (50, 45)

«Сколь высоко человек ставит себя сам, столь же высоко его ставят друзья» (50, 45).

Относительно первого мнения Лелий говорит, что есть немало вещей, которые мы бы совершили ради друга, но никогда ради себя. Смысл второго афоризма идет вразрез с пониманием истинной, бескорыстной дружбы, когда не заморачиваешься мелочным подсчетом «полученного и данного». Третье мнение Лелий считает наихудшим. Ведь часто бывает, что человек, в силу каких-либо жизненных обстоятельств, теряет веру в себя и самооценка его падает очень низко. В этом случае долг друга, как очень точно выражается Лелий, «не смотреть на него так, как тот смотрит на себя сам» (50, 46), а наоборот, помочь ему вновь обрести душевное равновесие.

Отвергая эти три точки зрения на дружбу, Лелий советует придерживаться следующего правила: по – возможности, выбирать друзей высоконравственных, с которыми имелись бы общие интересы и помыслы. «Надо выбирать людей верных, надежных и стойких; таких людей очень мало» (50, 47). Еще меньше их среди тех, кто обуреваем тщеславными целями. «Где найдешь ты человека, кто предпочел бы почет, выпадающий на долю друга, своему собственному?» (50, 47). Цицерон приводит здесь стих Энния:

Друг верный лишь в неверном деле виден...⁸⁶

Афоризмы:

⁸⁶ Энний, «Гекуба». (Прим. авт.)

«В дружеских отношениях неумеренная благожелательность не должна препятствовать другу достигнуть больших успехов» (50, 50).

«Пороки друзей часто наносят ущерб то самим их друзьям, то сторонним людям, но дурная слава об этих поступках все же падает на их друзей» (50, 50).

Плохие «дружеские отношения надо постепенно прекращать...» (50, 50)

«Прежде всего надо прилагать старания к тому, чтобы между друзьями не возникало ссор; но если что-либо подобное и произойдет, то к тому, чтобы дружеские отношения казались скорее угасшими, а не растоптанными» (50, 50).

«Достойны дружбы люди, которым присуще то, за что их можно любить» (50, 51).

«Большинство людей не видит в делах человеческих ничего хорошего, кроме того, что им выгодно, а друзей, как и домашних животных, они особенно любят тех, из которых надеются извлекать наибольшую пользу» (50, 51).

Расчетливые люди «лишены прекраснейшей и наиболее естественной дружбы, которой люди ищут ради нее самой и по причине ее самой, и не постигают на своем собственном опыте, в чем сущность и ценность этой дружбы» (50, 51).

«Отличить льстивого друга от истинного и раскусить его возможно, приложив к этому внимание, так же, как отличить все напускное и притворное от искреннего и правдивого» (50, 54).

«Нужно себе составить мнение о человеке, прежде чем его полюбить, а не полюбить его до того, как составишь себе мнение о нем» (50, 52).

«Истинный друг – как бы «второе я» (50, 51).

Подытожим идейно – художественный анализ диалога Цицерона «О дружбе (Лелий)» словами Архита Тарентского:⁸⁷ «Если бы кто-нибудь поднялся на небеса и обозрел устройство вселенной и великолепие светил, то это изумительное зрелище его бы не очаровало; оно было бы гораздо приятнее ему, если бы нашелся человек, которому он мог бы рассказать об этом» (50, 53).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТРАКТАТЕ «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ». АФОРИЗМ КАК ФОРМА ЛАКОНИЧНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЗЛОБОДНЕВНОЙ ПРОБЛЕМЫ

КНИГА I

Работа Цицерона над трактатом «Об обязанностях», предположительно, была завершена в конце 44 г. до н. э., в год убийства Гая Юлия Цезаря.

В написанном в форме наставления сыну⁸⁸ Марку трактате «Об обязанностях» изображается образ идеального гражданина, молодого римлянина, придерживающегося на государственной службе высших моральных ценностей. В основе норм поведения римского гражданина, которые Цицерон систематизировал в своем произведении, лежит учение стоиков.⁸⁹

⁸⁷ Лелий Архит Тарентский – государственный деятель (ок. 400 г. до н.э.), полководец, математик. (Прим. авт.)

⁸⁸ Сын Цицерона Марк в период написания трактата обучался в Афинах философским наукам и риторике. (Прим. авт.)

⁸⁹ Стоицизм (гр. – портик). Основатель – философ Зенон. Мир – живой организм, пронизанный творческим первоогнем, пневмой. Окружающий мир ма-

Трактат состоит из трех частей. В первой части философ исследует вопрос о категории нравственно – прекрасного в миропонимании индивида, во второй анализирует категорию полезного, в третьей рассуждает о степени корреляции двух этих категорий и о том, в каких случаях нравственно – прекрасное должно превалировать над полезным, а в каких эти категории являются несовместимыми.

Цицерон определяет четыре основы нравственно – прекрасного – «способность и искусство видеть истину», «защита человеческого общества» (то есть «воздаяние каждому по его заслугам и верность взятым на себя обязательствам»), «величие и сила возвышенного и непобедимого духа», «порядок и мера, относящиеся ко всему тому, что совершается и говорится» (48, 62). «На этом зиждутся умеренность и воздержанность» (48, 62). Каждая из этих основ нравственно – прекрасного, по мнению автора трактата, предполагает исполнение ряда соответствующих обязанностей.

Большинство людей в их личной и общественной жизни связывает желание справедливости и совершения добрых поступков. Истинная справедливость состоит в том, чтобы, к примеру, не путать общественную собственность с частной и наоборот. Ведь, рассуждает Цицерон, все когда-то было общим, но многое стало частным – либо в результате оккупации,

териален. События в плену у постоянного повторения после каждого очищения пламенем Вселенной. Стоикам был присущ известный эгалитаризм в отношении к разным народам, социальным классам (включая рабов), полам (все – граждане «мирового государства»). Стоики проповедовали смирение перед своей судьбой, но это не означало абсолютный фатализм, а скорее необходимость почтения и любви к своему личному року. В психологических и поведенческих стереотипах утверждалась атараксия – как единственно возможный способ мудрецу принять окружающий мир стойко, смиренно, душевно спокойно и безмятежно. (Прим. авт.)

либо на каком-либо другом законном основании. Ввиду этого «пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества» (48, 63)

Цицерон опирается на тезис из учения стоиков, что земные плоды произрастают для всех людей в одинаковой мере, и люди существуют ради взаимопомощи друг другу. Это дает автору трактата основание для собственного тезиса – обмен между людьми своими знаниями, трудом, услугами способен объединить человеческое общество. (См. 48, 63).

Готовящийся к государственной службе молодой римский гражданин, по глубокому убеждению Цицерона, должен, прежде всего, обладать такими нравственными качествами, как честность, верность данному слову и своим обязательствам.

Однако Цицерон допускает случаи, когда исполнение данного слова или обязанности может привести к нанесению тяжкого вреда либо тому, кому дано было обещание, либо самому себе. Тогда вступает в силу, освобождающее человека от исполнения обязательств, преторское право.⁹⁰

Афоризм: «Высший закон – высшее противозаконие» (48, 66). Цицерон говорит о «не в меру тонких», «злостных» толкованиях (48, 66) права себе на пользу. Автор трактата приводит пример необычайной изворотливости ума и находчивости иных представителей военно – командной системы, когда при заключении перемирия с врагом сроком на тридцать *дней по ночам* разорялись его земли и опустошались посевы.

⁹⁰ Кроме гражданского права существовало преторское право. (Прим. авт.)

Цицерон считает, что некоторые обязанности должны исполняться также по отношению к навредившим нам людям, в тех случаях, когда имеет место их искреннее раскаяние.

Огромная нравственная ответственность лежит на тех, кто уже занимает высокий государственный пост – они обязаны соблюдать «право войны». Здесь же афоризм:

«Существует два способа разрешать споры, один – путем обсуждения, другой – силой, причем первый свойствен человеку, второй диким зверям» (48, 66 – 67). Именно поэтому первый способ всегда предпочтительнее второго, и ко второму надо прибегать в самом крайнем случае. Войны, по Цицерону, если уж жить в мире уже невозможно, надо вести, «не совершая противозаконий» (48, 67), а после победы отнестись к побежденным как можно более гуманно.

Афоризмы: «Справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований» (48, 67);

«В древности гостем называли того, кого мы теперь называем чужеземцем» (48, 67).

Пленник мировоззрения своего времени, Цицерон вполне приемлет рабство, но призывает относиться к рабам «по справедливости», как «к наймитам: требовать от них труда, предоставлять им все положенное» (48, 69).

Справедливость в делах благотворительности, по Цицерону, должна совпадать с известной мерой и осмотрительностью. Так, доброта и щедрость не должны навредить и тем, кому они предназначены, и тем, кто добр и щедр, то есть «не превысить возможностей» последних (48, 69). Еще более мудрым кажется наставление: каждому должно быть дано соответственно его заслугам. Более того, «щедрым может быть только законное действие» (48,69).

Цицерон говорит об обязанности «делать больше всего для тех, кто более всего нас почитает». По его глубокому убеждению, чем больше мы будем оказывать услуги и помощь наиболее близким, «тесно связанным с нами» людям, тем крепче будут связи между людьми в обществе. (См. 48, 70). Нравственно – прекрасным в обществе Цицерон считает, основанную на схожести нравов, прочную, тесную дружбу между честными «мужами», что приносит обществу не только нравственную пользу, но и скрепляет его крепкими, даже нерушимыми узами.

Цицерон определяет, перед кем гражданин обязан исполнять свой долг: сначала перед отечеством, затем перед родителями, после перед детьми, домочадцами и добрыми родственниками.

Человеку тонкого, глубокого ума и «высокого духа» всегда присущ гуманизм. Рожденный в жестокое время рукопашных сражений, Цицерон называет их «дикостью, подобно звериной» (48, 78). Однако необходимость сражений он не отрицает, если приходится защищать свою честь или биться с врагом во имя свободы. Критически относится автор трактата к другой злободневной проблеме – варварским разграблениям и уничтожениям захваченных вражеских городов. «Надо строго следить за тем, чтобы не было допущено ни опрометчивости, ни жестокости» (48, 79). Нравственный долг человека – оставаться справедливым, милосердным и нравственно красивым.

Афоризм: «Никогда нельзя допускать, чтобы мы в бегстве своем от опасности оказались слабы и трусливы» (48, 79).

Специальные наставления дает Цицерон тем молодым римским гражданам, кому суждено было стать первыми лицами государства. В этом случае они должны соблюдать два

нравственных закона: не преследовать собственной выгоды и оберегать только интересы граждан; распространять свою заботу на все отрасли государства, не ослабляя внимания ни на какой его части. (См. 48, 80).

Афоризмы: «Управление государством, подобно опеке, должно быть посвящено пользе тех, кто поручен нам, а не пользе тех, кому поручено оно» (48, 80);

«Те, кто об одних гражданах заботится, а других оставляет без внимания, вносят в гражданскую общину весьма пагубное начало – мятежи и раздоры (48, 80).

Нравственно красивым Цицерон считает человека, когда у него отсутствуют такие качества, как «гордость, надменность и заносчивость» (48, 81).

Афоризм: «Пренебрегать мнение, какое о себе составил каждый человек, есть проявление не только заносчивости, но и полного нравственного падения» (48, 83).

Говоря о нравственной красоте, Цицерон находит тождество между этой этической категорией и понятием *decorum* (лат.), что значит «подобающее». «Все то, что подобает прекрасно в нравственном отношении, а то, что в нравственном отношении прекрасно, подобает» (48, 82). И все же это тождество весьма относительно. «Подобающее» как проявление достойного поведения индивида имеет место лишь на основе нравственной красоты. «Все справедливое подобает; напротив, все несправедливое не подобает и позорно. Сходно с этим положение насчет храбрости: все то, что совершают мужественно и с присутствием духа, достойно мужа и подобает; противоположное этому позорно и не подобает» (48, 82).

Афоризмы:

«Проявлять неумеренность как в дни несчастий, так и в дни счастья – признак ничтожности» (48, 81).

«Каждый наш поступок должен быть свободен от опрометчивости и небрежности, и мы не должны совершать ничего такого, чего мы не смогли бы оправдать» (48, 84).

«Одобрять надо не только движения тела, соответствующие природе, но и в гораздо большей степени также и движения души, которые тоже приведены в соответствие с природой» (48, 84).

«Стремления, которые заходят чересчур далеко, (...) недостаточно сдерживаются разумом, несомненно, переходят границу и меру» (48, 84).

«Природа породила нас с тем, чтобы мы казались созданными не для развлечений и шуток, но для суровости, для более важных и более значительных стремлений» (48, 84).

«Самые шутки не должны быть неумеренными и нескромными, но тонкими и остроумными» (48, 84).

«Пусть каждый знает свои возможности и будет пронизательным судьей своим хорошим и дурным качествам» (48, 87).

«Следует подражать предкам, но никак не их порокам» (48, 89).

Цицерон наставляет амбициозную римскую молодежь вести себя «подобающе» во всех отношениях – уважать старших и опираться в своих стремлениях на самых мудрых и уважаемых из них. Афоризм:

«Неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков» (48, 89).

В своем труде Цицерон определяет моральные правила для представителей всех слоев общества – «магистратов,⁹¹ частных лиц, граждан и чужеземцев» (48, 90). Долг магистрата – использовать свое руководящее положение на благо вверенного ему общества, быть верным закону, достойно и честно руководить городской общиной. В обязанности частного лица вменяются нравственное поведение, соблюдение общих для всех законов, осознание разницы между приниженностью и высокомерной заносчивостью – одним словом, обычный квирит должен быть уравновешенным, честным, порядочным.

Что касается определения в римском обществе места чужеземца, то здесь автор трактата снова остается в плену мировоззрения своего времени. «Их обязанность – заниматься только своими делами, не вмешиваться в чужие и менее всего интересоваться положением в чужом государстве»⁹² (48, 90).

В планировании каждого мероприятия Цицерон советует юным римским гражданам позволить разуму превалировать над честолюбивыми стремлениями, всегда определять степень важности поставленной цели, а также не забывать о благородстве и достоинстве.

Достойное поведение – вот тот моральный принцип, которому должны следовать римские юноши в самых разных жизненных ситуациях. «В действиях надо соблюдать такой порядок, чтобы и в стройной речи, и в жизни все соответствовало и подходило одно к другому» (48, 95). Уместность, своевре-

⁹¹ Magistratus (лат.) – начальник. (Прим. авт.)

⁹² Для справки: расцвету афинской демократии (V в. до н. э.) во многом способствовал Перикл (афинский стратег) (490 – 429 гг.). Он отменил имущественный ценз, ввел оплату должностным лицам, заменил голосование жребьевкой. (Прим. авт.)

менность слов и действий Цицерон считает чуть ли не одной из самых важных добродетелей. «...Ведь позорно и совсем неправильно вставлять в речь о важном деле слова, уместные на пирюшках и двусмысленные» (48, 95).

Нравственная красота должна присутствовать и в способах заработка людей, и в выборе ремесел. Так, Цицерон нарекает презренными людьми тех, кто «покупает товары у торговцев, чтобы их тотчас же перепродать». Он пишет, что нет ничего «более постыдного», чем «обманывать покупателя» (48, 96). Не достойными, и даже позорными автор трактата считает доходы ростовщиков и сборщиков пошлин. Их деятельность настолько аморальна, что вызывает «ненависть людей» (48, 96). И здесь Цицерон опять остается в тесных рамках мировоззрения своего времени – этот род занятий автор называет недостойным «свободного человека», а ремесло паденщиков, получающих плату «за труд, а не искусство», порицает за добровольное «рабское состояние» (48, 96).

В завершении I книги трактата «Об обязанностях», подытоживая свои рассуждения, Цицерон пишет, что «обязанности возникают из положений, относящихся к нравственной красоте» (48, 97). Соблюдение членами общества общепринятых моральных норм ведет к воспитанию уважения к закону, к обеспечению римского народа в целом и каждого квирита в частности наилучшим существованием, в конечном счете – к вечной гегемонии Римской империи во всем цивилизованном мире.

Определенные Цицероном принципы поведения для молодых, готовящихся к служению отечеству в высших эшелонах власти, римских граждан часто ограничены мировоззрением общества, к которому принадлежал публицист, что, безуслов-

но, является естественным, но ощутимо ослабляющим моральный аспект произведения, фактором.

ТРАКТАТ «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ» КНИГА II

Во второй книге трактата «Об обязанностях» Цицерон исследует вопрос о сущности «пользы» и о степени ее причастности к нравственной красоте. Цицерон уверен, что «все то, что справедливо, также и полезно; то, что в нравственном отношении прекрасно, то и полезно...» (48, 102).

Автор трактата пытается найти ответ на актуальный во все времена вопрос – каким образом на пользу одних людей привлекаются другие? Для Цицерона здесь очевиден моральный аспект: доброжелательность и уважение к тому, кто этого заслуживает – вот два основания для того, чтобы быть полезным нуждающемуся в вашей помощи.

Цицерон называет «самым позорным и самым гнусным образом действий», «когда цари или народные вожаки сулят какие-то раздачи» (48, 105). Причем это одинаково зазорно как для тех, кто подкупает, так и для тех, кого подкупают. Как афоризм звучит высказывание Цицерона:

«...Дурно ведь обстоит дело, когда то, что доблестью достигаться должно, пытаются получить за деньги» (48, 105).

Цицерон предлагает свое, казалось бы, простое решение проблемы сохранения авторитета народного лидера: «Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств – быть любимым, самое несообразное – внушать к себе страх» (48, 105). Это идет вразрез с бытующим мнением, вы-

раженным афоризмом иного смысла: «Не нужно любви, лишь бы боялись...». У Цицерона есть на этот случай свой афоризм: «Против ненависти людей не устоять ничьему могуществу» (48, 105).

Умение политика «быть любимым народом», по Цицерону, означает достигнуть небывалых высот без особых трудностей и затрат. Такова должна быть позиция прирожденных, истинных лидеров.

Афоризмы: «Кто захочет, чтобы их боялись, сами неминуемо будут бояться именно тех, кто будет бояться их» (48, 106);

«Доброжелательность сильна, а страх слаб» (48, 107).

Подразумеваемая в этих высказываниях своего политического противника Цезаря, Цицерон имеет его в виду и тогда, когда сравнивает с Суллой. Дело Суллы автор трактата называет «нравственно – прекрасным», а его победу – «дурной в нравственном отношении» (48, 106). «После него (Суллы) нашелся человек,⁹³ который в нечестивом деле, в силу еще более отвратительной победы, не забирал в казну имущество отдельных граждан,⁹⁴ а захватывал целые провинции и области...» (48, 106)

Цицерон задается вопросом – каковы способы завоевания вождя добродетельности народа его лидером – наряду с заслугами уважения, почета и доверия? По мнению автора трактата – это слава, когда народ считает своего предводителя достойным государственных должностей (магистратур).⁹⁵ Не

⁹³ Юлий Цезарь. (Прим. авт.)

⁹⁴ Имеется в виду Сулла. (Прим. авт.)

⁹⁵ Магистратура – в Древнем Риме государственная должность. Делилась на высшую и низшую. К высшей магистратуре принадлежали диктатор, дедемвиры (последние – коллегия из 10 человек, избиравшаяся для выполнения государственных заданий), консулы, преторы, цензоры (последние осуществляли контроль над государственными финансами, следили за нра-

менее важным в достижении популярности Цицерон считает умение лидера «приблизиться» к народу, завоевать его расположение, «влиться в сердца всех людей», «толпы» (48, 108).
Афоризмы:

«Человек, обладающий одной доблестью, обладает ими всеми» (48, 108).

О психологии толпы: «Люди восхищаются всем тем, как они заметили, величественно и превзошло их ожидания...»⁹⁶ (48, 109).

Презирают люди «тех, кто ни себе, ни другому не полезен, кто не трудится, ни о чем не старается, ни о чем не заботится» (48, 109).

Рассуждая о нравственности как о высшей личностной и общественной ценности, Цицерон приводит в пример Геродота, который, описывая традиции мидян, упоминал об их негласном законе во имя справедливости выбирать царей, обладающих высокой моралью.⁹⁷ Такие цари оказывались защитниками народа от притеснений тех, кто, обладая силой, не обладали честью. Тот же обычай выбора справедливого царя, как пишет Цицерон, был когда-то у предков доблестных римлян. Афоризм: «Кто захочет снискать истинную славу справедливого человека, должен исполнять обязанности, налагаемые справедливостью (48, 111). В этом и заключается нравственная красота народного лидера, что является редким явлением в современную Цицерону эпоху. Автор трактата сетует на то, что стя-

вами и т. д.); к низшей магистратуре относились народные трибуны (выборные должностные лица из плебеев, обладали правом вето (запрета) в магистрате и сенате), эдилы, квесторы. (Прим. авт.) См. сноски 3, 4, 5.

⁹⁶ О психологии толпы см. подробно З. Фрейд «Психология масс и анализ человеческого Я». (Прим. авт.)

⁹⁷ Геродот «История», 1, 96. (Прим. авт.)

жательство опутало высшие эшелоны власти Римской Империи, хотя «зло это только недавно проникло в наше государство» (48, 120). Цицерон снова наставляет молодых римских граждан, будущих государственных деятелей: «При каждом исполнении государственной задачи и обязанности самое главное – избежать даже малейшего подозрения в алчности» (48, 120). Афоризм:

«Нет более отвратительного порока, чем алчность, особенно со стороны первых граждан и людей, стоящих у кормила государства» (48, 121).

Публицист говорит об аморальности некоторых государственных деятелей, которые, изображая поборников интересов народа, медленно, но верно подтачивали основы государства.⁹⁸ Самым коварным в этом смысле действием подобных политиков является то, когда «у одних имущество отнимают, а другим его приносят в дар» (48, 121). Ибо реальную пользу государству могут принести только те лидеры, которые оберегают имущество каждого гражданина, «чтобы более бедные люди (...) не страдали от обмана и чтобы состоятельным ненависть не препятствовала ни владеть их имуществом, ни возвращать его себе; кроме того, они (политики) всеми средствами (...) должны возвеличивать государство в его могуществе, протяженности, доходах. (...) Те, кто исполняет эти виды обязанностей с вящей пользой для государства, заслужат большую благодарность и славу» (48, 123).

⁹⁸ Речь идет о программе популяров во главе с Цезарем. Сущность этой программы заключалась в том, чтобы решить проблему долгов путем их аннулирования, земельную проблему путем очистки земель от их законных владельцев. Цицерон проводит мысль о гибели государства из-за подобных «сторонников» народа. (Прим. авт.)

II книга трактата «Об обязанностях» завершается недвусмысленной аллюзией Цицерона на недавнее для него убийство Юлия Цезаря, которое автор оправдывает. Он пишет, что убийство тирана⁹⁹ никак не противоречит нравственно – прекрасному, более того, оно полезно.

ТРАКТАТ «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ» КНИГА III

Третью книгу трактата «Об обязанностях» Цицерон начинает с еще одного афоризма. Он приводит в пример излюбленную поговорку Публия Сципиона Африканского:¹⁰⁰ «Он (Сципион) никогда не пользуется досугом в меньшей степени, чем тогда, когда он им пользуется, и никогда не бывает менее один, чем когда он один» (48, 124). Цицерон ставит в пример своему сыну Марку (а в его лице и всему амбициозному молодому поколению римских граждан), по его глубокому убеждению, идеального гражданина Публия Сципиона. Самодостаточность такой личности, выражающейся в незнании покоя даже во время

⁹⁹ Цицерон снова имеет в виду Юлия Цезаря, который, по его мнению, задушил свободу римских граждан, попрал законы государства, вверг его в несправедливую кровопролитную войну, разорил целые общины. Цицерон снова не скрывает своего одобрения убийства Цезаря. (Прим. авт.)

¹⁰⁰ Сципионы – принадлежали к одной из ветвей древнейшего римского рода Корнелиев, представители которого были выдающимися полководцами и государственными деятелями. Речь здесь идет о полководце Сципионе Африканском Старшем (235 –183), разгромившем во Вторую Пуническую войну войска Ганнибала при Заме. (202 г. до н. э.) Был еще полководец Сципион Африканский Младший (мы о нем упоминали выше) (185 – 129), завершивший Третью Пуническую войну завоеванием и разрушением Карфагена (146 г. до н. э.). (Прим. авт.)

покою – для Цицерона есть признак великой судьбы героя. «Поистине превосходное высказывание, достойное великого и мудрого мужа!» – восклицает Цицерон. – «Оно показывает, что Сципион имел обыкновение даже на досуге размышлять о делах, а будучи один – сам с собою говорить, так что никогда не бывал праздным и порою не нуждался в беседе с другими людьми» (48, 124).

Рассуждая о нравственно – прекрасном характере суждений, целей и поведения идеального римского гражданина, Цицерон пытается определить степень корреляции категорий нравственно – прекрасного и полезного. Он приводит тезис стоиков, которые «признали, что все нравственно – прекрасное полезно и что не бывает ничего полезного, что не было бы нравственно – прекрасным» (48, 127).

Цицерон не опрошает проблему отождествлением нравственно – прекрасного и полезного, он говорит о необходимости торжества первого над вторым. Конечно, определенная амбивалентность в осмыслении данного вопроса имеет место. Перипатетики,¹⁰¹ к примеру, говоря о нравственно – прекрасном как о высшем благе решительно отделяли его от пользы, Сократ выступал против подобного разграничения, провозглашая «связь между этими вещами». (См. 48, 127). Цицерон: «То, что поистине прекрасно в нравственном отношении, божеский закон не велит сравнивать с противоположным полезному, а то, что мы обыкновенно называем нравственно – прекрасным, то, что соблюдают люди, желающие считаться честными мужами, никогда нельзя сравнивать с выгодами...» (48, 128)

¹⁰¹ Перипатетики – имели свою, основанную еще Аристотелем, философскую школу в Афинах. Слушали научные лекции, прогуливаясь (гр. *Peripateo* – прохаживаюсь). (Прим. авт.)

Цицерон признает, что корреляция нравственной красоты и пользы, в большинстве случаев, несомненна, и утверждая обратное «люди извращают то, что составляет основы природы» (48, 151). Однако Цицерон описывает ситуации, когда две эти категории все же могут оказаться несовместимыми. Автор трактата задается вопросом, у всех ли честных людей возьмет верх нравственно – прекрасная сущность, к примеру, при продаже зерна в голод (когда пока только продавцу известно, что скоро придут другие торговцы зерном), или при продаже дома с недостатками? Не предпочтет ли продавец выгоду и пользу в такой критический момент, или напротив, выберет быть честным гражданином? Несмотря на сложность поставленного вопроса, у Цицерона требования к честному гражданину строги:

«Честный человек ни ради того, чтобы на лучших условиях купить, ни для того, чтобы продать, он ни в чем не притворится и ничего не скроет» (48, 139);

«Если надо порицать людей, о чем-то умолчавших, то что должны мы подумать о солгавших?» (48, 138)

Далее еще афоризм:

«Тот, кто нарушает клятву, оскорбляет божество Верность» (48, 152). Таков должен быть девиз каждого честного римского гражданина, и тем более имеющего политические амбиции. Однако Цицерон снова говорит о ситуациях, когда честный гражданин по моральным соображениям вполне может быть избавлен от данного им обещания¹⁰² – в том, например, случае, когда обещание способно навредить тому, кому оно было дано. Цицерон приводит в пример известный миф о боге Гелиосе и сыне его Фаэтоне, когда последнего погубило

¹⁰² Повтор – прием информационной тавтологии. См. выше, Марк Цицерон, «Об обязанностях», кн. I. и сравни.

опрометчивое обещание его отца исполнить любое его желание (48, 149). Гражданин может быть освобожден от данного им обещания также тогда, когда оно способно навредить ему самому, а в просьбе об отмене этого обещания отказано. «Так как тот, кто не дает своего согласия, бесчеловечен и так как он не понес бы никакого убытка...» (48, 148). В остальных же случаях, когда речь идет о законах войны, клятвах противнику и т. д., нужно поступать по чести и совести, как благородные мужи, достойные сыны отечества.

Созданный Цицероном в трактате образ идеального римского гражданина противопоставляется автором Гаю Юлию Цезарю. Уже открыто указывая на действия диктатора, Цицерон пишет: «Отнять что-нибудь у ближнего и, будучи человеком, увеличить свое достояние, нанеся ущерб другому человеку, более противно природе, чем смерть, бедность, боль, другие беды, которые могут поразить либо наше тело, либо наши внешние блага»¹⁰³ (48, 129). Цицерон пишет об общечеловеческом праве людей работать для себя и приумножать богатства также для себя и своего рода. Это есть «право народов, законы народов, из каковых в отдельных гражданских общинах держится государственный строй...» (48, 129). Цицерон обвиняет Цезаря в том, что тот пренебрег «всем справедливым и нравственно – прекрасным, только бы достичь могущества» (48, 145). Автор трактата вспоминает, как этот государственный деятель оказался расчетлив настолько, что ради собственной выгоды и политических амбиций выдал свою дочь за самого мо-

¹⁰³ Снова повтор, об этом автор уже говорил – информационная тавтология. См. выше Цицерон «Об обязанностях», кн. II и сравни. Также см. сноску 98, 99. (Прим авт.)

гущественного человека – Помпея.¹⁰⁴ Цицерон говорит об аморальных людях, которые поступают «как поступил тот, кто даже тестем своим пожелал иметь человека, благодаря дерзкой отваге которого он мог бы стать могущественным» (48, 145).

Публицист называет Цезаря человеком, безудержно возжелавшим стать царем Великой Римской Империи¹⁰⁵(...) «и достигший этого» (48, 145). Безумен тот, кто считает подобные стремления нравственно – прекрасными. «Ведь он одобрит уничтожение законов и свободы и признает их мерзкое и отвратительное упразднение достославным» (48, 145). Далее Цицерон снова оправдывает убийство Цезаря его политическими противниками, повторяется в том, что признает этот факт полезным с точки зрения нравственно – прекрасного.¹⁰⁶ «Может ли – бессмертные боги! – кому-нибудь быть полезным отвратительнейшее и омерзительнейшее отцеубийство отечества?»¹⁰⁷ (48, 145) Логически нет, но если это не полезно для государства. И автор трактата здесь «выводит формулу» нравственно – прекрасного и полезного. «Итак, польза должна направляться нравственной красотой и притом так, чтобы обе они отличались одна от другой по названию, но по существу своему означали нечто единое» (48, 145).

Цицерон в своем трактате «Об обязанностях» поднимает злободневные проблемы современной ему действительности. Через призму миропонимания автора мы познаем специфические особенности жизни древнеримского общества – социально – политические и философские проблемы, законы, нравственные

¹⁰⁴ Упоминалось выше. (Прим авт.)

¹⁰⁵ В понимании Цицерона царь (rex) – синоним слова «тиран». (Прим. авт.)

¹⁰⁶ Информационная тавтология. (Прим. авт.)

¹⁰⁷ Цезаря называли отцом отечества (после победы над Помпеем). (Прим. авт.)

установки. Автор достоверно изображает личности государственных деятелей, создававших историю Римской Империи.

Диалоги «О старости», «О дружбе», трактат «Об обязанностях» – это яркие примеры публицистического творчества Марка Цицерона, в которых отразились актуальные социально – политические, социально – мировоззренческие, этические проблемы современного автору времени.

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СОЧИНЕНИИ ГАЯ САЛЛЮСТИЯ КРИСПА
«ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ»¹⁰⁸
(86-35 г. до н. э.)**

Гай Саллюстий Крисп – древнеримский историк, писатель, государственный деятель. Был проконсулом римской провинции Новая Африка. Крисп являлся ярким сторонником Юлия Цезаря, членом партии популяров. Его политическая карьера завершается после убийства Цезаря, он отходит от дел и всецело посвящает себя литературной деятельности. «Перу» Криспа принадлежат исторические сочинения – «Заговор Катилины», «Война с Югуртой», «История». Последнее произведение дошло до нас в отрывках.

«Если человек желает отличиться меж остальными созданиями, ему должно приложить все усилия к тому, чтобы не провести жизнь неприметно, словно скот, который по природе своей клонит голову к земле и заботится лишь о брюхе» (20, 226). Этот афоризм из произведения Саллюстия Криспа «Заго-

¹⁰⁸ См. выше, сноска 45.

вор Катилины» заставляет задуматься об истинном смысле жизни и о роли в ней труда Человека с большой буквой.

Крисп болезненно реагирует на злободневные социально – политические проблемы, обусловившие крушение республики. «Если бы в мирное время», – пишет он в «Заговоре Катилины», – «цари и властители выказывали те же достоинства духа, что во время войны, наша жизнь была бы стройнее и устойчивее, не видели бы наши глаза, как все разлетается в разные стороны или смешивается в беспорядке» (20, 226).

Крисп открыто говорит о коррупции в государственных структурах. Основные препятствия, которые возникли у него самого на карьерном поприще – это «наглость, подкуп, алчность» (20, 227). Это ли не «упадок нравов»¹⁰⁹ в Римском государстве, словно недуг, охвативший каждую его часть.

Катилину Саллюстий Крисп описывает в духе неприятия и презрения. «Нравом он был скверным и развращенным» (20, 228). С детства обожал драки, конфликты, грабежи, был коварен и не очень мудр, зато вынослив, силен и красноречив. Проблема Катилины была в том, что «его охватило неистовое желание стать хозяином государства» (20, 228).

В своем труде Крисп обращается к истории. Он сравнивает современные ему нравы с моральными устоями минувших лет, и это сравнение оказывается не в пользу его настоящего. «Так и в мирную, и в военную пору процветали хорошие нравы. Единодушие было постоянным, своекорыстие – до крайности редким. Право и благо чтили, повинуюсь скорее природе, неже-

¹⁰⁹ Саллюстий Крисп пытается объяснить политический кризис, который привел к крушению республики – теорией «упадка нравов». Сущность этой теории заключается в том, что гибель общества происходит в результате жадности и жажды власти. (Прим. авт.)

ли законам. Брань, раздоры, ненависть берегли для врагов, друг с другом состязались только в доблести. (...) Друзьям были верны» (20, 230).

«С той поры, как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, с этой самой поры и начала вянуть доблесть, бедность считаться позором и бескорыстие – недоброжелательством» (20, 231).

Как и Цицерон, Крисп считает, что Луций Сулла «к доброму началу присоединил дурной исход»¹¹⁰ (20, 231).

В роковой для Катилины 63 г. до н. э. консулами были избраны Гай Антоний и Марк Цицерон. Злейший враг Цицерона, Катилина, ища консульства в следующем году, по словам Криспа, «все пустил в ход, чтобы извести его. Впрочем, и Цицерону не надо было занимать хитрости и ловкости для успешной защиты» (20, 235). Он раскрыл заговор при помощи возлюбленной Катилины – Фульвии, через которую пообещал общникам «смутьяна» щедрые дары. Катилина бежал в Этрурию, а его, оставшиеся в Риме, сторонники были приговорены к смерти.¹¹¹

Битва с войском Катилины была кровопролитной. Саллюстий Крисп пишет, что «чуть ли не каждый покрыл бездыханным телом то самое место, какое занял в начале сражения» (20, 236). Катилина «еще дышал, и лицо по-прежнему изображало всегдашнюю неукротимость, которая отличала его при жизни» (20, 236).

¹¹⁰ Под добрым началом подразумевается победа Суллы над Митридатом VI. Дурной исход – осуществление по приказу Суллы жестоких репрессий. См. также выше, Цицерон «Об обязанностях», кн. 2. (Прим. авт.)

¹¹¹ Выше мы уже говорили о том, что Цицерону пришлось отвечать перед I триумвиратом за казнь участников заговора. (Прим. авт.)

В произведении «Заговор Катилины» Гай Саллюстий Крисп поднимает злободневные проблемы своего времени. Через призму недавних для автора событий автор делает попытку разобраться в глобальных причинах социально – политического кризиса, ознаменованного уничтожением идеалов демократии и крушением республики.

Историческое сочинение Гая Саллюстия Криспа «Заговор Катилины» – яркий пример публицистического жанра в древнеримской литературе.

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР (95 – 55 г. до н. э.).
ПОЭМА «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ».
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Тит Лукреций Кар – древнеримский поэт и философ. Сведения о его жизненном пути не дошли до наших дней.

Поэма Лукреция Кара «О природе вещей» – это яркий образец отражения в ней самых злободневных мировоззренческих проблем текущего времени.

Лукреций Кар был убежденным материалистом. В своем произведении он открыто подвергает сомнению индивидуально – эсхатологическую доктрину бессмертия души. И если Цицерон в своей философии освобождает людей от страха смерти идеей вечной жизни, которую представляет намного совершеннее земной (см. выше диалог «О старости»), то Кар, напротив, освобождает людей от навязанного умными жрецами духовного порабощения в жизни реальной.

В своих воззрениях Лукреций Кар во многом следовал учению Эпикура.¹¹²

Приведем отрывки публицистического характера из произведения Тита Лукреция Кара «О природе вещей».

«Бродившие» в современном Кару передовом обществе сомнения в истинности существующей религии:¹¹³

Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.¹¹⁴
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запутать не могли, но, напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломать устремился (17,
163).

О нравственном состоянии современного Кару общества:

Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона

¹¹² Эпикур (341-270 г. до н. э.) – древнегреческий философ. Был материалистом, основал в Афинах школу. Последователь Демокрита (теория атомистики). Эпикур рассуждал о бесчисленности миров, безграничности вселенной и ее постоянном движении, признавал существование богов, но отрицал их вмешательство в судьбы и дела людей. Проповедовал атараксический образ жизни, который, как он полагал, приводит к познанию природы. Душевный комфорт может быть достигнут только отсутствием страха смерти в результате освобождения от религиозных суеверий. (Прим. авт.)

¹¹³ Политеизм – многобожие – язычество. Вера в постоянное вмешательство в жизнь людей античных богов, в фатализм судьбы и т.д. (Прим. авт.)

¹¹⁴ Вероятно, подразумевается Эпикур. (Прим. авт.)

И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти (17, 172).

ПОЭЗИЯ ГАЯ ВАЛЕРИЯ КАТУЛЛА
(87–54 г. до н. э.)
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Гай Валерий Катулл наиболее известен своей любовной поэзией, обращенной к сестре Клодия Пульхра¹¹⁵ – Клодии (которую поэт отождествлял с уроженкой Лесбоса¹¹⁶ поэтессой Сапфо). Но кроме любовной лирики в творчестве Катулла имеют место и стихи злободневного политического содержания.

Приведем примеры:

В руках Мамурра¹¹⁷ все богатства Галлии,
Все, чем богата дальняя Британия...
... Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
Ты, значит, плут бесстыжий, продувной игрок!
Затем ли на далекий остров Запада¹¹⁸
Ходил ты, цвет и слава победителей,
Чтобы вот этот твой (... ..) потрепанный
За сотней сотню расточал и тысячи? (...)
...Затем ограбил Понт, затем Иберию,

¹¹⁵ Клодий Пульхра – государственный деятель. (Прим. авт.)

¹¹⁶ Лесбос – остров в Эгейском море. (Прим. авт.)

¹¹⁷ Мамурра – друг Цезаря, начальник инженерной службы в его войске. (Прим. авт.)

¹¹⁸ Британия. (Прим. авт.)

Где Таг течет, река золотоносная,
Теперь дрожат и Галльский, и Британский край.
Зачем с мерзавцем нянчились?.. (...)
Не для того ль вы город погубили наш,
Благочестивый зять, благочестивый тесть?¹¹⁹ (18, 194-195)

Резко обличительное, более того, оскорбительного характера стихотворение, главные герои которого – Юлий Цезарь и его друг Мамурра:

В чудной дружбе два подлых негодяя:
Кот Мамурра и с ним похабник Цезарь!
Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
На развратнике римском и формийском.
Оба мечены клеймами распутства,
Оба гнилы и оба полужайки.
Ненасытны в грехах прелюбодейных (...)
В чудной дружбе два подлых негодяя!» (18, 195)

* * *

Нет, чтоб тебе угодить, не забочусь я вовсе, о Цезарь!
Знать не хочу я совсем, черен ли ты или бел (18, 195).

Итак, мы видим, какие, обусловленные политическими разногласиями, противоположные мнения могут быть о неординарных, творящих историю личностях (Плутарх, Цицерон, Катулл о Юлии Цезаре).

¹¹⁹ Цезарь и Помпей. (Прим. авт.)

Лукреций Кар и Валерий Катулл поднимали в своих произведениях актуальные проблемы своего времени. Поэты подвергали глубокому осмыслению современные им события, пытаясь найти причины глубокого социально – политического кризиса.

БАСНИ ФЕДРА (ум. ок. 70 г. н. э.) **ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Федр – древнеримский баснописец, македонец по происхождению. Был вольноотпущенником Октавиана Августа.

Федр переработал сюжеты басен грека Эзопа¹²⁰ под современную ему римскую действительность. Подвергался преследованиям во времена Нерона¹²¹ за смелую критику – разоблачение пороков и жестоких нравов власти и нобилитета.

Коршун и голубки

Коршун голубкам:

«Чем жить, как вы живете, в вечном трепете,
Меня царем поставьте, под условием,
Чтоб вам от всех обид я был защитником.

Они, поверив, подчинились коршуну,
Но он, вступив на царство, стал их бить и есть.
Жестоким когтем правя. И одна из них
Тогда сказала: поделом мы платимся» (47, 500).

¹²⁰ Эзоп – древнегреческий баснописец (VI в. до н.э.) (Прим. авт.)

¹²¹ Подробно о Цезаре Нероне – ниже. (Прим. авт.)

Об аморальности нравов римского общества:

Об оракуле Аполлона

«Внимайте, люди! (...)
Блюдите благочестье; (...)
Отечество, родителей, детей и жен,
Мечом защищайте; (...)
Помогайте другу, милуйте несчастного;
Дружите с добрым, хитрому препятствуйте; (...)
Нечестивцев сдерживайте;
Карайте осквернивших ложе брачное;
Так говорила дева, впрямь безумная,
Ибо все ее слова пропали попусту» (47, 509).

Ворона и овца

Ворона: «...Крута я к слабым, не перечу сильному,
И разберусь, кого щипнуть, кому польстить,
Тем и живу до тысячелетней старости» (47, 509).

САТИРЫ ДЕЦИМА ЮНИЯ ЮВЕНАЛА

(ум.в 127 г. н. э.)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Децим Ювенал своими шестнадцатью сатирами заслужил славу бесстрашного обличителя зла и пороков римского привилегированного общества, критика всей социально – политической системы. В этом состоит публицистический аспект произведений древнеримского поэта.

Сатира I

...Как тут сатир не писать? Кто настолько терпим к из-
вращениям

Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева... (52, 529)

О нравах патрициев:

Лишь преступленьем себе наживают сады и палаты
Яства, и старый прибор серебра, и кубки... (52, 530)

Разве когда-нибудь были запасы пороков обильней,
Пазуха жадности шире открыта была и имела
Наглость такую игра? (52, 530)

...Между нами священной всего – величие денег.
Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан,
Культ... (52, 531)

Впрочем, возмездье придет, когда ты снимешь одежду,
Брюхо набив, или в баню пойдешь, объевшись павлином.
Без завещания старость отсюда, внезапные смерти,
И для любого обеда совсем не печальная новость –
Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу
(52, 531).

О несовершенстве законодательной системы:

... Кто настолько терпим к извращениям
Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева,
Встретив юриста Матона на новой лектике, что тушей
Всю заполняет своей, позади же – доносчик на друга...»
(52, 529)

Сатира III

... Уж раз не находится места,
В Риме для честных ремесел и труд не приносит дохода,
(...) то лучше будет уйти нам... (52, 532)
О социальной несправедливости:

Если богач спешит по делам, над толпы головами,
Всех раздвинув, его понесут на просторной либурне;¹²²
Там ему можно читать, писать или спать по дороге...
(...) А нам, спешащим, мешает люд впереди, и мнет нам
бока огромной толпою...» (52, 537)

* * *

С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;
Длинных деревьев концы, качаясь, бьют по народу.
Если же сломается ось, что везет лигурийские камни,
И на толпу упадет, опрокинувшись, вся эта груда, –
Что остается от тел? (...)
Труп простолюдина смят и, как дым, исчезает бесследно.
Челядь уже между тем беззаботная моет посуду... (52,
537)

¹²² Либурна – в Древнем Риме вид носилок. (Прим. авт.)

Рим, великий Рим напоминает Ювеналу гигантскую клоаку пороков, зла и преступлений. С живодерней он сравнивает этот город, который притягивает бандитов и беглых рабов из провинций:

«...Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню...» (52, 538)

В отражении произведений древнеримских авторов перед нами предстает древний город Рим – он велик и ничтожен, он прекрасен и ужасен, он блестящ и мрачен. Это город патрициев и плебеев, первых и последних, хозяев и рабов. Во всей этом переплетении великолепия и убожества проступает вечное, нетленное, неизменное человеческое «я» – с присущими ему амбициями, наилучшими побуждениями и наихудшими средствами их воплощения... «Как наши предки были свидетелями того, до каких пределов может доходить свобода, так мы видели последнюю степень рабства».

(Корнелий Тацит. Жизнеописание Агриколы (43, 441).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДРЕВНЕРИМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ)

«Писать историю с независимых, объективных позиций стало уже при первых римских императорах делом весьма небезопасным» (19, 303)

Чтобы не попасть в проскрипционные списки, многие историки эпохи двенадцати цезарей предпочитали благоразумно хранить молчание, и только после смерти императора Домициана решились обнародовать свои труды.

Может показаться, что историографический жанр никак не совместим с публицистическим. Однако не стоит забывать, что обращение историков¹²³ к относительно недалеким для них событиям – это, прежде всего, способ разоблачить, все еще сохранявшие актуальность, недостатки современного им общества. По приблизительной исторической схеме рабовладельческой формации оставалось существовать еще как минимум две сотни лет, социально – политическая система и общественный уклад продолжали сохранять свою специфику, поэтому развенчиваемые в произведениях историков отрицательные явления минувших лет во многом оставались злободневными в современный им период.

Корнелий Тацит (55 – 120 г. н. э.) – древнеримский историк, оратор, государственный деятель. Достиг высоких политических должностей¹²⁴, в 97 г. был консулом Рима, а в период правления Траяна¹²⁵ – проконсулом провинции Азия.¹²⁶

Когда умер тесть Тацита, историк посвятил ему свое сочинение «Жизнеописание Юлия Агриколы» (98 г.). В этом произведении он подверг осуждению правление Домициана – тиранию, отсутствие свобод.¹²⁷

¹²³ Речь идет о Таците и Светонии. (Прим. авт.)

¹²⁴ В Древнем Риме невозможно было продвижение по карьерной лестнице без протекции. Тацит являлся зятем полководца, завоевателя Британии Юлия Агриколы. (Прим. авт.)

¹²⁵ Траян (53 – 117) – римский император с 98 г. (Прим. авт.)

¹²⁶ В Древнем Риме государственная должность наместника провинции периодов республики и империи. Обычно назначался бывший консул (Прим. авт.)

¹²⁷ По одной из версий, Агрикола был убит по приказу Цезаря Домициана, ревниво относившегося к славе известного полководца. (Прим. авт.)

В 98 году увидела свет этнографическая монография Тацита «Германия», в которой натуралистично описывались жизнь, нравы, традиции германских племен. В «Диалоге об ораторах» прослеживается история риторики и обсуждаются причины возможного заката эры красноречия.

Два объемных произведения Тацита – «История» и «Анналы»¹²⁸ дошли до нас не полностью. Труд «История» был написан раньше «Анналов». Описание жизни и деятельности цезарей в «Истории» начинается с 69 г., после свержения Нерона. В «Анналах» прослеживается история с 14-го по 68 годы, то есть со смерти Августа до правления Нерона включительно.

Тацит уделяет большое внимание описаниям военных событий, в центре которых – важные исторические личности. («Анналы»). Однако подобный стиль вовсе не исключает определенной лиричности в изображении героев – так, описывая трагическую судьбу приемного сына императора Тиберия – популярного в народе полководца Германика, автор недвусмысленно сочувствует второму и осуждает первого – его убийцу.¹²⁹

Как и Светоний (подробнее ниже), Тацит не принимает единовластие. И Тиберий, и Калигула, и Нерон предстают перед нами жестокими, часто несправедливыми, неуравновешенными тиранами, более озабоченными собственными меркантильными интересами, нежели благополучием народа.

Начальные формы журналистики Античности носили познавательный, информационно – коммуникационный характер. Как мы показываем, развивался публицистический жанр – произведения античных авторов были злободневны, достоверны,

¹²⁸ Анналы – летопись. (Прим. авт.)

¹²⁹ Германик был убит по приказу Тиберия. (Прим. авт.)

информативны и во многом оперативны. (Юлий Цезарь, Марк Цицерон, Светоний Транквилл, Корнелий Тацит и др.) Ораторство являлось неотъемлемой частью функционирования социально – политической системы. Информационно – коммуникационный характер присущ театру (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Менандр и др.), историографии (Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Транквилл, Тацит и др.).

Гай Светоний Транквилл (75 – 150 г. н. э.) – автор, не дошедшего до нас полностью, посвященного жизнеописанию римских писателей труда **«О знаменитых мужах»**, а также историографического произведения **«Жизнь двенадцати цезарей»**. Произведениям Светония присущи злободневность, достоверность, натуралистичность изображения.¹³⁰

Композиция произведения «Жизнь двенадцати цезарей» своеобразна – сюжет построен не по событийной хронологии, а по категориям описываемых фактов: особенности характера цезарей, их привычки, симпатии и антипатии, детали внешности, достоинства и пороки, обстоятельства жизни и смерти и т.д. В отличие от Корнелия Тацита, Светоний Транквилл в своем произведении не уделяет особого внимания описанию военных действий. Мастерство Транквилла заключается, хотя и в поверхностном, но детальном и чрезвычайно захватывающем изображении общественной, а также частной жизни цезарей. (Божественный Юлий, Божественный Август, Тиберий, Гай Каллигула, Божественный Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Божественный Веспасиан, Божественный Тит, Домициан).

¹³⁰ Исполняя обязанности секретаря Адриана, Светоний имел свободный доступ к императорским архивам. Адриан – римский император (117 – 138 гг.) (Прим. авт.)

Произведение Светония Транквилла посвящает нас не только в общеизвестные события правления двенадцати цезарей (напомним, одиннадцать из которых официально именовались принцепсами), но и освещает теневую сторону их жизни, порой не самую приглядную, а иногда и резко отрицательную. Перед нами предстают двенадцать сильных древнего мира – мы знакомимся с их друзьями и врагами, становимся свидетелями их самых светлых и низменных поступков, узнаем об их тщеславных целях и, порой, не самых достойных способах их достижения. Мы восхищаемся героизмом и непреклонным нравом Юлия Цезаря, ужасаемся коварству и жестокости Тиберия, удивляемся бесхарактерности Клавдия, презираем кровожадного Нерона.

Сюжет «Жизни двенадцати цезарей» становится еще более информативным из-за включенных в него, злободневного характера, анекдотических народных («безымянных») стихов¹³¹ и частных диалогов.

Приведем примеры:

Когда **Октавиан Август** потерпел сокрушительное поражение в Сицилийской войне, в народе ходила такая эпитаграмма:

Разбитый в море дважды, потеряв суда,
Он мечет кости, чтоб хоть в этом выиграть... (37, 65)

Об императоре Нероне:

Трое – Нерон, Алкмеон, Орест – матерей убивали.
Сочти – найдешь: Нерон – убийца матери. (...)

¹³¹ В контексте древнеримской историографии понятие «народной публицистики» здесь и далее определяется автором данного учебного пособия. (Прим. авт.)

Наш напрягает струну,¹³² тетиву напрягает парфянин...
(37, 168) И т.д.

Организацию пожара в Риме (64 г. н.э.), длившегося «шесть дней и семь ночей» (80, 167) и унесшего тысячи жизней многие приписывали Нерону. Светоний косвенно подтверждает этот факт тем, что Нерон незадолго до пожара цинично перефразировал поговорку: «Когда умру, пускай земля огнем горит!» – «Нет, – пока живу!» (37, 167)

В произведении «Жизнь двенадцати цезарей» Светоний поднимает злободневную его времени проблему тирании – жестокости и безнаказанности императоров. Критикуя самовластие, античный автор, можно сказать, предвосхитил, формировавшееся без малого тысячу лет, гуманистическое мироощущение Нового времени, когда на смену абсолютизму выдвигались идеи конституционной монархии. Неограниченная власть тиранов, кровопролитные гражданские войны, медленно, но верно расшатывающие устои государства восстания рабов, внутренние междоусобицы, инсургентные выступления народа, восстания легионов, амбиции представителей нобилитета, попрание нравственных идеалов, падение нравов, бесконечная смена реформ, коррупция в судебной – административной системе и в высших эшелонах власти, показная щедрость к народу, заговоры и узурпация, проскрипционные списки и репрессии – это проблемы тысячелетней истории великого государ-

¹³² Нерона в народе насмешливо называли «гистрионом», что значит «актеришкой» – из-за его страсти к далекому от совершенства пению на публике под кифару. (Прим. авт.)

ства, которые, скорее всего, вопреки общепринятой версии, и явились причиной падения Римской Империи.¹³³

«Жизнь двенадцати цезарей» – это хроника наиболее тяжелого и событийного периода¹³⁴ в истории Древнего Рима, в которой автор достоверно отобразил актуальные проблемы его современности, разоблачил социально – политическую систему и господствующие, глубоко укоренившиеся в психологии социума нравы. Именно из-за последнего обстоятельства произведение Светония Транквилла выполняло в свое время и общественно – воспитательную функцию.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ

(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 46 – 44 гг. до н. э.)

Консулом Юлий Цезарь стал в один год (59 г. до н.э.) с другим государственным деятелем – Марком Бибулом. По Светонию, совместная власть не помешала Цезарю «силой оружия прогнать его с форума» (37, 13) из-за противоречия с ним в одном земельном вопросе. Так Цезарь становится единовластным действующим консулом и «с этого времени управляет всем в государстве по своей воле» (37, 13).

Остроумия народу римскому было не занимать. В этот период некоторые подписывали официальные бумаги не консульством Цезаря и Бибула, а Юлия и Цезаря. Популярным в народе в тот год был стишок:

¹³³ По общепринятой версии Римскую Империю медленно подтачивала рабовладельческая система. (Прим. авт.)

¹³⁴ Произведение Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей» охватывает исторический период – с 85 г. до н. э. (пятнадцатилетие Гая Юлия Цезаря) – по 96 г. н. э. – (убийство цезаря Домициана). (Прим. авт.)

В консульство Цезаря то, а не в консульство

Бибула было:

В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего

(37,14). (Народная публицистика).

К римскому народу, понимая всю силу и важность его поддержки, Цезарь был необычайно щедр. Так, он поделил землю между 20 тысячами многолетних граждан, на одну треть уменьшил долги откупщиков. «Вообще он щедро раздавал все, о чем бы его не просили, не встречая противодействия или подавляя его угрозами» (37, 14).

Мы уже подробно говорили выше (анализируя публицистику Марка Цицерона) о развязанной Цезарем и Помпеем за единовластие в Римской Империи гражданской войне. Светоний Транквилл приводит причины, которые подспудно могли сопровождать желание Цезаря стать диктатором: «Помпей неоднократно утверждал, что Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не мог ни окончить построек, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение (37, 180); иные видели причиной организованного переворота – страх Цезаря перед судом, который мог грозить ему за кое-какие деяния в его первое консульство. Светоний, ссылаясь на Цицерона, пишет, что Цезарь любил повторять стихи Еврипида:

Коль преступить закон – то ради царства;

А в остальном его ты должен чтить» (37, 18).

После победы над Помпеем Цезарь готовит новые реформы. Планы были грандиозные – строительство в Риме, измене-

ние гражданского права, расширение Империи и т.д. «Среди таких замыслов и дел его застигла смерть» (37, 23).

Светоний, как и Плутарх (см. выше) характеризует Цезаря как отважного, непревзойденного в ратном деле, воина: «Оружием и конем он владел замечательно, выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он шел впереди войска (...) с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь» (37, 27).

«Трудно сказать, осторожности или смелости было больше в его военных предприятиях. Он никогда не вел войска по дорогам, удобным для засады (...); в Британию он переправился не раньше, чем сам обследовал пристани (...); и он же, узнав об осаде его лагерей в Германии, сквозь неприятельские посты, переодетый в галльское платье, проскользнул к своим» (37, 27).

«В сражения он вступал, (...) когда этого меньше всего от него ожидали» (...) «...Не меньшим было и его присутствие духа...» (37, 27)

Мы уже писали о способности Цезаря силой слова воздействовать на массовое сознание людей. (См. «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря – публицистическое произведение). Когда, требуя наград и увольнений, взбунтовался десятый легион, опора и поддержка Цезаря, он, понимая всю опасность положения, вышел к войску и объявил, что освобождает всех от службы. Затем же обратился к солдатам не так, как обычно – «Войны!», а как к простым квиристам – «Граждане!». Одно это слово изменило ход истории. Воины устыдились, смирились и покорно отправились в Африку со своим полководцем во главе! (См. 37, 30).

Светоний говорит о Цезаре как о человеке величайшей гуманности. К примеру, попав в плен к пиратам, он пригрозил им,

когда они окажутся у него в руках, мучительной смертью распятием. Захватив же их в плен, Цезарь проявил «необычайную мягкость», и, прежде чем распять их, приказал сначала заколоть. Некого Филемона, который был изобличен в том, что обещал врагам Цезаря отравить его ядом, он казнил, но без пыток!¹³⁵

Конечно, восхищение Светония «необычайной мягкостью» (37, 31) Цезаря во многом объяснимо спецификой мировосприятия общества исследуемой эпохи.

Глубокомысленный политик, Цезарь прекрасно знал психологию своих соотечественников. Интересно здесь замечание Светония: «Между тем, как Помпей объявил своими врагами всех, кто не встанет на защиту республики, Цезарь провозгласил, что тех, кто воздержится и ни к кому не примкнет, он будет считать друзьями» (37, 31).

Однако это понимание психологии своего народа уступило место безудержной жажде единоличной власти, о которой Цезарь мечтал с детства. «Мало того, что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре, он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов, жреца (...) название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу» (37, 32).

¹³⁵ Особенности мировоззрения социума Древнего мира. Светонию казнь без пыток уже казалась гуманной. (Прим. авт.)

Так, апофеоз собственного «я» Цезарем начинает отсчет к его трагическому концу. Светоний приводит довольно циничные высказывания диктатора: «Республика – ничто, пустое имя без тела и облика»; «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти; «С ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом» (37, 33).

Самовластие Цезаря, как пишет Светоний, не было предела. Он не скрывал своего презрения к сенату и позволял себе еще более «дерзкие поступки» (37, 33).

Постепенно в народе назревало недовольство тиранией Юлия Цезаря. В моде был стишок, который написали даже под статуей Луция Брута¹³⁶:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем первым консулом,
Этот, консулов изгнавши, стал царем в конце концов¹³⁷
(37, 34). (Народная публицистика).

Однако ненависть к диктатору Цезарю не помешала той же толпе безудержно скорбеть по поводу его убийства.¹³⁸ «Тотчас после погребения народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия. Его с трудом удержали...» (37, 36) Зато не повезло некоему Гельвию Цинне, которого просто перепутали с произнесшим накануне в собрании речь против Цезаря – Корнелием Цинной. «Голову Цинны вздели на копье и носили по

¹³⁶ Брут Луций Юний – установил в 510 г. до н. э. в Риме республику. Был одним из первых римских консулов. (Прим. авт.)

¹³⁷ Пример древнеримской народной публицистики. См. сноску 131. (Прим. авт.)

¹³⁸ Цезарь был убит в курии сената. В заговоре участвовало более 60 – ти человек. Руководили заговором Гай Кассий, Марк Брут, Децим Брут. Гай Кассий и Марк Брут впоследствии покончили с собой, потерпев поражение в борьбе против 2-го триумвирата. (Прим. авт.)

улицам» (37, 37). Когда в честь Цезаря воздвигли мраморную колонну на форуме с надписью «Отцу отечества», «у ее подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря» (37, 37).

Итак, еще древнеримский историк Светоний описал ситуацию, когда непостоянная, изменчивая толпа хулит своего правителя при жизни, и также часто оплакивает его после смерти. Этот феномен был исследован **З. Фрейдом** в его работе «**Психология масс и анализ человеческого Я**». Приведем здесь несколько тезисов:

– масса «импульсивна, изменчива и возбудима» (46, 780), руководят ее бессознательные первичные порывы составляющих ее индивидов;

– масса подвластна авторитету, от которого требует «силы и даже насилия». Желает, чтобы «ею владели и ее подавляли. Хочет бояться своего господина» (46, 781);

– массы предпочитают иллюзии реальному;

– масса – «послушное стадо, которое не в силах жить без господина» (46, 782);

– массе характерно ортодоксальное восприятие настоящего, любое подозрение превращается в уверенность, простая антипатия – в безграничную ненависть.

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 43 г. до н. э. – 14 г. н. э.)

Во второй книге, посвященной жизнеописанию Гая Октавиана Августа, Светоний Транквилл подвергает критике такую злободневную его времени проблему, как абсурдные привиле-

гии первых сословий (Август принадлежал к древнему всадническому роду, отец его был сенатором). Светоний пишет, что уже в шестнадцать лет Октавиан «получил военные награды в африканском триумфе Цезаря, хотя сам по молодости лет в войне и не участвовал» (37, 40). Будучи Цезарем, Август продолжал обращать недостатки военно – административной системы себе на пользу. «Высшие и почетнейшие государственные должности он получал досрочно, в том числе некоторые новые или бессменные» (37, 47).

Божественный Август вел пять гражданских войн: «Мутинскую, Филиппийскую, Перузийскую, Сицилийскую, Актийскую; первую и последнюю из них – против Марка Антония, вторую – против Брута и Кассия, третью – против Луция Антония, брата триумвира¹³⁹ и четвертую – против Секста Помпея, сына Гнея» (37, 41).

Причины гражданских войн – месть Августа Дециму Бруту и Гаю Кассию за своего дядю Юлия Цезаря, противодействие тщеславным планам Марка Антония, считающего себя приемником убитого императора.

Октавиана ничто не останавливало на пути к достижению власти – он подсылал убийц к неугодным, он не брезговал собственноручными способами умерщвления¹⁴⁰ и т.д.

Описание, казалось бы, поверхностных фактов и малозначительных событий, пересказ модных тогда анекдотов и народных стихов представлено в произведении на фоне одной магистральной, актуальной в то время проблемы – в Империи царит

¹³⁹ Триумвир – член триумvirата. Напомним, члены 2-го триумvirата – Г. Октавиан, М. Антоний, М. Лепид. (Прим. авт.)

¹⁴⁰ Октавиан лично убил консулов Гирция и Пансу. (Прим. авт.)

смута – восстания и войны по вине амбициозных сенаторов и полководцев медленно, но верно уничтожали государство.

Непримиримый к врагам, Август жестоко расправился и с Клеопатрой,¹⁴¹ и с самым опасным для него соперником – малолетним сыном египетской царицы и Юлия Цезаря – Цезарионом.

Вместе с триумвирами Марком Антонием и Марком Лепидом Октавиан Август правил двенадцать лет. Последующие же сорок четыре года он был единоличным властителем, принцепсом Великой Римской Империи.¹⁴²

«Мятежи, заговоры и попытки переворотов не прекращались (...), но каждый раз он раскрывал их...» (37, 45). «Поистине, не избежал он заговоров и покушений даже от лиц самого низкого» происхождения (37, 45).

О духовном состоянии римской армии, в которой не желали служить граждане, свидетельствует, рассказанная Светонием история об одном всаднике.¹⁴³ Он предпочел изувечить своих сыновей, чем расстаться с ними на долгие десятилетия. Родителю не повезло, потому что Август как раз накануне утвердил военные реформы, в том числе и закон о строгой дисциплине. Незадачливый всадник был жестоко наказан, «продан с торгов со всем его имуществом» (37, 46).

Юлий Цезарь дипломатично и мудро поступил со взбунтовавшимися солдатами десятого легиона (в обращенной к ним речи, как мы помним, назвал их «гражданами», а не как обычно, «войнами»). Август же, в аналогичной ситуации, решил

¹⁴¹ Общепринятая версия о самоубийстве Клеопатры сомнительна. Так или иначе, но гордая царица избежала унижения – участия в качестве пленницы в триумфе Августа. (Прим. авт.)

¹⁴² Август сослал Марка Лепида и заставил совершить самоубийство Марка Антония. (Прим. авт.)

¹⁴³ Подразумевается сословие. (Прим. авт.)

проблему иным способом: «Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестьем» (37, 46).

Осторожный Светоний не выказывает открыто своего отношения к методам принцепса. Однако простая, якобы беспристрастная констатация событий все же выдает его позицию: «В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого» (37, 46).

В произведении «Жизнь двенадцати цезарей» ярко отражен мировоззренческий аспект рабовладельческого общества. Прочитируем: Август «вольноотпущенников принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, (...) держал их под отдельным знаменем, не смешивая со свободнорожденными и вооружал по-особому» (37, 47). Августа более всего волновало, «чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови» (37, 54). Поэтому в период его долгого правления получить римское гражданство было очень сложно, впрочем, как и увидеть свободу рабу.

Светоний подвергает осуждению процесс проскрибирования лиц. Он пишет, что Август «превзошел жестокостью» (37, 48) многих.

Мы уже знаем, что тиранию единовластных императоров Светоний в своем произведении выдвигает на первый план как злободневную проблему. Создается впечатление, что он рассказывает о несовершенстве римской управленческой системы в назидание потомкам.

«Будучи триумвиром, он (Август) многими поступками навлек на себя всеобщую ненависть», (37, 48) например, убийствами подозреваемых в скрытой враждебности к своей персоне.

Август совершал и политические беззакония: «Трибунскую власть он принял пожизненно. (...) принял он и надзор за нравами и законами также пожизненно» (37, 48).

Светоний Транквилл поднимает еще одну проблему, которая также не утратила актуальности во времена правления императора Адриана: «Общей погибелью были многие злые обычаи, укоренившиеся с привычкой к беззаконию гражданских войн или даже возникшие в мирное время» (37, 51). Автор говорит о разгуле преступности, а также безнаказанности иных представителей высших сословий, в эргастулы¹⁴⁴ которых без суда и следствия отправлялись свободные люди и чужие рабы.

О состоянии нравственности Светоний говорит однозначно – в государственных структурах господствовали протекция и взятки, что никак не способствовало сохранению достоинства представителей высших эшелонов власти. «Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу – в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами» (37, 52).

Светоний рассказывает о разгульной жизни Августа, уделяет большое внимание скабрёжным подробностям и, как бы между прочим, упоминает одно «тайное пиршество», устроенное принцепсом во время голода в Риме. Участники оргии были одеты богами и богинями, а на месте Божественного Августа возлежал сам Аполлон. «Уже на следующий день слышались восклицания, что боги сожрали весь хлеб и что Цезарь –

¹⁴⁴ Эргастул – в Древнем Риме частная тюрьма для рабов. (Прим. авт.)

впрямь Аполлон, но Аполлон – мучитель (под таким именем почитался этот бог в одном из городских кварталов)» (37, 65).

Светоний приводит, ходившие в народе, стихи безымянного автора. (Народная публицистика). Приведем здесь отрывок:

...Цезарь являл на пиру прелюбодейства богов,
Все от земли отвратили свой лик небесные силы
И, позолоченный трон бросив, Юпитер бежал (37, 65).

Сохраняя объективность, Светоний говорит и о положительных сторонах правления Августа. Принцепс много сделал для своей столицы – «общественных зданий выстроил очень много. Из них важнейшие – форум с храмом Марса Мстителя, святилище Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии» (37, 49).

Образованнейший человек своего времени, Август являлся автором искрометных изречений. Светоний приводит некоторые из них: «Спешите не торопясь»; «Осторожный полководец лучше безрассудного»; «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей» (37, 47).

Когда народ стал жаловаться на нехватку вина и высокие на него цены, принцепс ответил так, что не только сострил, но и напомнил людям о заслугах своей семьи: «Мой зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды» (37, 55).

Когда во время народного прощения один из просителей растерялся и замолчал, Август пошутил: «Ты подаешь мне просьбу, словно грош слону» (37, 59).

Август, несмотря на свои жестокие деяния, смог снискать любовь народа. Как мудрый политик, он «играл» в демократию

всякий раз, когда это ему казалось выгодным, выступая в роли «простого смертного». Так, «он сам подавал голос в своей трибе¹⁴⁵ как простой гражданин» (37, 60); принимая участие в суде, позволял себя допрашивать; говоря народу о своих сыновьях, не забывал добавить: «Если они того заслужат» (37, 60). В итоге, «имя отца отечества было поднесено ему всем народом, внезапно и единодушно» (37, 61).

Несмотря на вполне оправданное амбивалентное отношение к исторической фигуре – Гаю Октавиану Августу, правление его, в целом, можно считать достойным.¹⁴⁶ Так считает, достоверно описавший его жизненный путь, Светоний Транквилл – первый принцепс долго правил Римской Империей, защищая свою власть и свой народ.

В последний день своей жизни Октавиан Август спросил у своих друзей: «Как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием» (37, 77).

На наш взгляд, Гай Октавиан Август заслужил это напутствие. Достаточно сравнить его с теми тремя императорами, что последовали за ним быть Божественными в Великой Римской Империи.

¹⁴⁵ Во время голосования город делился на трибы – избирательные участки, где голосовали прикрепленные к ним свободные граждане. (Прим. авт.)

¹⁴⁶ Особенности общественного мировоззрения времени, к которому принадлежал Цезарь Август. (Прим. авт.)

ТИБЕРИЙ

(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 14 – 37 гг. н. э.)

«А в Риме тем временем принялись соперничать в изъяснении раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал добавляющее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиной принцепса, или, напротив, опечален началом нового принципата...»

Корнелий Тацит. Анналы (42, 10).

Тиберий из рода Клавдиев открыл собой эпоху «дурных» правителей Римской Империи.

Светоний пишет, что Клавдии всегда принадлежали к патрицианской партии оптиматов, были убежденными аристократами и презирали плебеев.

Являясь сыном Ливии, жены Августа, Тиберий был усыновлен им, а затем назначен его преемником по просьбе своей матери. Светоний приводит неподтвержденный слух о том, что Август, зная лютый нрав Тиберия, сказал как-то о нем: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти» (37, 87). Тем не менее, достойным занять его место Август посчитал именно Тиберия, видимо, взвесив «все достоинства и недостатки» и решив, что «достоинства перевешивают» (37, 87).

Светоний пишет, что лютым тираном Тиберий стал не сразу. «Поначалу он вмешивался в государственные дела, чтобы предотвратить злоупотребления» (37, 92). Борьбу с падением нравов в обществе он начал жестко и решительно. Матрон и расточительных юношей отправлял в изгнание. Тиберий также подверг запрету чужеземные обычаи и священнодействия.

Представителей иноземных верований он изгнал из столицы. Следующими в немилость Цезаря подпали астрологи. Он не считал их ремесло ни честным, ни полезным.

Тиберий ввел ряд законов с целью обезопасить государство от всякого рода преступлений и беспорядков – грабежей, разбоя, народных и военных бунтов. Однако, по Светонию, такая забота Тиберия об отечестве продолжалась недолго. После потери своих сыновей – приемного Германика в Сирии и родного Друза в Риме он предпочел уединиться в Кампании. Затем отправился на Капри с намерением подольше там задержаться. Но вернуться ему ненадолго все же пришлось – в Фиденгах обрушился амфитеатр, число погибших в котором оказалось более двадцати тысяч.

Вскоре у Тиберия стали проявляться его «кое-как скрываемые пороки» (37, 94). Светоний в своем произведении уделяет большое внимание детальному описанию этой темной стороны природы Цезаря.

Приведем некоторые (к сожалению мрачного характера) примеры, свидетельствующие о журналистской достоверности произведения «Жизнь двенадцати цезарей».

Жертвами преступлений Тиберия стал его брат Друз и внук Августа – Агриппа Постум. Свою мать Ливию он вынудил мучительно умирать в одиночестве. Когда умер родной сын Тиберия – Друз¹⁴⁷ (которого царственный отец презирал за легкомыслие), он запретил положенный продолжительный траур. Светоний пишет, что когда илионские послы немного за-

¹⁴⁷ Сын Тиберия Друз, по Тациту, был отравлен по наущению префекта преторианских когорт Элия Сеяна. Тиберий безмерно доверял Сеяну, который, на самом деле, замыслил убийство всей семьи Цезаря в целях узурпации. (Прим. авт.)

поздало принесли Тиберию соболезнования по поводу кончины сына, он, «словно горе уже было забыто, насмешливо ответил, что и он в свой черед им сочувствует: ведь они лишились лучшего своего согражданина Гектора» (37, 98). Полагают, что Тиберий санкционировал убийство своего приемного, доблестного сына Германика и всей его семьи.

По Светонию Транквиллу, Федор Гадарский, учитель красноречия юного Тиберия называл его «грязью, замешенной кровью» (37, 99). Он одним из первых разглядел жестокий, порочный нрав будущего Цезаря.

Автор «Жизни двенадцати цезарей» рассказывает о событии, которое свидетельствует и о жестокости, и о мрачном чувстве юмора Тиберия. Когда какой-то шут у погребального костра попросил покойника передать Августу, что народу не были розданы завещанные им подарки, Тиберий приказал одарить этого шута дорогими подарками, затем... казнить – с тем, чтобы тот передал Августу, «что получил свое сполна» (37, 99).

«Перечислять его злодеяния по отдельности слишком долго», (37, 101) – пишет Светоний. Если же обобщить, то и «дня не проходило без казни», причем казнили и детей, и внуков осужденных. «Никакому доносу не отказывали в доверии» (37, 101). Чинившиеся Тиберием изуверства совершались «под предлогом (...) исправления нравов, а на деле – только в угоду своим природным наклонностям» (37, 100).

На образе Германика, родного сына Друза Старшего, приемного сына Тиберия остановимся подробнее, так как, по свидетельству и Светония, и Тацита, это была личность достойная, высоконравственная, с незаслуженно трагической судьбой. Светоний Транквилл пишет о нем: «Германика он (Тиберий) до того старался унижить, что славнейшие его деяния

объявлял бесполезными, а самые блистательные победы осуждал как пагубные для государства» (37, 98).

Германик всегда знал о неприязни к себе своего дяди Тиберия и его жены Ливии,¹⁴⁸ «тем более острой, чем были несправедливее ее причины» (42, 23). Римский народ же любил и все еще оплакивал отца Германика – Друза (убитого Тиберием), и перенес эту любовь на его сына. «И в самом деле, – пишет Тацит, этот молодой человек отличался гражданской благонамеренностью, редкостной обходительностью и отнюдь не походил речью и обликом на Тиберия, надменного и скрытного» (42, 23).

Тацит пишет о Германике с большим уважением и, как мы уже говорили, с глубоким сочувствием к его горькой судьбе. «Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия» (42, 23).

Германик подавил в Галлии, куда он был послан для сбора налогов, периодически вспыхивающие мятежи, заставил присягнуть на верность римскому императору Тиберию ряд племен, ораторским выступлением утихомирил взбунтовавшиеся легионы. Германик говорил об Августе и его заслугах перед отечеством, а также о ныне здравствующем императоре Тиберии, и только после этого осведомился о причинах, поднятого солдатами, бунта. (См. 42, 23).

Приведем здесь отрывок из произведения Тацита «Анналы», содержание которого, по нашему мнению, имеет ярко выраженный публицистический характер:

¹⁴⁸ Германик был сыном Друза, брата Тиберия, внуком покойного принцепса Августа. Являлся квестором, консулом, полководцем. Его жена Агриппина также являлась внучкой Августа. (Прим. авт.)

«Все они (воины) обнажают тела, укоризненно показывая ему рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы (...) все то, что вызывается действительной необходимостью или изыскивается для того, чтобы не допускать в лагере праздности. Громче всего шумели в рядах ветеранов, кричавших, что они служат по тридцати лет и больше, и моливших облегчить их, изнемогающих от усталости, (...) обеспечить средствами к существованию, отпустить на покой после столь трудной службы» (42, 24).

Речь Германика, обращенная к его воинам. Отрывок:

«Жена и сын мне не дороже отца и государства, но его защитит соответственное величие, а Римскую державу – другие войска. Супругу мою и детей, которых я бы с готовностью принес в жертву, если б это было необходимо для вашей славы, я отсылаю теперь подальше от вас, впавших в безумие... (...) Божественный Юлий усмирил мятежное войско одним единственным словом, назвав квиритами тех, кто пренебрегал данной ему присягой;¹⁴⁹ Божественный Август своим появлением и взглядом привел в трепет легионы, бившиеся при Акции; я не ровняю себя с ними, но все же происхожу от них...» (42, 27)

Эффект был исключителен. Воины сложили оружие и пришли в полное повиновение полководцу.

Германик вместе со своей армией самоотверженно сражался с галльскими и германским племенами. Читаем далее: полководцам – «Авлу Цецине, Луцию Апронию и Гаю Силию

¹⁴⁹ См. выше.

присуждаются триумфальные знаки отличия за деяния, совершенные ими вместе с Германиком» (42, 41).

Популярный в народе Германик не мог более раздражать завистливого Тиберия. Цезарь разлучает приемного сына с его легионами и назначает наместником новых провинций, сделав «его доступным и для коварства, и для случайностей» (42, 46). «А Германик, чем большую преданность выказывали ему войны, а неприязнь – дядя, тем упорнее стремился ускорить победу (с германцами) и тщательно вникал в ход сражений и причины всех неудач и успехов, выпавших на его долю за время войны, которую он вел уже третий год» (42, 46).

Оставим пока Германика на страницах произведения Тацита и продолжим наш анализ публицистических тенденций в древнеримской историографии.

Многих государственных деятелей волновал не только факт падения нравов в высших сословиях, но и чрезмерная роскошь, которой безмерно злоупотребляли представители нобилитета. В «Анналах» Тацита есть сведения, что на одном из заседаний сената «было принято постановление, воспрещавшее употреблять на пирах массивную золотую посуду и унижать мужское достоинство шелковыми одеждами» (42, 57). На том же собрании сенатор Луций Пизон говорил о преступности «в ведении общественных дел, на подкупность судов» и т.д.

На фоне глобального процесса разложения нравов в высших сословиях Римской Империи, о котором писали и Светоний, и Тацит, близился «закат» и самого тирана. До сих пор историки наверняка не знают, умер ли Тиберий своей смертью или ему умело в этом помогли. Так или иначе, но «смерть его вызвала в народе ликование» (37, 106).

Приведем здесь, переданные Светонием, народные стихи о Тиберии. (Народная публицистика).

Ты беспощаден, жесток – говорить ли про все остальное?
Пусть я умру, коли мать любит такого сынка.
Всадник ты? Нет. Почему? Ста тысяч, и тех не найдешь ты.
Ну, а еще почему? В Родосе ты побывал.
Цезарь конец положил золотому сатурнову веку –
Ныне, покуда он жив, веку железному быть.
Он позабыл про вино, охваченный жаждою крови:
Он упивается ей так же, как раньше вином (37, 100).

ПАРАДОКС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ.

ГАЙ КАЛИГУЛА¹⁵⁰

(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 37 – 41 гг. н. э.)

Мы уже говорили о том, что, как и Тацит, Светоний характеризует приемного сына Тиберия – Германика, отца Калигулы, очень положительно. Этому герою посвящены первые страницы жизнеописания Цезаря Гая Калигулы. Читая о судьбе Германика, поражаешься иронии рока, не позволившего достойному встать у кормила власти, но раскрывшего врата тому, кто снова обрек народ на жестокие страдания.

Мы также хотим еще раз обратить внимание читателя на то, что и Тацит, и Светоний, говоря о положительных качествах Германика, акцентировали внимание на том, что ему не раз представлялся случай захвата власти, но по внутреннему благо-

¹⁵⁰ Калигула – «сапожок» (лат.)

родству своему, он всякий раз отвергал эту возможность. К примеру, весть о смерти Августа застала Германика в Германии, и легионы, не желавшие признать Тиберия новым правителем, восстали против него и просили своего полководца взять власть в свои руки. «Он (Германик) успокоил их, выказав столько же твердости, сколько и верности долгу, а потом победил с ними врага (германцев) и отпраздновал триумф» (37, 107).

«Всеми телесными и душевными достоинствами, как известно, Германик был наделен, как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способности к наукам и красноречию на обоих языках, беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь. (...) Даже к хулителям своим, кто бы из-за чего бы с ним не враждовал, относился он мягко и незлобиво...» (37, 107-108).

Светоний говорит о необычайном авторитете Германика не только среди воинов, но и представителей высших сословий. И народ его любил и ценил за необычайную храбрость и доброту. (См. 37, 108 – 109)

Как же у такого, как свидетельствуют два историка, благородного и отважного человека мог родиться «свирепый и порочный» (37, 110) сын? (К тому же, как мы говорили, направленный злым роком вершить судьбы народов). В этом и заключается парадокс преемственности поколений.

Со всей силой публицистического мастерства Светоний снова подвергает критике злободневную проблему своего времени – порожденную низменными пороками тиранию сильных мира.

О хитрости и лицемерии Калигулы окружающие говорили:

«Не было на свете лучшего раба и худшего государя» (37, 110).

Тиберий еще при жизни говорил о своем внуке Калигуле: «Гай живет на погибель и себе, и всем и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фэтона для всего земного круга»¹⁵¹ (37, 110).

Поначалу Калигула был довольно примерным правителем, его заслуги перед еще обожающим его (в лице отца Германика) народом были велики. «Он делал все возможное, чтобы возбудить любовь к себе в людях» (37, 112). Калигула был щедр на помилования осужденных, провел ряд реформ в судебно – административной системе, обеспечил народ, что называется, «хлебом и зрелищами» – организовывал всенародные раздачи, частые гладиаторские битвы и цирковые состязания. Также начал строить акведук¹⁵² и амфитеатр. Как пишет Светоний, «до сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище» (37, 115). Калигула казнил своего родного брата Тиберия и бабушку свою Антонию. Также он издевательски относился к своим родным сестрам.

Светоний Транквилл разоблачает актуальную в то время проблему – с давних времен бытующий в Риме негласный закон, наделяющий Цезаря правом разводить супружеские пары без их согласия. Этот варварский обычай у народа, который считал себя единственным в мире не варварским, подвергается у Светония строгому осуждению. Так, к примеру, Калигула поступил с некоей Лоллией Павлиной, разведя ее с мужем, военна-

¹⁵¹ Напомним, др. – гр. миф о Фэтоне, сыне Солнца, чей каприз закончился вселенской катастрофой. (Прим. авт.)

¹⁵² Водопровод. В Древнем Риме обычно сооружался в виде моста с водоводом (трубой). (Прим. авт.)

чальником Гаем Меммием по абсурдной причине – «он прослышал, что ее бабушка была когда-то красавицей» (37, 117). И подобных примеров Светоний приводит немало.

«После всего этого, – заключает автор, – пустыми и незначительными кажутся рассказы о том, как он обращался с друзьями и близкими (...), которые вместо благодарности за услуги награждены были жестокой смертью» (37, 117).

Свои жестокие деяния Калигула сопровождал циничными шутками. Распорядившись кормить в вивариях¹⁵³ диких зверей, ввиду подорожания мяса, преступниками, он сам обходил тюрьмы и, не вникая в степень вины осужденных, приказывал забирать «от лысого до лысого» (37, 118). Или: «Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он, (...) во исполнение обета, приказал сбросить с раската» (37, 118). «Казнив одновременно нескольких галлов и греков, он хвастался, что покорил Галло-грецию» (37, 119). Его девизами были: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!» (37, 119) И: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» (37, 119). «Он даже не скрывал, как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара,¹⁵⁴ правление Тиберия – обвалом амфитеатра в Фиденгах, а его правление будет забыто из-за общего благополучия...» (37, 119)

Осуждая низменные качества правителя, Светоний не без иронии пишет: «Зависти и злобы в нем было не меньше, чем гордыни и свирепости. Он враждовал едва ли не со всеми поколениями рода человеческого» (37, 120). Автор натуралистич-

¹⁵³ Виварий – специально отведенное место в цирке, где содержались дикие животные для зрелищ. (Прим. авт.)

¹⁵⁴ Вар (53 г. до н. э. – 9 г. н. э.) – римский наместник в германской провинции. Был разбит германскими племенами во главе с Арминием. (Прим. авт.)

но описывает дальнейшие преступления Калигулы против своего народа, которым, казалось, не было предела... пока конец безумному, бесовскому правлению не положили трибун преторианской когорты Кассий Хорей и его единомышленники. Тело Калигулы, не погребенное надлежащим образом, было упокоевано его сестрами. Сама собой возникает аналогия с сюжетом трагедии Софокла «Антигона», в которой, правда, при совершенно иных обстоятельствах, дочь Эдипа жертвует своей жизнью ради погребения любимого брата Полиника.

**САРКАЗМ РОКА. ПОЧЕМУ ИМЕННО ОН?!
БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ**
(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 41 – 54 гг. н. э.)

Клавдий был сыном Друза Старшего, братом Германика. О том, что представлял собой этот человек, судьбой назначенный править Империей, можно судить по словам его матери Антонии Младшей: «Мать его Антония говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «Глупей моего Клавдия» (37, 132). Цезарь Август и его жена Ливия (дед и бабушка Клавдия) в буквальном смысле не показывали его «на людях» – во избежание конфуза и насмешек. А когда Ливилле, сестре Клавдия, предсказали, что ему суждено стать императором, женщина «громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа» (37, 132).

Клавдия провозгласили императором после убийства Гая Калигулы, как объясняет Светоний, от того только, что просто «не знали, что делать дальше» (37, 135).

Никогда не стремящийся к власти, он не сразу почувствовал и ее вкус. В начале правления держался скромно, пресекал обращения к себе «император», вел себя, как простой гражданин. Однако непостоянство и бесхарактерность Клавдия со временем сильно подорвали его авторитет, «к нему сплошь и рядом стали относиться с открытым презрением» (37, 137).

Однако Светоний с похвалой говорит о деятельности Клавдия по благоустройству города – в его правление запускаются акведуки и водосток, строится гавань в Остии и т.д. Когда в Риме случился пожар, Клавдий мобилизовал для его тушения, кроме солдат и рабов, весь народ, и никто не остался без награды.

Император был щедр на то, что называется «хлеба и зрелищ» народу, в его правление часто организовывались раздачи и цирковые игры с гладиаторскими боями (37, 140).

Клавдий также вел борьбу против падения нравов в римском обществе, известны его ораторские выступления в сенате об обязательном наказании граждан за аморальное поведение. (См. 42, 217).

В правление Клавдия делаются попытки изгнания из государства халдеев – астрологов, предсказателей и всякого рода «гадателей».¹⁵⁵

Клавдий осуществил давно необходимую «чистку» в сенате, «вывел из него тех, кто, оставаясь в нем, добавлял к своей бедности еще и бесстыдство» (42, 217).

И все же, словно отдавая мрачную дань своему времени и, в частности, двум своим царственным предшественникам, Клавдий был жесток до свирепости. «Природная его свирепость и кровожадность как в большом, так и в малом. Попытки

¹⁵⁵ Халдеи – племена, жившие в Южной Месопотамии и обладавшие, как считалось, мистическими знаниями. (Прим. авт.)

при допросах и казни (...) заставлял он производить немедля и и у себя на глазах» (37, 146).

Последней женой Клавдия была Агриппина, дочь того самого Германика, сына Друза Старшего, о доблести и благородстве которого так много писали Светоний и Тацит. Тем явственной парадокс преемственности поколений, потому что Агреппина, также как и ее брат Калигула, оказалась полной противоположностью своего, вошедшего в историю достоинством и честью отца.

Хитрая и коварная, Агреппина сделала все, чтобы Клавдий назначил своим преемником не своего родного сына Британика, а ее собственного – Луция Домиция Агенобарба (будущего Цезаря Нерона). Это и предредило судьбу незадачливого правителя, о чем подробнее всего рассказывает Тацит. «Агриппина своими кознями и ухищрениями толкала Клавдия на ничем не оправданные жестокости...» (42, 219). Она была алчная и подлая, и из-за ее интриг погибло немало достойных людей (См. 42, 219). Своей податливостью Клавдий обрек на смерть не только себя, но и своего сына Британика. (См. 42, 222).

Так, дочью достойнейшего из людей Германика – Агриппиной Младшей был приведен к власти его внук – один из самых кровожадных и необузданных правителей рода человеческого – Нерон из рода Домициев.

ПАРАДОКС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ. НЕРОН

(ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ – 54 – 68 гг. н. э.)

*«Среди дел человеческих нет ничего более шаткого
и преходящего, чем обаяние не опирающегося
на собственную силу могущества»*

Тацит «Анналы» (42, 232)

По Тациту, если Нерон и не принимал непосредственного участия в подготовке и убийстве Клавдия, то прекрасно о нем знал. После провозглашения его императором число преступлений Агриппины не было конца, да и Нерон «от души» проявил свой лютый нрав.

Мы не станем досконально передавать все разнообразие кровавых злодеяний матери и сына, будем упоминать о некоторых из них тогда, когда это будет способствовать раскрытию особенностей публицистических тенденций в произведениях Светония и Тацита.

Правление Нерона характеризовалось дискриминацией определенных слоев общества. Один из изданных им указов касался ограничения прав вольноотпущенников. «В сенат он не принимал сыновей вольноотпущенников, а принятых его предшественниками не допускал до высоких должностей» (37, 156).

Положительным в правлении Нерона было проведение им ряда реформ, которые способствовали предотвращению таких, носящих массовый характер, преступлений, как подделки за-

вещаний.¹⁵⁶ Солидными материальными прибавками обеспечивались, занимающиеся подобными тяжбами, судебные работники. Нерон также централизовал процессы финансовых разбирательств, сделав их подотчетными и более опрощенными. «Судебные дела казначейства были переданы на форум рекуператорам,¹⁵⁷ а все обжалования из судов пересылались в сенат» (37, 157). Принцепс также построил огромный амфитеатр на Марсовом поле.

С публицистическим мастерством Тацит поднимает злободневную времени проблему узурпации власти. Государственную деятельность Нерон хладнокровно совмещает с жестокими преступлениями. Прежде всего он избавляется от своего главного соперника, сына Клавдия – Британика, который также являлся и братом его жены Октавии. Тацит пишет, что Агриппина при известии о смерти пасынка разыграла «полную неожиданность», «испуг и душевное потрясение» (42, 231). Женщина неглупая, она прекрасно понимала, что «это братоубийство – прообраз ожидающей ее участи» (42, 231). И оказалась права. Слишком настырная в своей безмерной жажде власти, Агреппина, в конце концов, очень надоела своему сыну. Нерон удаляет Агреппину сначала из императорского дворца, затем лишает ее возможности принимать у себя трибунов и центурионов – ему казалось, что мать «приискивает вождя и привлекает приверженцев» (42, 232). За этим следует ее убийство.

В правление Нерона в Риме больше, чем обычно, «царила отвратительная разнузданность» (42, 235). И основным винов-

¹⁵⁶ Известен судебный процесс по делу подделавшего завешание должностного лица Валерия Фабиана при поддержке всадников – Виниция Руфина и Теренция Лентина. См. Тацит, «Анналы», с. 269. (Прим. авт.)

¹⁵⁷ Рекуператор – в Древнем Риме принимающий апелляции. (Прим. авт.)

ником этой «разнузданности» был сам, движимый пороками, император. «Нерон слонялся по улицам города, лупанарам¹⁵⁸ и всевозможным притонам, и его спутники расхищали выставленные на продажу товары и наносили раны случайным прохожим...» (42, 235). «Крайними» во всех учиненных императором бесчинствах оказывались безвинные вольноотпущенники, и решением сената их возвращали бывшим хозяевам в качестве рабов. «И для получившего свободу совсем нетрудно удерживать ее за собою, соблюдая такое же повиновение, благодаря которому он добился ее» (42, 236).

Вслед за Светонием Тацит поднимает наболевшую проблему времени – взяточничества в высших эшелонах власти. Тацит приводит факты – в римских провинциях в лихоимстве были обвинены Випсаний Ленат, Цестий Прокул, Клодий Квиринал и др. (См. 42, 237). Немногим позже «из сенаторского сословия был исключен Педий Блез, обвиненный (...) в расхищении сокровищницы Эскулапия и в том, что, производя набор в войско, брал взятки» (42, 260).

Злоупотребление своими правами откупщиками едва не ввергло Нерона в серьезную политическую проблему. Их беспредельный произвол был ограничен. (См.42, 248).

Тацит пишет, что в Риме в то время имели место и проблемы иного рода, к примеру, уносившие много жизней схватки среди представителей городских низов, как, например, между жителями Нуцерии и Помпеев во время гладиаторских представлений. И столкновения эти были тем более жестокими, что «городским низам свойственна распущенность» (42, 260). («Взяла верх помпейская чернь») (42, 260). Также римские

¹⁵⁸ Лупанар – дом терпимости в Древнем Риме. (Прим. авт.)

провинции буквально «трясло» от частых землетрясений, периодические восстания то рабов, то плебса медленно, но верно подтачивали устои Римской Империи.

В народе назревало недовольство репрессиями императора. Тацит пишет о некоем преторе Антистие Созиане, который поносил Нерона в своих стихах¹⁵⁹ и, мало того, обнарудовал их на многолюдном собрании. Сразу после этого Нерон восстановил закон об оскорблении величия и на этом основании приговорил поэта к казни. Как и следовало ожидать, члены сената поддержали решение императора, но нашелся все же человек, который в учтивой форме попытался спасти осужденного. Имя его – Тразей Пета. В своем выступлении в числе прочего он напомнил, что «палач и петля уже давно отошли в прошлое, и мера наказания предусматривается соответствующими законами, на основании которых, а не в зависимости от свирепости судей и на бесчестье своему времени и назначается кара» (42, 272). По свидетельству Тацита, «свободомыслие Тразеи сломило раболепие остальных» (42, 272). Проведенная процедура дисцессии¹⁶⁰ показала почти полную поддержку («кроме немногих льстецов») (42, 272) Тразеи членами сената. Антистию Созиану была сохранена жизнь, но он был отправлен в изгнание.

Фабриций Вейентон написал произведение «Завещание»,¹⁶¹ в котором обличалась государственная система Империи – сенат и жречество. Гонениям подверглись и писатель, и его книга – Вейентон был выдворен за пределы Италии, а экземпляр его творения сожжен публично. Между тем Тацит от-

¹⁵⁹ Публицистическое творчество. (Прим. авт.)

¹⁶⁰ Дисцессия – принятый в Древнем Риме способ голосования, при котором степень поддержки внесшему предложению члену сената определялась числом вставших рядом с ним сенаторов. (Прим. авт.)

¹⁶¹ Публицистическое творчество. (Прим. авт.)

мечает небывалую популярность этой книги, «старательно разыскивавшейся и читавшейся» (42, 273).

Автор «Анналов» называет актуальные проблемы времени правления Нерона «общественными бедствиями» (42, 273). Фактически, были «обезглавлены» лучшие люди государства, что так или иначе могли угрожать диктатуре Нерона. Скончался при подозрительных обстоятельствах наставник императора в юности Афраний Бурр. Другой наставник Нерона – Сенека был отстранен от дел. Коварно убиты, сосланные ранее в провинции, Сулла и Плавт.

Все более частыми становятся инсургентные выступления народа. Люди оплакивали печальную участь первой жены Нерона – Октавии, с которой принцепс развелся и выслал вон из дворца, и не хотели принять жену вторую – Поппею Сабину. Толпу «разгоняют плетью, угрожая оружием» (42, 278).

Но, пожалуй, самым трагическим «общественным бедствием», отметившим правление Нерона – был, как мы уже говорили многим ранее, уничтоживший почти весь город пожар.¹⁶² До сих пор историкам неясно, какова же истинная причина возникновения пожара. Светоний, как мы знаем, имеет на этот счет свое мнение: Рим велел поджечь, вконец обезумевший император Нерон. «И этого он достиг. Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей» (37, 167). По Светонию, Нерон во власти безумного восторга от зрелища

¹⁶² Мы уже рассматривали этот вопрос с точки зрения проблемы публицистических тенденций в древнеримской историографии. См. выше. (Прим. авт.)

пылающего города, взирал на него с Мecenатовой башни в театральном одеянии и исполнял «Крушение Трои».

Тацит более сдержан в спорном вопросе о причастности Нерона к организации пожара. Он пишет: «Разразилось ужасное бедствие, случайное или подстроенное умыслом принцепса – не установлено» (42, 295). Так же Тацит утверждает, что «в то время Нерон находился в Анции и прибыл в Рим лишь тогда, когда огонь начал приближаться к его дворцу...» (42, 296). Как нам кажется, если физическое отсутствие Нерона в Риме и не исключает его участия в бедствии, то, как минимум, делает невозможным «песнопение» императора на Мecenатовой башне над бушующим пламенем города.

Мы не можем судить о том, виновен ли был Нерон во всенародном бедствии или несправедливо в нем обвинен. И все же кажется странным, что человек, который в начале своего правления заботливо ограждал свой город от пожаров, перед домами приказывал сооружать портики, с которых пламя тушилось бы легче, и «возводил он их (эти портики) на свой счет» (37, 156), однажды решился на подобное абсурдное действие. Хотя, может быть и простое объяснение поступку Нерона (если он действительно имел место) – объяснение Светония, подтвержденное многими другими фактами из жизни принцепса – возможно, он и вправду обезумел.

«К злключениям и бедствиям, виновником которых был Нерон, судьба прибавила и другие: чуму, которая за одну осень тридцать тысяч человек внесла в погребальные списки; поражение в Британии, где два города были разорены (...); бесславные дела на Востоке...» (37, 167).

В народе о Нероне ходило много разоблачающих стихов.¹⁶³ Например:

Чем не похожи Эней и наш властитель? Из Трои
То изводил отца – этот извел свою мать. (...)

Рим отныне – дворец! Спешите в Вейи, квириты,
Если и Вейи уже этим не стали дворцом (37, 168).

Тацит также пишет, что «народная молва его не щадила: повсюду говорили, что он истребил столько славных и ни в чем неповинных мужей исключительно из зависти и из страха» (42, 311).

«Такого-то правителя мир терпел почти четырнадцать лет...» (37, 168).

Когда терпеть уже не оказалось сил, под руководством Гнея Пизона был организован заговор, в котором приняли участие и сенаторы, и всадники, и воины, и даже женщины. (См. 42, 300). Однако заговор был раскрыт (65 г. н.э.), его участников постигла жестокая участь. Не миновала расправа, также причастного к заговору, Аннея Сенеку, «умерщвление которого было особенно приятно принцепсу» (42, 306).

Репрессии не прекращались. По Тациту, «в течение нескольких дней погибли один за другим Анней Мела, Аниций Цериал, Руфрий Криспин и Гай Петроний,¹⁶⁴ Мела и Криспин – римские всадники в сенаторском достоинстве» (42, 318).

¹⁶³ Народная публицистика. (Прим. авт.)

¹⁶⁴ Гай Петроний – автор известного произведения «Сатирикон». (Прим. авт.)

Светоний пишет, что когда однажды Нерону предсказали его неизбежное низвержение, он сострил: «Прокормимся ремеслишком!»¹⁶⁵ «Искусство кифареда, – пишет Светоний, – для правителя забавно, но для простого человека необходимо» (37, 168).

Сначала восстала провинция Галлия под предводительством пропретора¹⁶⁶ Юлия Виндекса. К Галлии присоединились испанские легионы во главе с Гальбой.

Нерон стал готовиться к походу против повстанцев, но когда объявил воинский набор, никого не дождался. Далее потребовал, чтобы представители всех сословий отделили часть своего состояния на воинские нужды. И этим окончательно разозлил народ. (См. 37, 170).

Гальба с войском подходил к Риму. Покинутый всеми, Нерон выбрался из города и скрылся в усадьбе вольноотпущенника Фаона. Когда сенат объявил его врагом римского народа и приговорил к смерти, он покончил с собой.

Даже перед смертью Нерон продолжал *изображать* гистриона. Его последними словами были: «Какой великий артист погибает!» и «Вот она, верность!» (37, 172 – 173)

ГАЛЬБА

(ПРАВЛЕНИЕ – 68 г. н. э.)

Светоний рассказывает, что когда Гальба был еще ребенком и приветствовал вместе с другими мальчиками Цезаря Августа, тот потрепал его по щеке, сказав: «И ты, малютка, отве-

¹⁶⁵ Речь идет о страсти Нерона к публичным выступлениям. См. сноску 132. (Прим. авт.)

¹⁶⁶ Наместник преторской провинции. (Прим. авт.)

даешь моей власти. А Тиберий, *узнав*,¹⁶⁷ что этому действительно суждено случиться, но только в старости, сказал: «Пусть живет, коли нас это не касается» (37, 176).

Гальба был наместником в Новом Карфагене, когда пришли вести о восстании Виндекса в Галлии. И если после убийства Гая Калигулы, несмотря на уговоры сторонников, он предпочел не вмешиваться, то теперь, как он посчитал, время пришло. Он повел на Рим легионы, уже провозгласившие его императором.

Как пишет Светоний, «любили и уважали его больше, когда он принимал власть, чем когда стоял у власти» (37, 180). Он, как и его свергнутый предшественник, любил казнить и не любил миловать. На злободневной проблеме автор «Жизни двенадцати цезарей» акцентирует внимание: «Своим друзьям и вольноотпущенникам он позволял за взятку или по прихоти делать что угодно – облагать налогом, освобождать от налога, казнить невинных...» (37, 181).

К подобным делам примешивалась и необычайная скупость Гальбы. Присягнувших ему на верность воинов он не только не поощрил обещанными подарками, но и сократил им жалованье.

Актуальными проблемами смутного времени, которые поднимал Светоний в своем произведении – были неустойчивая власть и частые восстания.

¹⁶⁷ Римляне любили гадать у оракулов или по ауспiciям. (См. сноску 70). Особенности общественного мировоззрения времени, к которому принадлежали автор произведения и его герои. (Прим. авт.)

Первыми взбунтовались легионы в Германии. Затем к Риму подошел Отон с войсками. Гальба правил чуть более 6-ти месяцев и был убит, оставив в истории бледное, даже незаметное «пятно».

ОТОН

(ПРАВИЛ 95 ДНЕЙ – 68 г. н. э.)

По Светонию, Отон был квестором в одной из римских провинций в течение десяти лет.

Когда Гальба избрал своим преемником не Отона, а некоего Пизона Лициниана, квестор решил мстить и во что бы то ни стало добиться власти. На это Отона толкало не только честолюбие, но и огромные долги, что подтверждалось его личным высказыванием: «Ежели я не стану императором, то мне все равно, погибнуть ли от врага в сражении или от кредиторов на форуме» (37, 185).

Описывая особенности правления императора Отона, Светоний обличает процветавшую коррупцию в высших эшелонах власти Империи. В бытность «первым другом» Нерона, Отон частенько злоупотреблял взятками, которые брал у тех, кто сами были осуждены за вымогательство. (См. 37, 184). И даже за несколько дней до того, как его провозгласили императором, он умудрился «вытянуть миллион сестерциев у раба за доставленное место управляющего» (37, 185). Продвижение Отона к власти также осуществлялось за деньги. Каждому, склоненному на его сторону солдату «было дано по десяти тысяч и обещано еще по пятьдесят» (37, 185).

Организовав убийство Цезаря Гальбы и его приемника Пизона Лициниана, Отон лично сообщил сенату о том, что его якобы «заставили принять власть» (37, 186). Свое недолгое правление он посвятил восстановлению памяти Цезарю Нерону – приказал снова расставить его статуи по всему Риму, вернул отобранные должности его прокураторам и вольноотпущенникам и т.д.

Первыми снова восстали германские легионы, которые объявили императором Вителлия и присягнули ему на верность.

В битвах при Альпах и близ Плаценции Отон одержал победу. Но сражение при Бетриаке оказалась для него роковым. «Тогда он решил умереть» (37, 187).

Как ни странно, но римский народ воспринял его смерть с большим сожалением. «И даже многие из тех, кто жестоко ненавидел его при жизни, стали его превозносить после смерти, как это водится у черни:¹⁶⁸ говорили даже, что Гальбу он (Отон) убил не затем, чтобы захватить власть, а затем, чтобы восстановить свободу и республику» (37, 188).

ВИТЕЛЛИЙ

(ПРАВЛЕНИЕ – 69 г. н. э.)

В бытность императором, Гальба назначил Вителлия наместником в Нижнюю Германию. Протекция, без которой, как мы знаем, в Риме и до эдила невозможно было дослужиться, была обеспечена Вителлию одним важным государственным деятелем

¹⁶⁸ Обратимся снова к философской проблеме, поднятой З. Фрейдом в его работе «Психология масс и анализ человеческого Я». (Прим. авт.)

Титом Винием. Однако Гальба обосновал его назначение по-другому: «Меньше всего приходится бояться тех, кто помышляет только о еде», – намекая на безмерное обжорство Вителлия. – «Может быть, богатства провинции насытят его бездонную глотку!» (37, 191)

Светоний пишет, что до своего назначения Вителлий был очень беден и окружен многочисленными кредиторами. Войско же в Нижней Германии встретило его более чем дружелюбно – солдаты «простирали руки к небу», этот сын троекратного консула Луция Вителлия представлялся им «даром богов», казался «щедрым, любезным», да к тому же «во цвете лет» (37, 191).

В армии ненавидели императора Гальбу, а Вителлий тем снискал истинную любовь солдат, что «никому ни в чем не отказывал, и сам освобождал провинившихся от бесчестия, от ветчиков от обвинений, осужденных от наказаний» (37, 192).

Учитывая инсургентные настроения в лагере, зарабатывание подобного дешевого авторитета вновь прибывшим главнокомандующим не могло кончиться иначе: «Не прошло и месяца, как солдаты, не взирая ни на день, ни на час, однажды вечером вытащили вдруг его из спальни, приветствовали императором и понесли по самым людным селам» (37, 192).

Вителлий казнил всех, кто, так или иначе, был причастен к убийству Гальбы. Когда узнал об убийстве Отона, «распустил преторианские когорты, как подавшие дурной пример» (37, 192). «Бесспорно, поступки эти были достойные и прекрасные», – пишет Светоний, – «и позволяли надеяться, что он будет великим правителем; однако остальные его дела больше отвечали былой его жизни и нраву, нежели величию власти» (37, 192).

Развенчивание злободневной проблемы – тиранической власти, как всегда, главная тема произведения Светония.

Именно Вителлию принадлежит циничное выражение: «Хорошо пахнет труп врага, а еще лучше – гражданина» (37, 193). Такими словами он отреагировал на отвратительное зрелище поля битвы, которое он увидел на своем триумфальном пути к власти.

Правление Вителлия, по свидетельству Светония, осуществлялось «исключительно по прихоти» (37, 193) его доверенных и недостойных людей. «Но больше всего отличался он обжорством и жестокостью» (37, 193). Наслаждаясь убийствами, он говорил: «Я хочу насытить взгляд» (37, 194).

Как известно, финал у тирании один. Через семь месяцев правления Вителлия против него были направлены войска. Это было началом позорного свержения императора. Занять свое место в истории Римской Империи шел Веспасиан.

Армия Вителлия была разбита, сам император сдался, объявив перед тем народу, что «слагает с себя власть, принятую им против воли» (37, 195). Его просили сохранить мужество и оказать сопротивление. Следуя совету, он напал на брата Веспасиана – Флавия Сабина, уничтожил его отряд, но при этом пострадал в огне храм Юпитера Благого. Это было роковой ошибкой Вителлия, которая лишила его поддержки даже тех, кто до сих пор ее ему еще оказывал.

Казнили его медленно и мучительно. Не миновала горькая участь его сына и брата. Такова была плата за тиранию.

ГЛОТОК ВОЗДУХА. БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСПАСИАН

(ПРАВЛЕНИЕ – 69 – 79 гг. н. э.)

«Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трех императоров, принял наконец и укрепил своей властью род Флавиев»

Гай Светоний Транквилл (37, 197).

После долгого «затмения» на небосводе многострадального римского народа проглянул, наконец, лучик солнца.

В Иудее были серьезные волнения, и Веспасиан, как «человек испытанного усердия и нимало не опасный по скромности своего рода и имени» (37, 199) был оправлен в эту провинцию с целью наведения порядка. С нелегкой задачей Веспасиан справляется очень быстро и зарабатывает, тем самым, авторитет отважного и хладнокровного полководца.

Египетские легионы под командованием Тиберия Александра первыми присягнули на верность Веспасиану, затем их примеру последовало войско в Иудее. После наместник в Сирии Лициний Муциан предложил в поддержку Веспасиану свою армию, а парфянский царь Вологез привел десятки тысяч стрелков.

Новый император, положив конец начавшейся было междоусобной войне, вернулся в Рим. И, будучи императором, «ни о чем он так не заботился, как о том, чтобы вернуть дрогнувшему и поколебленному государству устойчивость, а потом и блеск» (37, 201).

Веспасиан значительно расширил границы Римской Империи. Лишились суверенитета Ахайя, Ликия, Родос, Византий, Самос, далее – горная Киликия и Гоммагена. Он также усмирил Каппадокию, послав туда дополнительные легионы.

Постройки Веспасиана были грандиозны – храм Мира близ Форума, храм Божественного Клавдия, амфитеатр.¹⁶⁹

В правление Веспасиана были введены суровые законы касательно нравов римских граждан. Женщина, уличенная в связи с чужим рабом, сама становилась рабыней. А ростовщикам, в случае смерти должника, запрещалось требовать долги с его сыновей, если они не достигли совершеннолетия. Также Веспасиан в очередной раз в истории правления римских Цезарей запретил излишнюю роскошь.

«Во всем остальном он был (...) снисходителен» (37, 202). «Никогда подозрение или страх не толкали его на расправу» (37, 203). «Ни разу не оказалось, что казнен невинный – разве что в его отсутствие...» (37, 203). Более того, в каком-то смысле он был даже мягкосердечен, «сетовал и плакал» (37, 203) даже тогда, когда чья-либо казнь бывала заслуженна.

Обличение одной из злободневных проблем своего времени приобретает у Светония еще более искрометный характер, так как лихоимством не брезговал и сам Цезарь. «Единственное, в чем его упрекали справедливо, это сребролюбие» (37, 203). «Он (Веспасиан) открыто занимался такими делами, какими стыдился бы и частный человек» (37, 203). А именно, император Римской Империи увлекался откровенной спекуляцией, «скупая вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой» (37, 203). Более того, он занимался «распродажей» не

¹⁶⁹ Колизей по наши дни украшает центр города Рим. (Прим. авт.)

только вещей, но и должностей, а также торговал «оправданиями» в судах как для виновных подсудимых, так и для невиновных.

Веспасиан также пользовался одним нехитрым приемом – продвигал чиновников по карьерной лестнице к государственным постам, «чтобы дать им нажиться» (37, 203), а затем, подставив их, сам на них и наживался. Светоний приводит очень точный о принцепсе афоризм тех лет: «Он пользуется ими (такими чиновниками), как губками, сухим дает намокнуть, а мокрое выжимает» (37, 204). Приведем также другой афоризм об императоре: «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!» (37, 204)

Веспасиан был веселого нрава, и шутки его считались остроумными. (См. 204-205) И даже умирая, он не удержался от остроты: «Увы, кажется я становлюсь богом» (37, 206).

**ЕЩЕ ОДИН ГЛОТОК ВОЗДУХА.
БОЖЕСТВЕННЫЙ ТИТ.
(ПАРАДОКС АМБИВАЛЕНТНОСТИ)
(ПРАВЛЕНИЕ – 79 – 81 гг. н.э.)**

«Тит, (...) любовь и отрада рода человеческого, наделенный особенным даром, искусством или счастьем снискать всеобщее расположение...»

Гай Светоний Транквилл (37, 207)

Отец Тита Веспасиан прочил сыну великое будущее императора и с юных лет приобщал его к государственным делам.

Тит делил с отцом все прелести и тяготы власти, трибунства и консульства, являлся его правой рукой и даже издавал от его имени эдикты.

Жестоким Тита можно было назвать разве что тогда, когда в бытность начальником преторианцев, он, не раздумывая, предавал смерти подозрительных ему лиц. Светоний пишет, что подозрения Тита часто оправдывались. «Всеми этими мерами он обезопасил себя на будущее», – заключает Светоний. (См. 37, 208).

Оставаясь верным «старой римской традиции», Тит любил приторговывать в суде своим заступничеством и брать взятки. Эта проблема социальной жизни римского общества была актуальна в правление почти каждого Цезаря Римской Империи.

Словом, с самого начала Тит снискал себе не самую завидную славу, в нем подозревали второго Нерона (см. 37, 209), опасались его сурового и разнузданного нрава. (См. 37, 209). Однако, по мнению Светония, императору Титу «такая слава послужила только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, когда ни единого порока в нем не нашлось и, напротив, обнаружили великие добродетели» (37, 209). Потому что Тит своевременно исправил многие свои ошибки, на протяжении всего своего правления уважал чужую собственность, был щедр, обладал «редкостной добротой» (37, 209). Не в пример прежним правителям Тит подтвердил общим эдиктом все, сделанные до него, императорские пожалования. Он был милостив и добр к просителям, часто повторял: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». И если он проживал день без доброго поступка, он говорил: «Друзья мои, я потерял день!» (37, 209)

Однако волею судьбы время правления Тита было отмечено страшными стихийными бедствиями. Пожар в Риме бушевал трое суток, эпидемия моровой язвы унесла тысячи жизней, извержение Везувия погребло под собой город Помпеи. «В таких и стольких несчастиях обнаружил он не только заботливость правителя, но и редкую отеческую любовь, то утешая народ эдиктами, то помогая ему в меру своих сил» (37, 210). Каждого пострадавшего успокаивало обещание императора: «Все убытки – мои!» (37, 210)

В главе, посвященной жизнеописанию Цезаря Тита, Светоний разоблачает такую злободневную проблему нравственного характера («одно из бедствий времени»), как «застарелый произвол доносчиков и подстрекателей» (37, 210). Еще одним положительным явлением правления Тита было то, что он решительно пресекал аморальные действия подобных людей путем показательных их наказаний, а особенно злостных преступников обращал в рабство или высылал из Рима далеко и безвозвратно.

Будучи по необходимости иногда суровым, Тит был далек от злобы и мелочной мстительности. Он говорил, что «скорее погибнет, чем погубит», и придерживался данного, собственного афоризма всю свою недолгую жизнь. Примером тому может служить снисходительность императора к своему брату Домициану, который не раз был разоблачен в организациях заговоров с целью его свержения. «Он (Тит) не казнил его, не сослал и не перестал его жаловать...» (37, 210)

Скончался Тит внезапно – от горячки в сорок один год. Как пишет Светоний, смерть императора «поразила своим ударом не столько его, сколько все человечество» (37, 210). «Когда об этом (о смерти Тита) стало известно, весь народ о нем плакал,

как о родном, а сенат сбежался к курии, не дожидаясь эдикта, и перед закрытыми, а потом и за открытыми дверями воздал умершему такие благодарности и такие хвалы, каких не приносил ему даже при жизни и в его присутствии» (37, 211).

ПАРАДОКС АМБИВАЛЕНТНОСТИ.

ДОМИЦИАН

(ПРАВЛЕНИЕ – 81 – 96 гг. н. э.)

«Достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки»

Гай Светоний Транквилл (37, 213).

...Он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: «Нет даже и мухи» (37, 213).

Указов Домициан издавал много, из них выделяются: «Против виноградников» (с целью расширения хлебных пашен), «Об увеличении жалования солдатам», «О запрете нахождения двух легионов в одном лагере» (во избежание бунта).

Правление Домициана ознаменовано множеством построек – храмов, форумов, стадионов, прудов и т. д. Но самая главная заслуга императора, как пишет Светоний, состояла в том, что он пытался искоренить набольшую проблему коррупции во всех сферах государства. Судей, уличенных в вымогательстве, Домициан увольнял со всеми их советниками. Он «дер-

жал в узде столичных магистров и провинциальных наместников» (37, 215), в результате чего они стали являть собой образцы порядочности и неподкупности. Домициан также призывал к ответу разного рода сочинителей, порочащих честь представителей высших сословий, он наказывал «дурных женщин» (37, 216) лишением права наследования, особенно суров был к нарушившим обет весталкам.¹⁷⁰ Император жестоко карал за ложные доносы, тем самым прекратив их существование. Известно даже изречение Домициана: «Правитель, который не наказывает доносчиков, тем самым их поощряет» (37, 216).

На этом у Светония заканчивается, в целом, положительная характеристика императора Домициана.

Злободневная проблема тирании является магистральной и в посвященной Цезарю Домициану книге. Автор пишет, что в дальнейшем пороки императора стали проявляться все с большей силой. Он был не просто жесток, но свиреп и коварен. Казням не было конца, причем обрекали на жестокую смерть часто за нечаянно оброненное слово или неуместную шутку. (См. 37, 217). Домициан был одержим собственным культом, статуи в свою честь ставил только золотые и серебряные, а в одном правительственном письме подписался так: «Государь наш и бог повелевает...» (37, 219) Должность консула он, не в пример своим предшественникам, занимал до семнадцати раз.

В народе ходил стишок о его одержимости вырубкой виноградников. (Народная публицистика):

Как ты, козел, ни грызи виноградник, вина еще хватит
Вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут» (37, 219).

¹⁷⁰ Весталки – жрицы богини Весты, давшие обет безбрачия. (Прим. авт.)

Сам Домициан был автором следующего, пророческого для него самого, афоризма:

«Правителям живется хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, покуда их не убьют» (37, 222).

В организации заговора участвовали его лучшие друзья, его жена Домиция Лепида, его вольноотпущенники и его управляющий, которому, останься Домициан в живых, пришлось бы понести наказание за растрату.

Император был заколот в собственной спальне, и «народ остался к этому равнодушным» (37, 222).

Смутный, тяжелый период в истории Древнего Рима подходил к концу. Так долго ожидаемое народом благополучие, похоже, временно воцарилось на этой многострадальной земле, и произошло это, как пишет Светоний, «благодаря умеренности и справедливости последующих правителей» (37, 223).

В недалеком будущем – болезненный процесс падения Римской Империи, из-под обломков которой решительно выступит агрессивный провиденциализм мрачного Средневековья. Торжество ригоризма и обскурантизма зажжет ярким пламенем инквизиторскую Европу, а Свет Возрождения раздует его с еще более неистовой силой.

Описанное в этой книге было Началом... Преддверием еще большего безумия грядущих веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированные нами произведения древнеримской литературы являются яркими образцами публицистической мысли древних авторов. Труды Юлия Цезаря, Марка Цицерона, Светония Транквилла, Корнелия Тацита, Саллюстия Криспа, Децима Ювенала, Лукреция Кара, Валерия Катулла и др. отражают актуальные проблемы текущего времени, психологическое и интеллектуальное состояние социума, духовно – мировоззренческие процессы, обуславливающие социальные конфликты.

Завоевательные и гражданские войны, политические конфликты, социальные противоречия, военные бунты, народные восстания, борьба за власть и узурпация, тирания правителей, репрессии, коррупция в судебной – административной системе и в высших эшелонах власти – эти и многие другие злободневные проблемы эпохи подверглись обличительной критике древнеримских авторов. Публицистические особенности анализируются не только в творчестве древнеримских писателей и поэтов. Злободневным текущему времени содержанием характеризуется и «безымянное» народное творчество. (Народная публицистика).

Гай Юлий Цезарь в своем журналистском произведении «Записки о Галльской войне» (информативность, по большей части объективность, своевременность, достоверность, актуальность) объективно, с публицистическим мастерством вскрывает проблемы военно – административной системы Империи. Завоевание чужих земель с целью получения высших должностей, «пушечное мясо» легионов, бесконечные бунты

солдат – подобный отрицательный фон проглядывает в патетическом описании Цезарем победоносного шествия римской армии по покоренным вражеским территориям.

Публицистика Цицерона отображает самые актуальные проблемы его времени – изменивший ход истории политический конфликт между Гнеем Помпеем и Юлием Цезарем, разразившаяся кровопролитная гражданская война, окончательный крах республики, победа Цезаря и утверждение его диктатуры. Вместе с тем, содержание писем Цицерона отражает реакцию передовых людей того времени на стремительно разворачивающиеся, трагические для них события. Читатель окунается в атмосферу пересудов о политической смуте и социальной нестабильности тех лет.

Диалоги «О старости (Катон Старший)», «О дружбе (Леллий)», а также трактат «Об обязанностях» Цицерона раскрывают перед нами все таинства воззрений и размышлений образованных людей того времени. Читатель понимает причину здорового оптимизма тех, кого давно покинули силы молодости, проникает в суть нравственных исканий достойных римских граждан, уясняет смысл и значимость истинной дружбы.

Произведения «Жизнь двенадцати цезарей» Светония Транквилла и «Анналы» Корнелия Тацита характеризуются подробным и достоверным описанием правления императоров Римской Империи. Мы выявили публицистические тенденции в этих произведениях, благодаря которым становятся понятны злободневные социально – мировоззренческие проблемы древнеримского общества.

Особенно большое внимание уделяли древнеримские авторы освещению проблемы тиранического правления властителей. Они и не подозревали, какие тяжкие испытания были

уготованы будущим поколениям их соотечественников – столетние войны и крестовые походы, разгул инквизиции и пылающее в огне Возрождение – во имя меркантильных целей и нездоровых амбиций, менее всего озабоченных благополучием своего народа, сильных мира сего.

Гай Саллюстий Крисп, Тит Лукреций Кар, Гай Валерий Катулл, Децим Юний Ювенал, Федр и др. подняли в своем творчестве актуальные проблемы их современности – крушения республики, а вместе с ней и идеалов демократии, утверждения самой ненавистой народу формы правления – тирании, социальной несправедливости, недостатков законодательной и судебной систем, коррупции в разных общественных сферах и др. Древнеримские писатели и поэты затронули в своем творчестве и мировоззренческую проблему – в преддверии наступления монотеизма происходила постепенная секуляризация религиозного сознания языческого социума.

В нашем учебном пособии мы показали, что представленные к идейно – художественному анализу произведения древнеримских авторов являются публицистическими или им, как минимум, характерны публицистические черты.

В древнеримской публицистической литературе, как в зеркале, отразились социально – политические и социально – мировоззренческие проблемы одного из наиболее ярких периодов в истории Римской Империи – крушения республики и рождения новой эры с великими диктаторами во главе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннеткова – Шарова Г. Г., Чекалова Е. И. Античная литература. Л., издательство Ленинградского университета, 1989 г. – 272 с.
2. Античная лирика. Библиотека всемирной литературы, Т. 4, М., Художественная литература, 1968, 623 с.
3. Античная цивилизация. Изд. «Наука», М., 1973, 272 с.
4. Аристотель. Этика. СПб, 1908.
5. Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида. Библиотека всемирной литературы, Т. 6, М., Художественная литература, 1971, 417 с.
6. Гай Юлий Цезарь. История Галльской войны. АСТ Москва, 2009, 400 с.
7. Геродот. История в девяти томах. М.: Ладоми, Аст, 1999, 752 с.
8. Гесиод. Теогония. Труды и дни. Полное собрание текстов. М., Лабиринт, 2001, 256 с.
9. Гончарова Т. Эпикур. Жизнь замечательных людей. М., Молодая гвардия, 1988, 303 с.
10. Горенштейн В. О. Цицерон в годы гражданской войны 49 – 45 гг. и диктатуры Цезаря. Диалоги «О старости» и «О дружбе». Марк Туллий Цицерон. Об обязанностях. О Дружбе. О старости. Изд. «Наука», М., 1974, с. 175 – 191.
11. Heroes of Greekmythology. СПб. КАРО, 2004, 173 p.

12. Духин И. Эллинская трагедия в современном освещении. // Вопросы литературы, 1979, № 8, с. 280 – 287.
13. Ерунов Б. Мнение и умонастроение в историческом аспекте. История и психология. М., Наука, 1971, с. 106-121.
14. Echard, Siân. Arthurian narrative in the Latin tradition. Cambridge Cambridge univ. Press, 1998, 256 p.
15. Иванов В. Г. «История этики древнего мира. Изд. Ленинградского университета, Л., 1980, 224 с.
16. Ионина Н. Сто великих мятежников и бунтарей. М., «ВЕЧЕ», 2005, 471 с.
17. Кар Тит Лукреций «О природе вещей». Античная литература. Рим. М., Высшая школа, 1981, с. 161 – 181.
18. Катулл Валерий. Стихи. Античная литература. Рим. М., Высшая школа, 1981, 183 – 195 с.
19. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., «Высшая школа», 1990, 351 с.
20. Крисп Саллюстий. «Заговор Катилины». Античная литература. Рим. М., Высшая школа. 1981. С. 226 – 326.
21. Кун Н. Мифы Древней Греции. М., Астрель, 2004, 400 с.
22. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции, пособие для учителей. М., Просвещение, 1975, 463 с.
23. Slater, Philip E. The press glory of Hera Greek mythology a. the Greek family. Boston Beacon, 1971, 513 p.

24. Лонг. Дафнис и Хлоя. Библиотека всемирной литературы. Т. 7, М., Художественная литература, 1969, с. 167 – 234.
25. Лосев А. Ф. История античной эстетики Ранняя классика. М., Высшая школа, 1963, 583 с.
26. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга II. М., Искусство, 1988, 447 с.
27. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., Искусство, 1980, 766 с.
28. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М., Мысль, 1989, 204 с.
29. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., Советская энциклопедия, 1987, 671 с.
30. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., Советская энциклопедия, 1988, 719 с.
31. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. С – П: «Азбука», Книжный клуб «Терра», 1996, 336 с.
32. Платон. Соч. в 3 – х т., т. (1), М., 1968 – 1972.
33. Платон. Соч. в 3 – х т., т.3 (1), М., 1968 – 1972.
34. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1, М., изд. «Правда», 1987, 606 с.
35. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2, М., изд. «Правда», 1987, 608 с.
36. Пономарев В.Т. Величайшие монархи: с древности до наших дней. – Донецк: ООО «ПКФ «БАО», 2013, 704 с.
37. Светоний Гай Транквилл. «Жизнь двенадцати цезарей». М., «Художественная литература», 1990, 255 с.

38. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
39. Софокл. Эдип – царь. Античная драма. Библиотека всемирной литературы, Т. 5, М., Художественная литература, 1970, с. 119 – 179.
40. Софокл. Антигона. Античная драма. Библиотека всемирной литературы, Т. 5, М., Художественная литература, 1970, с. 179 – 228.
41. Stapleton, Michael. The Illustrated dictionary of Greek and Roman mythology. New York Bedricks books corp., 1978, 224 p.
42. Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. Сочинения в двух томах. Т. 1. Научно – издательский центр «Ладомир», М., 1993, 600 с.
43. Тронский И. М. История античной литературы». М., Высш. шк., 1983, 464 с.
44. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. Марк Туллий Цицерон. «Об обязанностях», «О старости», «О дружбе». Изд. «Наука», М., 1974, с. 159-174.
45. Федоров Н. А., Мирошенкова В. И. Античная литература. Рим. М., Высш. шк., 1981, 608 с.
46. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого я. Я и оно. Эксмо, М., Фолио, Харьков, 2007, с. 771 – 838.
47. Федр. Басни. Античная литература. Рим. М., Высшая школа, 1981.
48. Цицерон Марк Туллий. Об обязанностях. Изд. «Наука», М., 1974, с. 58 – 156.

49. Цицерон Марк Туллий. О старости. (Катон Старший). Изд. «Наука», М., 1974, с. 7 – 30.
50. Цицерон Марк Туллий. О дружбе. (Лелий). Изд. «Наука», М., 1974, с. 31 – 57.
51. Цицерон Марк Туллий. Цезарь в письмах Цицерона. Гай Юлий Цезарь. История Галльской войны. АСТ Москва, 2009, с. 267 –323.
52. Ювенал Децим Юний. Сатиры. Античная литература. Рим. М., Высшая школа, 1981.
53. Ярхо В. Эдипов комплекс и «Царь Эдип» Софокла (о некоторых психоаналитических интерпретациях древнегреческой трагедии) // Вопросы литературы, № 10, 1978, с.189 – 213.

Лейла Экрем Мирзоева

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ
ДРЕВНЕГО РИМА

(Учебное пособие)

Баку – Мугарджим – 2018

*Книга сверстана и отпечатана
в издательско-полиграфическом центре «Мутарджим»*

Подписано к печати 21.08.18.
Формат: 60x84 1/16. Гарнитура: Times.
Объем: 12,5 п.л. Тираж 200. Заказ № 210.
Цена договорная.

ИПЦ «Мутарджим»
Баку, ул. Расула Рзы, 125/139б
тел./факс: (+99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

Лейла Экрем Мирзоева

Доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики
Бакинского славянского университета,
член Союза писателей Азербайджана,
член Международного Союза писателей
«Новый современник»,
член Международной Ассоциации писателей